

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2023

Том 23

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

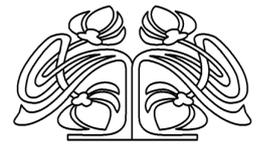
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23
ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издаётся с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

Третьякова М. В. Русские путешественники XVII века об остерях итальянских городов 4

Мельников П. Ю. «Без раздела спорее, да много греха на душу примешь». Сложная крестьянская семья в Российской империи XIX в.: основные тенденции развития 12

Скворцов А. М. Алексей Сергеевич Бартев: становление учёного-медиевиста в контексте формирования советской диссертационной культуры 17

Всеобщая история и международные отношения

Телепень С. В. Военное командование и инерция сознания: римские военачальники перед лицом императорской власти 24

Миронова С. А. Политические и гендерные аспекты прихода к власти и правления Марии Тюдор 31

Станков К. Н. Битва на реке Бойн 1690 г. (по материалам английских, шотландских и ирландских источников) 38

Яблонская О. В. Эмиграция несовершеннолетних британцев в Канаду: причины переселения из Великобритании 45

Лотменцев А. М. Как построить Иерусалим? В поисках эволюции путей приватизации священного и мирского 53

Шумаков А. А. Заговор Денмарка Визи: причины и предпосылки 61

Шестакова Н. Ф. Образ Кухулина в исторической памяти Ирландии в Эпоху Гэльского возрождения рубежа XIX–XX веков 71

Креленко Д. М. Фактор Канарского архипелага в контекстах пацификации франкистской Испании и гегемонистской конкуренции (1940–1942) 79

Региональная история и краеведение

Рабинович Я. Н. Воевода Саратова Василий Васильевич Нелединский (1655–1657) 88

Лёвин С. В. У истоков саратовской земской статистики: Л. С. Личков 101

Соловьев П. К. Миссионерская деятельность единоверческого духовенства Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века 106

Яковец Н. В. Народное образование в Царицыне–Сталинграде в 1917–1929 годах: становление, трудности, результаты 116

Данилов В. Н. Строительство оборонительных укреплений на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны 122

Галямичев А. Н. М. Е. Беляева: основные вехи жизни и научно-педагогической деятельности 131

Критика и библиография

Представляем книгу

Бакланов В. И. К вопросу о роли Чехословацкого корпуса в расширении гражданской войны в России 136

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “История. Международные отношения”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77–76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7)

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).

Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.02.23.

Подписано в свет 01.03.23.

Формат 60 × 84 1/8.-

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 4-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurlhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurlhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;

– оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на приставный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

M. V. Tretyakova Russian travelers of the XVII century about the osteries of Italian cities 4

Melnikov P. Yu. “Without division, it’s faster, but you will take a lot of sin on your soul”. A complex peasant family in the Russian Empire in the 19th century: Main development trends 12

Skvortsov A. M. Alexei Sergeyevich Bartenev: The Becoming a Medievalist in the development context of the Soviet Dissertation Culture 17

World History and International Relations

Telepen S. V. Military command and inertia of consciousness: The Roman warlords in the face of emperor’s power 24

Mironova S. A. Political and gender aspects of Mary Tudor’s rise to power and rule 31

Stankov K. N. The Battle on the River Boyne in 1690 (based on the English, the Scottish and the Irish Sources) 38

Yablonskaya O. V. Emigration of British minors to Canada: Reasons for resettlement from Great Britain 45

Lotmentsev A. M. How to build Jerusalem? In search of the evolution of ways to privatize the sacred and the secular 53

Shumakov A. A. The conspiracy of Denmark Vesey: Causes and prerequisites 61

Shestakova N. F. The image of Cu Chulainn in the Irish historical memory in the Gaelic revival in the 19th–20th centuries 71

Krelenko D. M. The factor of the Canarian archipelago in the contexts of pacification Francoist Spain and hegemonic competition (1940–1942) 79

Regional History and Local Studies

Rabinovich Ya. N. Governor of Saratov Vasily Vasilyevich Neledinsky (1655–1657) 88

Lyovin S. V. At the origins of the Saratov zemstvo statistics: L. S. Lichkov 101

Solovyev P. K. Missionary activity of the co-religionist clergy of the Samara province in the second half of the 19th – early 20th century 106

Yakovets N. V. Public education in Tsaritsyn–Stalingrad in 1917–1929: Formation, difficulties, results 116

Danilov V. N. Construction of defensive fortifications on the territory of the Saratov region during the Great Patriotic War 122

Galyamichev A. N. M. E. Belyaeva: The main milestones of life and scientific and pedagogical activity 131

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

Baklanov V. I. On the role of the Czechoslovak Corps in the Expansion of the Civil War in Russia 136

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

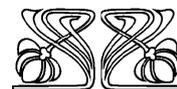
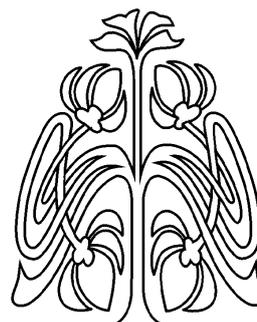
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

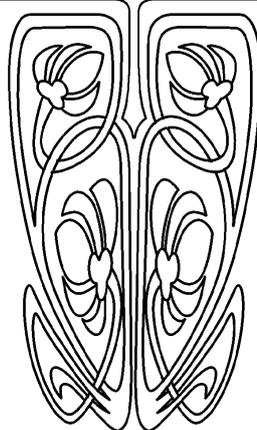
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–11

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–11
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-4-11>, EDN: MXINEN

Научная статья
УДК [94-057.68(470+571):640.4(450)+821.161.1.09-94] | 16 | +929[Шереметев+Толстой]

Русские путешественники XVII века об остериях итальянских городов

М. В. Третьякова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, Россия, 607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, marinatretyakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6158-8800>, Author ID: 453839

Аннотация. В статье рассматривается описание остерий итальянских городов русскими путешественниками XVII в. – стольником П. А. Толстым и боярином Б. П. Шереметевым. Лишь в путевых заметках стольника П. А. Толстого дана детальная характеристика остерий. Формулируется вывод, согласно которому записи путевых дневников русских путешественников XVII в. и собственно их турне способствовали активному проникновению подобного института в обиход России.

Ключевые слова: русские путешественники, остерия, постоялый двор, корчма, XVII век, итальянские города

Для цитирования: Третьякова М. В. Русские путешественники XVII века об остериях итальянских городов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-4-11>, EDN: MXINEN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Russian travelers of the XVII century about the osteries of Italian cities

M. V. Tretyakova

National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, 36 K. Marx St., Arzamas, N. Novgorod region 607220, Russia

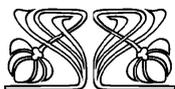
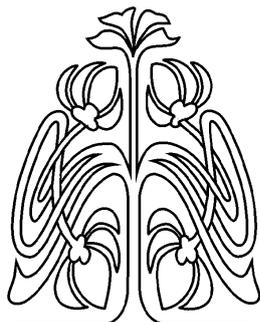
Marina V. Tretyakova, marinatretyakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6158-8800>, Author ID: 453839

Abstract. The article discusses the description of the osteria of Italian cities by Russian travelers of the XVII century – stolnik P. A. Tolstoy and boyar B. P. Sheremetev. Only in the travel notes of stolnik P. A. Tolstoy is a detailed description of the osteria given. The author of the article comes to the conclusion that the entries of the travel diaries of Russian travelers of the XVII century and their actual tour contributed to the active penetration of such an institution into the everyday life of Russia.

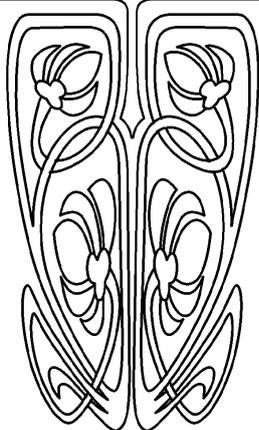
Keywords: Russian travelers, osteria, inn, tavern, XVII century, Italian cities

For citation: M. V. Tretyakova Russian travelers of the XVII century about the osteries of Italian cities. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-4-11>, EDN: MXINEN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Постоялые дворы существовали в Европе со времен Античности. К концу XVII в. в итальянских городах существовала развитая сеть постоянных дворов (остерий). Не случайно в путевых заметках русских путешественников этого периода итальянским остериям отведено особое место. Попробуем рассмотреть, какое впечатление произвели остерии городов Апеннинского полуострова на стольника П. А. Толстого и боярина Б. П. Шереметева.

По мнению исследователей, у славян с древности существовала корчма [1, с. 30–31; 2, с. 28–29; 3, с. 220; 4, с. 312] – постоянный двор [5, с. 520] и трактир с продажей напитков. «С XI в. эти общественные заведения можно было встретить у южных славян и чехов, в Польше и Литве, позднее – у венгров и эстонцев. На Руси они бытовали издавна, хотя упоминается такое заведение впервые только в грамоте 1359 г. В помещении корчмы – большой комнате – посредине находился очаг-огнище, а в крыше – отверстие для дыма. Вокруг огнища стояли столы и скамьи для 30 гостей. В углу размещалась лавка, где продавалась всякая всячина: веревки, орехи, фасоль, пшено. Там же стояло несколько бочек, откуда в жестяную кружку или глиняный кувшин наливали вино, пиво или квас, которые потом разливали в чаши. Кроме общей комнаты, в корчмах имелись помещения для отдыха проезжающих и вместительный сарай для возов и лошадей. ... Корчма служила местом собраний и распространения новостей, гостиным двором – являлась средоточием городской жизни» [2, с. 28–29, 31, 32–36; 6, с. 30–31].

Л. В. Беловинский уточняет, что «корчма – в южных районах кабак, но не на откупе, а вольной торговли. Принадлежал помещику и содержался корчмарем-арендатором. Одновременно являлся постоянным двором. В корчме была общая комната, помещение для приезжих и сарай (стодола) для лошадей, возов, фуража» [4, с. 312]. Под постоянным двором, по его мнению, следует понимать «дешевую гостиницу, комплекс жилых и хозяйственных построек для временного проживания или краткой остановки путников вместе с повозками, лошадьми, товарами, слугами. Состоял из дома с комнатами для приезжих, кухней, буфетом и общим залом, из конюшен, амбаров, сеновалов, колодца и т. д. Постояльцам предоставлялось питание, а животным – фураж и водопой. Жилые комнаты были разного комфорта и цены. Постоялые дворы располагались на почтовых трактах, шоссе, в небольших городах, селах, особенно в местах ярмарочной торговли или на путях к ним» [5, с. 520].

Стольник П. А. Толстой (1645–1729), находившийся в путешествии по Западной Европе с февраля 1697 г. по январь 1699 г. [7, 8; 9, с. 341–345; 10, с. 251–291], оставил путевые записи [11]. Целью его путешествия была Италия, а точнее

Венеция, где он должен был изучать навигационное дело. До места своего назначения стольник добирался через территории Речи Посполитой, Священной Римской империи. По дневнику воссоздается маршрут П. А. Толстого по землям Апеннинского полуострова: из Вены: Режита, Тревизо, Местре, Венеция, Падуя, Венеция, Местре, Тревизо, Виценца, Верона, Брешиа, Бергамо, Милан, Венеция, Бари, Барлетта, Неаполь, Капуя, Рим, Витербо, Больсена, Сиена, Тавернелле, Флоренция, Борго, Болонья, Феррара, Ровиго, Монселиче, Падуя, Венеция, Местре, Тревизо, Венцоне, Малборхетто-Валбруна [12, с. 353–355]¹.

Стольник по-разному называет постоянные дворы на территории тех земель, через которые он проезжал. Когда П. А. Толстой ехал по владениям Московского государства, то в своем дневнике он писал «приехал обедать», «обедал» и далее шло географическое название этого места либо фамилия владельца тех мест, или название монастыря, где он останавливался. В землях Речи Посполитой встречались эти же обороты, но прибавилась отметка, что это «маетность короны», или представителя шляхты, и появилось обозначение места остановки – корчма. Например, «Апреля в 13 день. Приехал обедать в корчму, которая зовется Городище...» [11, с. 17].

Проезжая через земли Священной Римской империи, П. А. Толстой тоже просто писал, что приехал «обедать», «ночевать», иногда именовал места своих остановок в пути тоже корчмами.

В пределах же итальянских государств стольник для обозначения постоянных дворов стал использовать уже собственно итальянское название постоянного двора – остерия («астария», «астари», «остария»). Это слово у него впервые появилось в записях, начиная от 15 августа 1697 г., до этого времени этот термин не встречался в его заметках: «Стоял в Падве во астари, то есть на постоялом дворе...» [11, с. 66]. До этого дня стольник писал, что он «приехал обедать» или в местечко, или в деревню, или в город («в местечке Ашпиталь» [11, с. 48]; «в деревне Градишкуч», «в местечке Шецелей» [11, с. 49], «в городе Тривиз» [11, с. 49]).

Остерии, в которых останавливался стольник, он именуется либо просто остерией, которая находится в том или ином месте («...астарии, то есть постоянные дворы, в Вероне изрядные» [11, с. 86], «...Приехал к обеду в местечко Венецкаго же княжества, которое называется Палиоцоль, и в том местечке стоял во астари до полудня» [11, с. 86]), либо указывает ее название («в остарии, которая называется Кавалкасея» [11, с. 86], «в остари, что называется Ляшкала» [11, с. 226]), либо указывает ее географическое местонахождение и ее название («В том городе Виценце обедав, поехал и приехал во астарию, которая называется Литоры Декомфины...» [11, с. 85], «в ... Рувиго ... в остари ... Корона»

[11, с. 238], «... в папезском городе Риджелион... стоял в остари, которая называется Фортуна» [11, с. 226], «остари, которая зовется Тавернели» [11, с. 227] (так же называется и местечко Тавернелле². – М. Т.).

Чаще последнее бывало в крупных городах (местечках), где было несколько подобных заведений. Иногда стольник дает им пространные характеристики, но чаще просто констатирует факт, что он останавливался на обед (ужин) (ночлег) (несколько дней и больше).

На обратном пути из Венеции в Москву подобные заведения в пределах Священной Римской империи до владений Речи Посполитой стольник П. А. Толстой именовал исключительно остериями («И приехал обедать на цесарскую границу в город Полтаву, ... В том городе стоял в остари цесарской, которая зовется Аквильянегро. ...Ноября в 18 день. Поутру из Трайхирка приехал в каляске в Вену и стал в остари “У Чернаго Орла” за городом, на берегу реки Дуная...» [11, с. 244]. В чешских землях о своих местах остановок в пути П. А. Толстой пишет: «Приехал обедать», «приехал начевать» и приводит географическое название места: деревня, село, «цесарский город Угамунц», «местечко Берон», «приехал обедать к реке Море» [11, с. 245], а уже в пределах Речи Посполитой постоянные дворы называет корчмами: «приехал обедать в карчму Гнилиц» [11, с. 246].

Под остерией стольник П. А. Толстой понимает и собственно постоянный двор, где можно остановиться в пути на некоторое время, на ночь, на несколько дней (месяцев), и место, где можно просто поесть.

Термин «остерия» (*osteria*) происходит от лат. *hospes* – «гость». Считается, что одно из самых ранних его упоминаний («*hostaria*») встречается в *Capitolare dei signori di notte* (капитуляриях (должностных наказах) XIII в. магистратуры *Signori della Notte*³ Венеции [13, р. 72]). Остерии появлялись там, где проходил большой людской поток: по маршруту дорог – городских, междугородних, паломнических путей, где шла оживленная торговля (площадях и рынках). Вскоре они стали играть важную роль в жизни общества. В остериях подавали вино, еду, предоставляли помещения для ночлега. Почти в каждом современном итальянском городе существуют старейшие остерии. Например, в Болонье одной из старейших является остерия «*Al Cappelletto Rosso*», или «*Del cappelletto*», расположенная на улице Виа де Фузари, недалеко от площади Пьяцца Маджоре. О ней известно с 1375 г. Она по-прежнему выполняет свою функцию отеля и предприятия общественного питания, где подают еду и напитки. В XIV в. в Болонье насчитывалось более 150 остерий.

По мнению А. Каппати и М. Монтанари, «*osteria* – постоянный двор, но это же слово можно было также использовать для описания очень

скромной таверны (иначе называемой *bettola*), где владелец происходил из того же класса как клиенты, которым он продавал свое вино» [14, р. 227]

Колоритной фигуре владельца гостиницы – постоянного двора, правда, XIX–XX вв., посвящены проникновенные строки А. Каппати и М. Монтанари. Хотя эти фразы вполне характеризуют и владельцев остерий XVII в. [14, р. 226–230]. По их словам, трактирщик – «персонаж, который превосходит время и моду, и как таковой он является устаревшим существом, таким же старым и морщинистым, как сельская местность, со своим вином и разнообразными блюдами» [14, р. 226]. Он являлся выразителем социальных и политических настроений своего времени, продавал своим клиентам (постояльцам) вино, иногда разбавляя его, добавляя краситель или воду в свои собственные продукты [14, р. 227]. А. Каппати и М. Монтанари полагают, что еда стала готовиться в остериях, тавернах в городах и небольших городках, там, где этого требовали необходимость, путешествия, почтовая карета или рынок [14, р. 227].

К сожалению, ни стольник П. А. Толстой, ни боярин Б. П. Шереметев не пишут в своих записях о владельцах остерий. Правда, П. А. Толстой лишь однажды упомянул хозяина остерии в Неаполе Мартина, которому он оставил свой «заклад» вместо платы.

Естественно, остерии могли быть и весьма опасным местом, поскольку там пребывали разные люди, как добропорядочные, так и с криминальными наклонностями, как состоятельные, так и не слишком. Кстати, ни стольник П. А. Толстой, ни боярин Б. П. Шереметев не упоминали в своих заметках о том, что им пришлось сталкиваться с подобными явлениями. Хотя П. А. Толстой писал, что иностранцу в Падуе «потребно жить остерегательно» [11, с. 69], и по ночам одному ходить не нужно, поскольку там опасно из-за студентов Болонского университета.

Более подробную характеристику стольник дал остериям тех городов Италии, где или жил долго (как в Венеции), или через которые проезжал, или специально посещал, чтобы осмотреть достопримечательности.

Он пишет об остериях [9, с. 343] Венеции [11, с. 102], Падуи [11, с. 66, 71], Вероны [11, с. 86], Рима [11, с. 188, 218], Флоренции [11, с. 228, 232–233], Неаполя [11, с. 146], Феррары [11, с. 236], Монселиче [11, с. 238] и других городов. Общее будет одно: остерия – место, где останавливаются приезжие, где им предоставляют ночлег («отведут особую полату» [11, с. 102]) (поскольку остерии имеют несколько помещений), в которой будет мебель – кровать с белыми простынями, одеялами (атласными), стулья, кресла, стол, место для одежды («ящик

на платье» [11, с. 102]), зеркала, картины, обязательно свечи с лампадой для вечернего (ночного) освещения, и дают еду – обед и ужин, включая вино. Естественно, что это все будет предоставлено за определенную плату. Если кто-то захочет вина после того, как закончится обед или ужин, то в этом случае придется платить дополнительно.

Чем кормят в остериях? Конкретного меню стольник не приводит, но отмечает, что в Венеции подают мясные, рыбные блюда, фрукты и много «трав: салатов, селдерей, капросу и иных, тому подобных» [11, с. 103]. Стольник пишет, что по пути из Венеции в Падую и обратно из Падуи в Венецию он останавливался «обедал на дороге в остериях» [11, с. 71], где постояльцам предлагали мясные, рыбные блюда, виноград, другие фрукты, красные и белые вина, «двойное вино» – «изрядную анисовую водку» (наверное, все-таки речь идет о напитке типа граппы, раз стольник пишет, что ее «сидят из виноградных вин, что по-италиянски называется аква вита». – М. Т.) [11, с. 71]. В римских остериях постояльцам предлагали и «жаркие, и похлебки, и пироги французские, и всякие ествы предивные...» [11, с. 225–226], а также жареных голубей и похлебки из них.

А. Каппати и М. Монтанари отмечают, что в гостинице обычно употреблялись определенные виды продуктов местного производства, которые продавались на рынке или, если гостиница находилась в городе, приобретались в соседних районах [14, с. 227]

Из описания стольника можно представить и услуги, предоставляемые постояльцам в остериях, естественно, за их деньги. Это заправка постелей каждый день, смена постельного белья раз в неделю, уборка в комнатах, помощь слуг (слуга или камергер должен помочь обуться и умыться, подавая мыло и полотенце), чистка одежды и пр. Тут нет конкретики.

Когда стольник писал о римских остериях, то отмечал, что во время трапез хозяин остерий для постояльцев столы накрывает белыми скатертями, подает «полотенца рушные, белые ж» [11, с. 225–226], оловянную посуду, столовые приборы (ножи, вилки, ложки, солонки) из серебра. На столах стоят сосуды из стекла для напитков. В остериях рукомойники и «лахани ценинные»⁴.

Сколько может быть за раз постояльцев, сложно сказать. Стольник лишь об остериях Венеции написал, что в остерии каждый день могли на обед и ужин бывать «...за столом человек по сто, и болши», в зале (залах), где подавали еду, ставили «много столов долгих, и четвероугольных, и круглых». К началу трапезы созывали звоном колокола [11, с. 102–103].

Кроме того, в остериях можно было поиграть в «тавлеи и карты», заплатив за это хозяину, купить табак «дымовой и носовой, и трубки, чем табак пить» [11, с. 71], как, допустим, было

в остериях по маршруту Венеция – Падуя – Венеция.

Еще одно наблюдение сделал стольник П. А. Толстой, живя в Италии. Остерии различаются: есть лучшие и те, которые не относятся к этой категории. «Лучшие» остерии, по его словам, отличаются своим интерьером, качеством предоставляемых услуг, т. е. они дороже, престижнее, качественнее. Например, он пишет: «Остарей в Неаполе, то есть постоянных домов, много, а построены все рядом в одном переулке лутчие, а иные есть и по иным местам неболшие» [11, с. 146], «Тререй, а по-словенский Трех царей; та остария в Медиолане (Милане. – М. Т.) для приезду фарестиров, ... лутчая. В той астари отвели мне полату, которая обита вся отласом цветным изрядным и убрана уборами дивными, в которой было две кровати изрядные с постелями и с одеялами отласными, также столы хорошие и кресла и стулы, бархатом обитые, предивные» [11, с. 87–88]. Если следовать за мыслью стольника, то категория остерии – «лучшая остерия для приезжих» – определяется ее размерами и районом размещения в городе, убранством комнат. Во всяком случае, пребывая в некоторых городах Италии, стольник подчеркивает, что он останавливался в лучшей остерии, когда писал об остериях этих городов. Например, так было в Неаполе, Милане, Болонье (где «Остарей ... много изрядных» [11, с. 235], лучшая, «...которая зовется Сан-Марко») [11, с. 234].

Единственное место в Италии, где стольнику не повезло с «остариями», это некоторые местности Неаполитанского королевства: либо плохие были, либо кормили плохо: «Те все остари от Бару до Неаполя гишпанские, и зело скудно в них бывает пищу, а паче ж нет рыбы и фруктов, то есть гроздия, и за дорогую цену рыбы не сыщешь...» [11, с. 126].

Кстати, боярину Б. П. Шереметеву тоже не понравились постоялые дворы Неаполитанского королевства. В его статейном списке отмечено: «Ночевали в люстории Комарота (недалеко от Неаполя. – М. Т.): зело та люстария худа и пустая; ни постели, ни кроватей, только живет в ней в исподе один мужик, продает всякий харч; ... пристали к порту Лявулива; у того порта одна палата пустая и скаредная; не токмо постели, или кроватей, ниже досок, и не продают тут никакого харчу...» [15, стб. 1649].

Исключение составили остерии самого Неаполя, где стольник расположился «... в остерии, которая называется Алля Полиомба Доро... Под золотым голубем», где ему отвели «камору изрядную, в которой была кровать изрядная, золоченая и постеля с белою простынею...» [11, с. 127]. Не уверены, что все остерии Неаполя имели столовое серебро, поскольку они могли быть разные, как дорогие, так и дешевые, и вряд ли стольник останавливался в последних, но он утверждал, что «в Неаполи ж в остариях лошки, и черенья

ножевые, и вилки, и солонки серебряные» [11, с. 146]. Наверное, речь шла о тех, в которых он останавливался, т. е. о «лучших» остериях города. Приезжая во второй раз в Неаполь на обратном пути своего маршрута, стольник предпочитал останавливаться в тех же гостиницах («пришел в Неаполи в остарию, в то же, в которой прежде стоял, которая называется Гелимбадеоро») [11, с. 179].

Между прочим, путешествовавший по Италии почти на 100 лет раньше, чем стольник П. А. Толстой, Мишель Монтень (его путешествие относится к 1580–1581 гг.) тоже особое внимание уделял постоялым дворам городов Апеннинского полуострова [16]. Мишель Монтень по-разному оценивал качество состояния и предоставления услуг в гостиницах (*Les hostelleries*) [17, р. 201, 231, 236, etc.] итальянских городов и местечек. По его мнению, есть хорошие, например, в Леванелле [16, с. 137], в Витербо («большая, удобная и вполне приличная») [16, с. 179], в Сузе [16, с. 189], есть убогие, есть плохие и дорогие, как, например, во Флоренции [16, с. 91–92], есть и такие, которые «... знамениты среди всех итальянских (гостиниц. – М. Т.) своим вероломством: проезжих тут потчуют прекрасными обещаниями всяческих удобств» [16, с. 86–87] (и не предоставляют их. – М. Т.). В итоге Мишель Монтень все-таки написал: «По правде сказать, я всегда не только хорошо, но и приятно устраивался везде в Италии, за исключением Флоренции ... и Венеции, где мы поселились в слишком многолюдном и довольно неопрятном доме, потому что не собирались оставаться там надолго» [16, с. 169]. Кроме того, по дневнику Мишеля Монтеня можно определить и набор услуг, которые предоставляли своим постояльцам владельцы постоялых дворов. Он почти в неизменном виде дошел до конца XVII в.: ночлег (проживание), пропитание, предоставление свечей (ламп) для освещения плюс за дополнительную плату еда и напитки после завершения обеда (ужина). Даже набор предметов мебели, включая и белье простыни на кроватях, оставался неизменным. Фактически можно утверждать, что особых изменений в деле владельцев постоялых дворов в итальянских городах на протяжении столетия не произошло. Наверное, за исключением тех, что были связаны с изменениями культурных стилей и появлением новых модных тенденций в интерьере, кухне.

Вернемся к стольнику П. А. Толстому. Среди остерий Рима он выделил еще одну, славившуюся своими необычными (сделанными из куч керамических черепков) винными погребками. В погребах хранились винные бочки, здесь же были поставлены столы со скамьями. В этой остерии подавали не только вино («какого вина лутчи в Риме нет»), но и еду («изрядные ествы») [11, с. 216]. Ее он посетил лично [11, с. 216].

Кстати, помимо остерий, где подают еду, напитки и предоставляют ночлег, стольник П. А. Толстой выделяет еще один тип заведений в итальянских городах, в частности Венеции, это харчевни, где подают (продают) исключительно еду: «В Венецы ... печи имеют толко в харчевнях, где пекут хлебы, и пироги, и всякие на пищу потребы» [11, с. 52].

Кроме остерий для постоя, можно было снять и дом. Например, стольник П. А. Толстой пишет, что по возвращении из Падуи в Венецию в 1698 г., сначала он до 30 августа 1698 г. остановился в остерии, «которая называется Леонбанко» [11, с. 239], платя «на сутки за полату, и за пищу, и за постелю, и за всякие потребы по дукату за себя венецкой манеты», а 30 августа снял дом, в котором было несколько помещений с мебелью и посудой. Здесь же было и место для приготовления еды. Продукты и все необходимое для проживания, включая и все для освещения, стольник покупал самостоятельно. Этот дом за месяц обошелся ему в «6 дукатов венецких» [11, с. 239]. 30 сентября 1698 г. П. А. Толстой снял себе другой дом «блиско греческие церкви святого Георгия, где живет греческой митрополит». Этот дом имел схожую планировку и условия проживания с предшествующим. В нем стольник прожил до 28 октября 1698 г., заплатив «за него 8 дукатов венецких» [11, с. 239].

Заплатить за проживание можно, оставив вместо денег что-то в залог («закладом до выкупу» [11, с. 180]). Так поступил стольник П. А. Толстой в Неаполе, когда поиздержался после Мальты («денег уже ничего не было и проживал с великою скудостью» [11, с. 180]), отъезжая в Венецию 6 августа 1698 г. и расплачиваясь с хозяином остерии Мартином («Мартыном») за «пищу, и за питье, и за каморы, и за постелю», за постой до отъезда на Мальту и после приезда с острова, не деньгами (20 дукатов), а закладом [11, с. 180].

С 22 июня 1697 г. по 10 февраля 1699 г. в Западной Европе (Речи Посполитой, Священной Римской империи, итальянских государствах и владениях испанского короля на территории Апеннинского полуострова и Сицилии, на острове Мальта), выполняя дипломатические поручения Петра I [18, с. 240], находился и боярин Б. П. Шереметев (1652–1719). Все события его поездки были отражены в статейном списке [15, 19]. Надо сказать, что в Европе Б. П. Шереметев был не впервые, в 1686 г. он возглавлял посольство, отправленное во Львов для подписания Вечного мира (1686) между Московским государством и Речью Посполитой, затем посольство направилось в Вену ко двору императора Леопольда [7, с. 32, 34; 9, с. 336; 18, с. 233].

Маршрут боярина Б. П. Шереметева в 1697–1699 гг. – Москва – Краков – Вена – Венеция – Рим – Неаполь – Мессина – Мальта – Неаполь –

Бари – Рим – Флоренция – Венеция – Вена – Киев – Москва. В январе 1698 г. боярин оказался на территории Апеннинского полуострова, побывав в следующих деревнях, городках и городах: Режитта, Тревизо, Местре, Венеция, Падуа, Монселиче, Ровиго, Феррара, Болонья, Имола, Фаэнца, Римини, Пезара, Анкона, Лорето, Серавалле, Сполето, Рим, Веллетри, Приверно, Капуя, Неаполь, Амальфи, Мальта, Амальфи, Неаполь, Барлетта, Бари, Неаполь, Рим, Флоренция, Болонья, Венеция [20, с. 469–471]⁵.

В статейном списке 1697–1699 гг. Б. П. Шереметева такого подробного описания остерий, как в путевых заметках стольника П. А. Толстого, нет. Обращает на себя внимание такая деталь. В статейном списке Б. П. Шереметева, как и в дневниковых записях стольника П. А. Толстого, меняется обозначение постоянного двора в соответствии с тем, как эти заведения именовались в тех странах, по которым он проезжал. Когда Б. П. Шереметев передвигался по территории Московского государства до владений Речи Посполитой, в его статейном списке вообще не использовался термин «постоялый двор», есть только упоминания о том, «приехали ночевать» и указание либо названия географического места, либо имя владельца места. С 24 сентября в статейном списке стал появляться термин «корчма», в которой либо обедали, либо ночевали. Например, «24 сентября корчма Кодечевская, место Влодзимерж (Владимир-Вольинский. – М. Т.) [19, с. 15], «25 сентября ночевали в селе Рубишев в корчме» [19, с. 15].

Отметим, что в издании «Путешествия по Европе боярина Б. П. Шереметева 1697–1699» используется термин «корчма» для названия постоянных дворов в Италии, в то время как в «Похождениях в Мальтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметева» используется другой термин – «люстария». Например, издание 2013 г.: «25 марта 13 числа переехали 20 миль, обедали в предместьи города Синагаглия, а ночевали, отъехав 15 миль, в корчме Олмо» [19, с. 51]; издание 1871 г.: «25 марта 13 числа переехали 20 миль, обедали в предместьи города Синагага, а ночевали, отъехав 15 миль, в люстарии Олмов» [15, стб. 1630]; издание 2013 г.: «...Ночевали за две почты от Рима в корчме» [19, с. 52]; издание 1871 г.: «...Ночевали за две почты от Рима в люстарии» [15, стб. 1632]; издание 2013 г.: «По приезде во Флоренцию взяли квартиру на постоялом дворе» [19, с. 97]; издание 1871 г.: «А как приехали во Флоренцию стали в люстарии» [15, стб. 1689]; издание 2013 г.: «27 августа приехали в Вену, а стали на гостинном дворе в квартире» [19, с. 100]; издание 1871 г.: «В Вену приехали августа 26 числа и стали в дому гостинном в люстарии» [15, стб. 1692].

И больше ни слова. Возможно, продолжая традиции составления статейных списков, в задачи автора путевых заметок боярина Б. П. Шере-

метева не входило детальное описание остерий Италии.

Кстати, такая же практика названия постоянных дворов характерна и для статейного списка («Архива») Андрея Артамоновича Матвеева [21], который был как неофициальный посол во Франции в 1705–1706 гг. По пути от Гааги до Парижа он называет постоянные дворы гербергами, т. е. так, как эти заведения именовались на территории Республики Соединенных провинций и Южных Нидерландов («... Ахтербруг ... стоял в герберге, или гостинном дворе, называемом Амстердам...» [21, с. 34], «В городе Антверпии посол стоял в первом знатном герберге, который называется гранд лабороуб, или великий земледелец ...» [21, с. 34]). В пределах Франции до своего приезда в Париж 25 сентября 1705 г. А. А. Матвеев пишет либо герберг, как, например, когда он останавливался в городе Камбре [21, с. 44], «селе ... Луве» [21, с. 47], либо постоялый двор, но свое второе место размещения в Париже, где он находился с 6 октября 1705 г. до 20 октября (9 октября по старому стилю) 1706 г. он называет «Лотель де Голанд» [21, с. 70], но в дальнейшем в его тексте используется термин «постоялый двор». Возможно, такое предпочтение использования термина «постоялый двор» объясняется тем, что слово «Hôtel» во Франции того времени обозначало несколько типов зданий (учреждений) – общественные здания (учреждения, например больница, мэрия, и т. д.), частный особняк в городе и собственно постоялый двор – место для размещения приезжих (постояльцев), которым предоставлялся набор услуг. Как на обратном пути из Парижа в Гаагу именовались постоянные дворы А. А. Матвеевым неизвестно, его «Архив» был не завершен. Заметим, что А. А. Матвеев не пишет ни об интерьере, ни об услугах, ни о кухне постоянных дворов, где он останавливался, включая и два своих парижских места жительства. О двух постоянных дворах, где А. А. Матвеев жил в Париже, он сообщает лишь их расположение (название улиц в предместье Сен-Жермен-де-Пре – одном из фешенебельных районов Парижа того времени) и имена их владельцев.

Как видим, лишь стольник П. А. Толстой обращает внимание на остерии итальянских городов. Его интересуют убранство, устройство быта, декор, еда, напитки, качество услуг и самих остерий. Он отмечает, что остерии чаще всего предназначены для приезжих, что в них можно остановиться на разное по продолжительности время – от нескольких часов до многих месяцев, в них можно вкусно поесть, выпить вина, сыграть в азартные игры, выкурить (понюхать) табак, заплатив за это определенную плату.

В начале XVIII в. (с 1703 г.) подобные заведения с похожим названием «австерия», или «аустерия» появились и в России. Они были

созданы по приказу Петра I и являлись ресторацией, питейным домом, гостиницей. В них подавали алкогольные напитки. Первые австерии открылись сначала в Петербурге («Четырех фрегатов» или «австерия на Санктпетербургской стороне, на Троицкой пристани, у Петровского мосту») [6, с. 114], затем в Москве и Архангельске.

Подведем итоги. Описание остерий, несомненно, занимает определенное, но, естественно, не самое главное место в путевых заметках стольника П. А. Толстого. Он пишет, что остерии характерны для каждого города (местечка) итальянских государств, что они являются общим местом повседневной жизни, что в большей степени эти заведения предназначены для иностранцев, а не жителей тех городов, где расположены, но в то же время в них любой может найти еду, напитки, приют, поскольку хозяйева остерий не только кормили, но и предоставляли все необходимое для проживания своим постояльцам. Наверное, заметки П. А. Толстого об остериях в какой-то мере можно считать одним из (условно) путеводителей по остериям городов Италии, как некоей предтечей изданий начала XX в., как, например, Эмилио Боргарелло «Il gastronomo moderno: Vademecum ad uso degli albergatori, cuochi, segretari e personale d'albergo» [22] и Ганса Барта «Osteria: Guida spirituale delle osterie italiane da Verona a Capri» [23] и других аналогичных изданий – путеводителей для путешественников.

Стольник чаще всего старался остановиться в лучшей остерии города, дав описание каждой, отмечая убранство комнат(ы), которые(ая) отводились(лась) ему, состоявших(ей) из кровати, стульев, кресел, иногда картин, зеркал и прочих предметов интерьера, где обязательно было чистое белье и предупредительные слуги, но все это предоставлялось за плату.

В отличие от путевых заметок стольника в путевых дневниках боярина Б. П. Шереметева нет такого детального описание остерий. Возможно, этот институт ему был хорошо знаком.

Как видим, путешествия по Западной Европе русских аристократов в конце XVII в. способствовали знакомству определенных кругов русского общества с таким явлением, как постоялые дворы городов Апеннинского полуострова, а также и тому, что такой тип постоялого двора, как остерия, был перенесен и на русскую почву в следующем XVIII в.

Примечания и комментарии

- ¹ Здесь приведены не все названия мест, в которых побывал П. А. Толстой.
- ² Таварнелле-Валь-ди-Пеза – коммуна в Италии, располагается в регионе Тоскана, в провинции Флоренция.
- ³ Магистратура Signori della Notte al Criminal существоует с XII в. Сначала тех, кто занимал эту магистратуру,

было двое, с 1250 г. стало шестеро: по одному на каждый район (Sestiere) Венеции. Их название происходит от первоначальной обязанности следить за тем, что происходило в городе в ночное время. Затем они стали заниматься расследованием случаев краж, убийств, двоеженства, плотских преступлений, применения оружия, нападений, преступного сговора, бездомности, изнасилования, дезертирства с галер, неуплаты аренды и др.

⁴ Ценина – фарфор, фаянс, глиняная посуда, покрытая муравью или краской синего цвета.

⁵ Указаны не все названия мест, в которых побывал Б. П. Шереметев.

Список литературы

1. Бородин Д. Н. Кабак и его прошлое. СПб. : С.-Петербургская коммерческая типо-литография Виленчик, 1910. 98 с.
2. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб. ; М. : Издание книгопродавцатинографа М. О. Вольфа, 1914. 328 с.
3. Корчма // Российский историко-бытовой словарь / авт.-сост. Л. В. Беловинский. М. : Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова ; Российский архив, 1999. 526 с.
4. Беловинский Л. В. Корчма // Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / под ред. Н. Ерёминой. М. : Эксмо, 2007. 784 с.
5. Беловинский Л. В. Постоялый двор // Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / под ред. Н. Ерёминой. М. : Эксмо, 2007. 784 с.
6. Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М. : Молодая гвардия, 2007. 528 с.
7. Брикнер А. Г. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии // Русский Вестник. Т. 128. Март 1877. № 3-4. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. М. : В Университетской типографии, 1877. С. 5–44.
8. Брикнер А. Г. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии // Русский Вестник. Т. 130. Июль 1877. № 3-4. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. М. : В Университетской типографии, 1877. С. 5–62.
9. Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1954. С. 326–346.
10. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699. М. : Наука, 1992. С. 251–291.
11. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699. Издание подготовили Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М. : Наука, 1992. 380 с.
12. Хронология и маршрут П. А. Толстого // Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699. М. : Наука, 1992. С. 351–356.

13. *Cadorin G. Magistrature Venete // Venezia e le sue lagune. Venezia, Antonelli, 1847. Vol. 1. P. 47–77.*
14. *Cappatti A., Montanari M. Italian Cuisine: A Cultural History. Columbia University Press, 2003. 400 p.*
15. Похождение в Мальтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметева. 1697 июня 22–10 февраля 1699 // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными [Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1–10]. Т. 10 : Памятники дипломатических сношений с папским двором и с Италианскими государствами. (С 1580 по 1699 г.). СПб. : 2 Отд-ние собств. е. и. в. канцелярии, 1871. Стб. 1581–1698.
16. *Монтень М. де. Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию / пер. с фр. Л. Ефимова. СПб. : Редакционно-издательский центр «Культ-информ-пресс», 2020. 464 с.*
17. *Montaigne M. De. Journal de voyage de Michel de Montaigne en Italie, par la Suisse et l'Allemagne en 1580 et 1581 (Nouvelle édition avec des notes par le prof. Alexandre d'Ancona). Castello, impr.-éd. S. Lapi, 1889. XV+719 p.*
18. *Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Шереметев – украшение России»... // Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева : 1697–1699 / отв. ред. А. С. Демин. М. : Наука, 2013. С. 225–336.*
19. Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева. 1697–1699. М. : Наука, 2013. 509 с.
20. Хронология и маршрут путешествия Б. П. Шереметева // Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева. 1697–1699. М. : Наука, 2013. С. 466–471.
21. Архив, или статейный список, Московского посольства, бывшего во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день // Русский дипломат во Франции: (Записки А. Матвеева) / публикация подготовлена И. С. Шарковой ; под ред. А. Д. Люблинской ; [Вступ. статья А. Люблинской и И. Шарковой] ; АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленинградское отделение. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 31–236.
22. *Borgarello E. Il gastronomo moderno: Vademecum ad uso degli albergatori, cuochi, segretari e personale d'albergo corredato da 250 Menus originali e moderni e da un Dizionario di Cucina contenente oltre 4000 traduzioni ed annotazioni sul significato e l'etimologia dei termini piú in uso nel gergo di cucina francese. Milan : Hoepli, 1904. 411 p.*
23. *Barth H. Osteria: Guida spirituale delle osterie italiane da Verona a Capri. Rome : Voghera, 1910. Reprint, Florence : Le Monnier, 1921. 365 p.*

Поступила в редакцию 23.07.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 23.07.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 12–16
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 12–16
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-12-16>, EDN: NINRWM

Научная статья
УДК [314.117.3+316.362.32](470+571)|18|

«Без раздела спорее, да много греха на душу примешь». Сложная крестьянская семья в Российской империи XIX в.: основные тенденции развития

П. Ю. Мельников

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Мельников Павел Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права института правоохранительной деятельности, Zmelnikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7445-1953>, Author ID: 9064-2079

Аннотация. Сложные семьи – один из вариантов домохозяйства, объединяющего в своем составе несколько семейных пар. В силу ряда причин такого рода семьи длительное время пользовались поддержкой государства, помещиков и крестьянской общины. Однако после Великих реформ сложные семьи под влиянием социально-экономических процессов начали трансформироваться. В статье рассматриваются распространенность сложной семьи среди крестьянского населения Российской империи и ее изменения во второй половине XIX в.

Ключевые слова: крестьянская семья, домохозяйство, историческая демография, раздел, учет населения, Российская империя

Для цитирования: Мельников П. Ю. «Без раздела спорее, да много греха на душу примешь». Сложная крестьянская семья в Российской империи XIX в.: основные тенденции развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 12–16. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-12-16>, EDN: NINRWM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Without division, it’s faster, but you will take a lot of sin on your soul”. A complex peasant family in the Russian Empire in the 19th century: Main development trends

P. Yu. Melnikov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Pavel Yu. Melnikov, Zmelnikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7445-1953>, Author ID: 9064-2079

Abstract. Complex families are one of the variants of a household that combines several married couples. For a number of reasons, such families enjoyed the support of the state, landlords and the peasant community for a long time. However, after the Great Reforms, complex families began to transform under the influence of socio-economic processes. The article assesses the prevalence of a complex family among the peasant population of the Russian Empire and its changes in the second half of the 19th century.

Keywords: peasant family, household, historical demography, division, population count, Russian Empire

For citation: Melnikov P. Yu. “Without division, it’s faster, but you will take a lot of sin on your soul”. A complex peasant family in the Russian Empire in the 19th century: Main development trends. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 12–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-12-16>, EDN: NINRWM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В одной из работ позднесоветского периода известный демограф А. Г. Вишневский писал: «В демографии существует давняя традиция: анализируя и интерпретируя наблюдаемые тенденции воспроизводства населения, исследователи стремятся рассматривать их в контексте исторических изменений, понять, как интересующие их процессы – рождаемость, брачность,

смертность и т. д. – выглядели в прошлом... Опыт показывает, что, конструируя такой «образ прошлого», демографы не всегда опираются на прочный фундамент исторического знания, нередко населяют прошлое мифическими единорогами или животными с двух головами» [1, с. 29].

В числе таких мифов Вишневским были названы многодетность, центральное место се-

мьи в жизнедеятельности человека, центральное место детей в семье, сознательное стремление к многодетности, экономическая и социальная полезность детей и ряд других, среди которых на первом по порядку месте автор поместил тезис о повсеместном преобладании сложной, многопоколенной семьи. Следует отметить, что распространенность этого тезиса не была принята всеми научными дисциплинами. В работах историков, этнографов советского периода можно встретить и совершенно иные точки зрения. По большому счету вопрос о приоритете в определенный момент исторического развития какого-то типа семьи до настоящего момента в науке остается открытым. Однако за последние несколько десятилетий (работа Вишневого была напечатана в 1988 г.) идея большой семьи перешла со страниц академических изданий на страницы официальных государственных деклараций и заняла там прочные позиции. Большая семья стала неким идеальным символом ушедшего семейного уклада и входит в набор так называемой «традиционной семьи» и «традиционных семейных ценностей», поддержку которых активно провозглашают политики, церковные деятели, консервативные публицисты. Следует отметить, что сам термин «традиционная семья» – конструкция скорее публицистическая, нежели научная; определения «традиционная семья» основные научные энциклопедии (БРЭ, БСЭ, историческая энциклопедия, Брокгауз и Ефрон, Британика) не дают и этим понятием не оперируют. Суммируя многочисленные разрозненные характеристики, можно выделить ряд признаков, которыми наделяют традиционную семью. Не вдаваясь в детализацию (это тема отдельной работы), можно отметить, что к такого рода чертам относится многопоколенность семейного коллектива. «Большая многопоколенная семья в традиционной российской семейной культуре всегда была основным типом семьи, в которой были налажены тесные взаимосвязи между несколькими поколениями родственников» [2]. «Русская Православная Церковь неизменно поддерживает многодетную многопоколенную семью как основу государства и общества», – подчеркнул председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства иерей Феодор Лукьянов на заседании Общественной палаты при обсуждении статуса многодетной семьи [3]. Возникает естественный вопрос о распространенности такой многопоколенной семьи в дореволюционной России и об ее эволюции.

Вначале необходимо определиться с терминологией. Во-первых, применительно к семейному коллективу в научной литературе равно используются термины «семья», «домохозяйство» и «двор» (поскольку в подавляющем большинстве случаев речь шла о группе близких родственников, живущих под одной крышей и объединенных

экономически). В историко-демографической литературе охотнее применяют термин «домохозяйство»; в исторической (особенно посвященной XVII в. и более ранним периодам) используют термин «двор»; в историко-правовой литературе чаще говорится именно о «семье». Однако эти термины в принципе взаимозаменяемы. Во-вторых, применительно к собственно большой семье (в смысле – состоящей из нескольких супружеских пар и включающей в себя несколько поколений) исследователи могли употреблять термины «большая семья», «сложная семья», «многопоколенная семья», «отцовская семья в три поколения», «усеченная отцовская семья», «семейная община» [4, с. 164]. Зачастую эти различия приводили к несопоставимости авторских выводов. В англоязычной литературе для сложных семейных структур применяется термин «joint family» – «совместная семья» [5]. В данной статье будет использоваться наиболее популярная в постсоветской литературе терминология Питера Ласлетта. Она обозначает такие структуры, как «multiple family» – сложные семьи (иногда переводят как «составные»). К таковым относятся домохозяйства, включающие две и более супружеские пары в различных вариантах родства и соподчинения (подтипы 5 а – 5 д) [6, р. 30–31].

Как уже отмечалось, вопрос о приоритете в прошлом конкретного типа семьи наукой еще не решен окончательно. Существует много локальных исследований, привязанных к определенному региону и хронологическому периоду. Кроме того, авторы использовали различную методику подсчета, что требовало соответствующей корректировки. Основной тренд выглядит следующим образом. Исследования советского периода преимущественно склонялись к точке зрения о преобладании в дореволюционный период малой, супружеской семьи. Такая оценка применялась для районов Севера (XVI–XVIII вв.), северо-западных регионов (XVI–XVII вв.), Западной Сибири (XVIII–XIX вв.), частично – Среднего Поволжья и считалась общераспространенной [7].

В постсоветский период этот подход был подвергнут существенной коррекции. Во-первых, по мере возможности разноплановые данные были пересчитаны Б. Н. Мироновым и сведены воедино (в качестве стандарта использовалась ставшая популярной классификация Ласлетта). В результате пришли к следующему выводу: «...В губерниях, заселенных преимущественно русскими, в XVI – первой половине XIX в. преобладали составные семьи, в то же время значительная часть крестьян проживала в малых семьях, а в губерниях, заселенных украинцами, белорусами и прибалтийскими народами, наоборот, преобладали малые семьи, а значительная часть крестьян проживала в составных и расширенных семьях» [8, с. 10]. Во-вторых, стали доступны отдельные исследования зарубежных

авторов. Как правило, их научный интерес касался периода конца XVIII – первой половины XIX в., а обработка данных была стандартизирована. В основном исследователи склонялись к признанию за сложной семьей доминирующей позиции в центральных районах империи; в качестве объектов исследования использовались села Ярославской, Тверской и Московской губерний, минимальная доля сложных домохозяйств в них находилась на уровне 30%, однако в большинстве наблюдений присутствуют более внушительные цифры – от 66 до 86% [8, с. 8–9]. В-третьих, эти выводы согласовывались с новыми исследованиями постсоветского периода, которые также подтвердили преобладание (но не повсеместно) среди крестьянства первой половины XIX в. сложной семьи: три села Тамбовской губернии – от 55 до 77% [9, с. 91–96], немецкая колония Пфайзер в Саратовской губернии – 48% [10, с. 90], с. Вошцажниково Ярославской губернии – от 23 до 30% [11, с. 148].

Как можно заметить, особый интерес исследователи проявляют к периоду первой половины XIX в. Это объяснимо с точки зрения доступности и информативности необходимой источниковой базы. Для описания семейной структуры авторы в подавляющем большинстве случаев использовали ревизские сказки – материалы переписей фискального характера. К XIX в. бланки переписей стандартизируются. Они начинают учитывать не только мужское, но и женское население, а периодичность ревизий дает возможность наблюдать изучаемый объект в динамике. Семья же второй половины XIX – начала XX в. изучена значительно слабее. С одной стороны, данный период гораздо динамичнее предшествующей половине столетия, отмечен множеством перемен в самых разных областях государства и общества, включая такой консервативный институт, как семья. С другой стороны, интерес исследователей наталкивается на недостаток исторического материала. Последняя ревизия была проведена в 1858 г., после чего общегосударственные периодические переписи прекратились почти на четыре десятилетия. Частное помещичье хозяйство приходило в упадок, что соответственно влекло за собой уменьшение учетной документации, из которой и черпалась информация о семейной структуре. Первичные материалы первой всероссийской переписи 1897 г. согласно инструкции были уничтожены, а обобщенные результаты дают слишком большой простор для интерпретации.

Аналогичная картина наблюдается применительно к материалам земских сельскохозяйственных переписей и сельскохозяйственной переписи 1915 г. В итоге исследования по структуре пореформенной семьи носят эпизодический характер, отталкиваясь от случайно сохранившихся документов. В магистерской диссертации Хардисх Колле рассмотрена семейная структура двух сел

Московской губернии – Дракино и Спас-Коркодино; источником послужили первичные материалы земских сельскохозяйственных переписей за 1869 и 1886 гг. Согласно подсчетам Хардисх Колле в 1869 г. доля сложных семей в этих двух селениях была равна 42,5% в Дракино и 53,2% в Спас-Коркодино, а в 1886 г. – 42,3% и 62,5% соответственно [12, р. 52, 56].

В. А. Зверев для оценки домохозяйства в Западной Сибири использовал сохранившиеся первичные материалы переписи 1897 г. по четырем округам Тобольской губернии (общий объем – 3128 наблюдений); общая доля сложных семей в указанном регионе – 25,4% [13, с. 68]. Аналогичные документы используются в докторской диссертации М. В. Борисенко. К сожалению, автор применяет собственную классификацию семей из 11 групп, в которой трудно отделить семьи расширенные от сложных. Их совместная доля в 6 деревнях Тарского уезда Тобольской губернии колеблется от 37 до 55%, в среднем – 49,4%. Иными словами, сложная семья в данном регионе не доминирует, что в принципе совпадает с заключениями Зверева [14, с. 312].

В Саратовской губернии по выборочным данным земской сельскохозяйственной переписи (5036 единиц наблюдения в четырех уездах – Камышинском, Петровском, Хвалынском и Кузнецком) сложные семьи составили 33,8% домохозяйств¹. Об уменьшении доли сложной семьи можно сделать предположение и на основании обобщенных данных: во второй половине XIX в. средний размер крестьянского домохозяйства в России уменьшился с 8,4 до 6,1 чел., впрочем, точная статистическая закономерность между размером семьи и ее структурой пока не установлена. Таким образом, существующие данные позволяют говорить об постепенном уменьшении доли сложных семей и росте числа семей малых.

Уменьшение доли сложных крестьянских домохозяйств во второй половине XIX в. было напрямую связано с резким увеличением количества семейных разделов. Сами по себе разделы не были изобретением пореформенного периода – они существовали и раньше, однако воспринимались отрицательно и по мере сил сдерживались. Причина очевидна: сложная семья обладала большим количеством рабочих рук и потому представлялась более надежной экономической единицей. Потеря одного или даже нескольких работников (что в условиях традиционной демографической модели являлось печальной нормой) не была для такой семьи фатальной в отличие от семьи малой. Обратной стороной медали была неизбежная сложная внутрисемейная обстановка, вытекавшая из принципа всевластия домохозяина; это касалось всех членов семьи и особенно пришедших в семью снох, о тяжелой судьбе которых сложено множество пословиц («свекор гроза, а свекровь выест глаза», «свекор журлив и драчлив, свекровь

журлива и ворчлива, золовка – смутьянка, деверь – пересмешник» [15, с. 41]).

В итоге сложная семья для ее членов становилась своеобразной компромиссной конструкцией. С одной стороны, очевидным был более высокий уровень жизни, устойчивость перед экономическими трудностями, гарантированное получение доли общего имущества; с другой – сложный психологический климат, необходимость жертвовать личным интересом во имя общего блага. Эта двойственность отлично иллюстрируется наблюдением современника: «Спросите любого из здешних крестьян, где лучше работать, в большой ли или в малой семье, он ответит вам всегда одно и то же: “В большой семье беспример лучше робить”... Но предложите крестьянину вопрос: “А где лучше жить – в большой семье или в маленькой?” И он вам тот час же ответит: “Не приведи бог никому жить в большой семье!”» [16, с. 65].

Однако в соотношении этих полюсов вмешивался еще один значимый фактор – административный, который однозначно принимал сторону сложной семьи. Частновладельческим крестьянам разделы постоянно запрещала помещичья администрация [17, с. 300–302]. Государству также было выгоднее иметь дело с большой по составу семьей – она более безболезненно выполняла особо тяжелую рекрутскую повинность, поэтому разделы разрешались только в случаях, если вновь образованное домохозяйство будет включать не менее трех полноценных работников [18, с. 83; 19, с. 224]. Консервативное крестьянское общество в подавляющем большинстве споров брало сторону большака, не допуская выделения малых семей (по тем же экономическим соображениям). Итог – количество сложных семей в большинстве наблюдений явно превышало число семей малых.

После Великих реформ, затронувших все стороны российского общества, ситуация начала меняться. Помещичий контроль над крестьянами принципиально уменьшился; рекрутчина с 1874 г. была заменена всеобщей воинской повинностью, которая в меньшей мере учитывала семейный статус призванного. Более того, новая система комплектования армии в отличие от рекрутской предполагала возвращение отслуживших солдат в прежние семьи. Однако именно такие вернувшиеся со службы запасники приносили в патриархальный крестьянский мир нравы и привычки города, задавали иной стандарт поведения и активнее выступали инициаторами разделов: «Как солдат со службы придет, так и прочь», «солдат не работник, как придет, так и прочь», «солдат – он какой – колкий», «как всех в солдаты стали брать – чаще начали делиться», «солдат с мужиком жить нешто станет» [20, с. 27–28].

Влияние индивидуалистического сознания проникало в деревню и с отходниками, количество которых возрастало в пореформенное время.

Наконец, позиция малой семьи усиливалась по мере ослабления власти большака и крестьянского мира. Очень часто препятствием к разделу служило банальное физическое насилие: «...Старики призывали обыкновенно к себе на суд обе стороны... и сначала “полегоньку совестили их”, советуя не расходиться, “не нарушать хозяйства”, “жить в ладу”, “угождать друг другу”... Если же эти увещевания ни к чему не приводили, то старики нередко принимали крутые меры и приказывали “выдрать” сына на сходе, при всем честном народе...» [21, с. 277]. В пореформенный период такие практики сошли на нет. Итог – рост количества семейных разделов, отмеченный многими современниками. При этом описательные эмоциональные формулировки («у нас почти все поделились», «единственный женатый сын желает жить отдельно») не совпадают с приведенными выше цифрами, по которым доля сложных семей в конце XIX в. могла занимать от 25 до 50% всех домохозяйств. Видимо, наблюдаемый современниками процесс разделов сильно отличался от привычной им картины мира и потому вызывал такие трагические оценки.

Иными словами, во второй половине XIX в. в структуре крестьянской семьи стали происходить существенные сдвиги. Повышение мобильности, новые нормы поведения и стандарты жизни, позаимствованные из города, устранение административных факторов привели к изменению приоритетов младших членов сложного домохозяйства. Если раньше побеждал коллективистский подход, то теперь на первое место выходил подход индивидуалистический, который брал вверх над возможными неблагоприятными экономическими последствиями. Попытки административными усилиями удержать большую семью от разделов (например, закон 1886 г.) сколь-либо серьезных результатов не дали – процесс продолжался вопреки действующим установлениям. Здесь теория резко расходилась с практикой, о чем свидетельствовали лица, хорошо знакомые со следующей ситуацией: «Когда к земскому или к старшине приходят отец с сыном или два брата с разрешением делиться, знайте, что они уже разделились... Ни уговорами, ни административными карами вы их более не соедините в одну семью», – утверждал один из земских начальников [22, с. 48]. Естественно, процесс перехода был медленным, однако тренд его был очевиден: семья сложная медленно уступала место семье простой, супружеской. Современники сетовали о безвозвратно ушедшем идеальном прошлом [23, с. 58–63], однако жизнь неуклонно диктовала свои правила. Интерес государства был в одном, но интерес конкретного человека ему явно противоречил и в конечном итоге брал верх. Все это напоминает современность с той разницей, что сложная семья в нынешний период российского общества немногочисленна, а публицисты апеллируют к временам, которые сами

не застали; присутствует та же апологетика сложных семей, то же желание противодействовать пошатнувшимся нравам и стремление опереться на институты ушедшего «золотого века». Можно уверенно констатировать – результат будет нулевой. Семья, как и любой другой институт, существует не сама по себе, она вписана в окружающий ее мир со всей его спецификой. Изменение внешних условий – экономических, юридических, социальных – неизбежно повлечет за собой ее эволюцию и выработку варианта, соответствующего окружающему миру.

Примечания и комментарии

¹ Государственный архив Саратовской области. Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356 (расчеты мои. – П. М.).

Список литературы

1. Вишневецкий А. Г. Образ прошлого в демографической литературе // Историческая демография: проблемы, суждения / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. : Наука, 1989. 286 с.
2. Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Председатель патриаршей комиссии по вопросам семьи принял участие в обсуждении статуса многодетной семьи в общественной палате РФ. URL: <https://pravoslavie.ru/138234.html> (дата обращения: 30.01.2022).
4. Мельников П. Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX вв.: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 163–166. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166>
5. Британика. URL: <https://www.britannica.com/topic/joint-family> (дата обращения: 30.01.2022).
6. Laslett P., Wall R., eds. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. Cambridge : Cambridge University Press, 1972. 623 p.
7. Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96.
8. Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. Вып. 3. С. 3–29.
9. Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Мизис Ю. А., Морозова Э. А. Структура крестьянской семьи. Тамбовская

губерния, XIX – начало XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. : материалы Международной конференции (Тамбов, май, 2002). Тамбов : Издательство ТГУ, 2002. С. 83–101.

10. Гальперина Ю. С. Семейная структура немецких поселений на Волге в середине XIX в.: опыт исследования колонии Гнилушка (Пфайфер) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 88–93.

11. Деннисон Т. Крестьянские дворохозяйства в имении Вожажниково в 1836–1858 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 1. С. 147–154.

12. Kolle H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history. Bergen : University of Bergen, 1995. 97 p.

13. Зверев В. А. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4 (8). С. 63–70.

14. Борисенко М. В. Локальные параметры семейно-дворового строя крестьян Западной Сибири конца XVI – начала XX вв. (по материалам Тобольского и Тарского уездов): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 471 с.

15. Желобковский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества: Историко-литературный очерк. Воронеж : Тип. В. И. Исаева, 1892. 63 с.

16. Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: в 3 вып. / под ред. Н. Харузина. М. : Высочайше Утвержд. Т-во Скоропечати А. А. Левинсон, Комиссионеры Императорского общества любителей естествознания в Москве, 1891. Вып. 3. 146 с.

17. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М. : Наука, 1976. 324 с.

18. Свод законов Российской империи, повелением государя Николая Первого составленный (далее – СЗРИ). СПб., 1857. Т. 12. Ч. 2. Кн. 3. § 486. 591 с.

19. СЗРИ. Т. 4. Кн. 1. Уставы рекрутские. § 907. Ст. 3. 846 с.

20. Личков Л. С. Семейные разделы в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах Саратовской губернии. Саратов : Статистическое отделение Саратовской губернской земской управы, 1885. 34 с.

21. Добротворский Н. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии (уезды Вязниковский, Гороховецкий, Шуйский и Ковровский) // Юридический вестник. 1889. Т. 2. С. 327–363.

22. Новиков А. Записки земского начальника. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 240 с.

23. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Вишневецкого. М. : Новое издательство, 2006. 608 с.

Поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 17–23
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 17–23
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-17-23>, EDN: NIXFEC

Научная статья
УДК [94+378.2](47+57):94(4)|653|+929Бартенеv

Алексей Сергеевич Бартенеv: становление учёного-медиевиста в контексте формирования советской диссертационной культуры

А. М. Скворцов

¹Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5, литера Б

²Челябинский государственный университет, Россия, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

Скворцов Артём Михайлович, кандидат исторических наук, ¹доцент, научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки; ²доцент кафедры истории России и зарубежных стран; artyom-skvorcov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3287-4154>, AuthorID: 638407

Аннотация. В данной статье становление А. С. Бартенева как ученого-медиевиста рассматривается на широком фоне институциональных изменений и реформирования системы высшего образования и аспирантуры в СССР второй половины 1920 – первой половины 1930-х гг. Развитие системы подготовки научных кадров в области медиевистики происходило под непосредственным влиянием ученых «старой» школы, которые стремились адаптировать традиционные требования к квалификационным сочинениям к новым условиям, устанавливая тем самым преемственность в развитии науки.

Ключевые слова: Бартенеv А. С., Саратовский университет, Ленинградский университет, медиевистика, диссертационная культура, советская аспирантура

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 22-28-00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

Для цитирования: Скворцов А. М. Алексей Сергеевич Бартенеv: становление учёного-медиевиста в контексте формирования советской диссертационной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 17–23. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-17-23>, EDN: NIXFEC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Alexei Sergeyevich Bartenev: The Becoming a Medievalist in the development context of the Soviet Dissertation Culture

А. М. Skvortsov

¹S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg Branch), 5 Universitetskaya nab., Saint Petersburg 199034, Russia

²Chelyabinsk State University, 129 Brat'ev Kashirinyh St., Chelyabinsk 454001, Russia

Artyom M. Skvortsov, artyom-skvorcov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3287-4154>, AuthorID: 638407

Abstract. In this article the formation of A. S. Bartenev as a medieval scholar is considered against a broad background of institutional changes and reform of the system of higher education and postgraduate studies in the USSR in the second half of the 1920s – first half of the 1930s. The development of the system of academic training in the field of medieval studies took place under the direct influence of the scholars of the “old” school, who sought to adapt the traditional requirements for qualifying essays to the new conditions. Thus, they established continuity in the development of science.

Keywords: Bartenev A. S., Saratov University, Leningrad University, medieval studies, dissertation culture, Soviet postgraduate studies

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-28-00557 “The Dissertation Culture of the Academic Community of Soviet Historians in the 1920s and 1950s: Adaptation of Pre-Revolutionary Experience and the Search for a New Model of Scholarly Training”

For citation: Skvortsov A. M. Alexei Sergeyevich Bartenev: The Becoming a Medievalist in the development context of the Soviet Dissertation Culture. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 17–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-17-23>, EDN: NIXFEC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Алексей Сергеевич Бартнев – представитель ленинградской исторической школы – стоял у истоков саратовской медиевистики [1, с. 27–32; 2, с. 138–142]. Будучи заведующим кафедрой (1937–1941), он стремился внедрить в университете Поволжья специализацию по западноевропейскому Средневековью, параллельно проводя исследования в этой области. Но его биография интересна и в более широком контексте. Становление А. С. Бартнева как историка падает на вторую половину 1920-х – 1930-е гг. – противоречивое время, которое начинается практически с отказа в университетах от медиевистики как самостоятельной дисциплины, а заканчивается возвращением к традиционным представлениям о научной исторической специализации. Все эти процессы неизбежно сказались на жизненном пути А. С. Бартнева.

В 1926 г. Алексей Сергеевич оканчивает 22-ю советскую единую трудовую школу в Ленинграде [3, л. 2] и, сдав необходимые экзамены (математику, физику, историю литературы, политграммоту) на высший балл («весьма удовлетворительно»), поступает на литературно-лингвистическое отделение факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского университета [3, л. 1–1 об.]. Выбор новоиспеченного студента сначала пал на довольно престижный, но вместе с тем сложный цикл культур Востока с «уклоном» на китайский язык. Вероятно, здесь впервые проявился его интерес к экзотическим письменностям: позже он будет преуспевать на занятиях по латинской палеографии у О. А. Добиаш-Рожественской. Однако уже через год Алексей Сергеевич задумывает сменить учебное заведение. В заявлении с просьбой о выдаче академической справки о прослушанных курсах сообщается причина ухода из университета: трудно дается изучение языков, в частности китайского [3, л. 36]. Его отец Сергей Николаевич Бартнев – преподаватель Ленинградского института путей сообщения – пытается пристроить сына у себя в вузе [3, л. 7]. Однако по невыясненным причинам задуманное не удалось осуществить, и Алексей Сергеевич остался в университете, сменив при этом специальность. В 1930 г. он заканчивает историко-лингвистический факультет, появившийся после реорганизации в 1929 г. факультета языкознания и материальной культуры, по историческому отделению. В автобиографии 1937 г. А. С. Бартнев отметит, что специализировался в студенческие годы по средним векам [4, л. 26]. В действительности как таковой специализации во второй половине 1920-х гг. не было. В качестве остатка медиевистики тогда функционировал только кабинет вспомогательных исторических дисциплин (1920–1929 гг.), основанный О. А. Добиаш-Рожественской при участии ее учениц М. А. Тихановой, Е. Ч. Скржинской, А. Д. Люблинской [5,

л. 8 об.], однако в учебном процессе эта структура практически не была задействована.

В учебном плане исторического отделения имелось большое количество общих дисциплин (студентов готовили прежде всего к педагогической деятельности в школах), а также ряд семинаров и спецкурсов по выбору. Среди прослушанных А. С. Бартневым курсов были традиционные исторические (История Западной Европы до XVI в., История Западной Европы XVI–XVIII вв., История Франции XIX и XX вв., Новая история России, Курс древней русской истории, История России XVII–XVIII вв., История Средиземноморья в древности, История Средиземноморья с V в.), новые «идеологические» (Государственное устройство СССР, Экономическая политика, Экономическая география, История социализма, История развития общественных форм; семинары по истории ВКП (б), истории социализма, историческому материализму), «военные» (Уставы, Военно-химическое дело, Артиллерия, Материальная часть оружия, Стрелковое дело, Военно-инженерное дело и связь), педагогические (семинары по политике и организации народного образования в СССР, педагогике, теории трудовой школы, методике обществоведения). Обращает на себя внимание и попытка сохранения в учебном плане исторического отделения филологической составляющей (курсы по Введению в языкознание, Истории русской литературы XX в., латинскому, французскому и английскому языкам) [3, л. 30]. Последнее, безусловно, станет хорошим подспорьем для будущих медиевистических штудий А. С. Бартнева.

В годы обучения у А. С. Бартнева формируется и его будущий научный интерес, что следует из выбранных им курсов – преимущественно по истории Франции: Революционное правительство 1793–1794 гг., Парижская коммуна 1871 г., Возникновение абсолютизма во Франции, Революция 1848 г. во Франции и Германии. Он также участвовал в семинарах по Истории ранневропейского феодализма, Историографии, Истории аграрных отношений в Англии, Крестьянской войне в Германии [3, л. 30]. Такое обилие и разнообразие проработанных курсов подводит к мысли о том, что большая часть из них не была, как в дореволюционное время, источниковедческой по характеру с чтением и детальным разбором конкретного документа на языке оригинала. Скорее эти дисциплины имели социологизаторскую направленность. Такое предположение можно сделать, обратив внимание на научные интересы закрепленных за дисциплинами преподавателей. Так, П. П. Щёголев, проводивший курс по истории аграрных отношений в Англии, в основном, специализировался по Великой французской революции, Н. Н. Розенталь, объявлявший разные семинары по французской истории Нового времени, защитил магистерскую работу по Юлиану

Отступнику (1922). Последний, хотя и учился у И. М. Гревса еще до революции, уже с середины 1920-х гг. стремился встать на позиции «научного материализма и последовательного атеизма» [6].

Н. Н. Розенталь в воспоминаниях (1960) всячески подчеркивает идейный и методологический разрыв со своим учителем и дореволюционной петербургской «идеалистической» медиевистикой. Далекое не случайным является отсутствие его статьи в сборнике «Средневековый быт» (1925), подготовленном преданными учениками в честь 40-летия научно-педагогической деятельности профессора И. М. Гревса. В 1920-е гг. Н. Н. Розенталь выпустил целый ряд книг общего и даже беллетристического характера: Западно-европейское средневековье (Ч. 1 – 1924; Ч. 2 – 1925), Исторический путь Запада (1926), История Европы в эпоху торгового капитализма (1927) [7, с. 147–151], в которых рисовал в самых общих чертах ход исторического процесса с позиции экономического детерминизма и классовой борьбы. По справедливому замечанию А. В. Свешникова, автор «пытается дать [здесь] широкому кругу “неподготовленных читателей” некое целостное и систематическое представление о средневековой истории» [8, с. 174]. В этих работах отсутствует какая-либо новизна: нет введенных в научный оборот источников и свежих интерпретаций, но рассмотрение исторического материала с позиции экономического детерминизма позволило заслужить Н. Н. Розенталю авторитет у новых университетских властей. С 1924 г. он ведет в Ленинградском университете курсы по средневековой истории, носящие характерные названия: История крестьянства в средневековой Европе, Происхождение торгового капитализма и пр. А в 1934 г., когда будет воссоздана факультетско-кафедральная структура, именно Н. Н. Розенталь станет первым заведующим кафедрой истории средних веков (до 1935 г.), чему способствовало его активное участие в дискуссиях по проблемам феодализма начала 1930-х гг., где он много высказывался в резко-негативных тонах и часто голословно о «буржуазной» науке, а также покровительство декана исторического факультета ЛГУ, яростного разоблачителя «классовых врагов» Г. С. Зайделя, [9, с. 7–11]. Вместе с тем нельзя не отметить и достоинства Н. Н. Розенталя как талантливого лектора-популяризатора. Вот как о нем отзывался Л. Л. Раков, учившийся примерно в одно время с А. С. Бартенеvым: «...Милый человек, всей своей сущностью, как и внешним видом, предназначенный для самых мирных зрелищ; ему бы вести вежливый академический спор, произносить спич на юбилее, бархатно резюмировать итоги занятий семинара по истории средних веков» [10, л. 15].

Еще в студенческие годы А. С. Бартенеv начал педагогическую деятельность, став в 1928 г.

преподавателем обществоведения в детском доме № 7 и школе № 47 Ленинграда. После окончания университета в 1930 г. он получил место заместителя директора по учебной части Учебного комбината им. Ворошилова, одновременно с этим заведовал учебной частью в образцовых школах № 47 и № 1, где также преподавал обществоведение [11, л. 8]. Важно заметить, что в автобиографии 1934 г., написанной при поступлении в аспирантуру, А. С. Бартенеv сообщает о ведении им в школах курса обществоведения (что является корректным), тогда как в автобиографии 1937 г. говорится о преподавании истории [4, л. 26]. Очевидно, автору важно было представить свой профессиональный опыт как историка-педагога и дистанцироваться от распространявшегося на рубеже 1920–1930 гг. социологизаторства. На поприще учителя он явно демонстрировал успехи, за что в 1932 г. учебная часть образцовой школы Октябрьского района направила его в вечернюю аспирантуру Государственного института научной педагогики [12, л. 1].

Однако поступил А. С. Бартенеv в аспирантуру только в 1934 г., когда было восстановлено высшее историческое образование и ученые степени. Выбор им кафедры истории средних веков ЛГУ объясняется как его собственными научными интересами, так и тем, что кафедрой до 1935 г. руководил Н. Н. Розенталь, его университетский преподаватель, на семинары к которому А. С. Бартенеv неоднократно записывался. Тот, поняв тенденцию на возрождение фундаментального исторического образования, в 1934 г. пригласил на открывшуюся кафедру своих наставников – И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рожественскую. Им и предстояло готовить аспирантов-медиевистов. И. М. Гревс по этому поводу писал: «Вообще, в обоих уч[ебных] зав[едениях] [в ЛГУ и ЛИФЛИ. – А. С.] и ко мне, и к О[льге] А[нтоновне] выражают внимание и почтение» [13].

Несмотря на бытующее в литературе представление об обществе 1930-х гг. как о тоталитарном, в деле организации учебного процесса аспирантов и наполнении его конкретным содержанием Наркомпрос предоставлял большую свободу. В постановлении СНК сама специфика диссертационного исследования определялась очень размыто: «Диссертация должна обнаружить общие теоретические знания в области данной дисциплины, специальные знания по вопросам диссертации и способность к самостоятельному научному исследованию». В инструкции по работе с аспирантами ЛГУ подчеркивалась высокая ответственность научных руководителей и кафедры за качество подготовки соискателей. Профессора, ориентируясь на собственный опыт, стремились внедрить и закрепить в новых условиях старые, восходящие к дореволюционным временам, представления о семинарах как основе

качественной подготовки научных кадров, а также высокие требования к квалификационному сочинению [14, с. 47–51]. О. А. Добиаш-Рождественская в позитивистском ключе писала в связи с докладом И. И. Межлаука по вопросам преподавания гуманитарных наук (1937) о необходимости не просто выполнять программу на лекциях, но и создавать атмосферу «творящейся науки» и что практические занятия в исторических науках «возможны ... подчас почти в той же форме «экспериментальной», и во всяком случае «опытной», как в науках естественных»; по ее мнению, благодаря изучению первоначального материала «вырабатывается ответственное мастерство исследовательской техники» [15, л. 1–1 об.].

Руководствуясь указанными соображениями, И. М. Гревс уже в первом семестре проводил для аспирантов семинар по африканским аграрным надписям римского времени: «Дело идёт хорошо, они (аспиранты. – А. С.) очень восприимчивы, достаточно подготовлены, занимаются с интересом, охотно отзываются на предлагаемые задачи и от работы не уклоняются. Работаю с ними с большим интересом. Намереваюсь составить из результатов семинария выпуск комментированных текстов в качестве учебного пособия» [13]. Может показаться неуместным объявленный на кафедре средних веков семинар по античной эпиграфике, но И. М. Гревс был убежден в том, что античные штудии «очень вышколивают работника, потому что уже источники определённые и методы выработаны» [4, л. 58]. В последующие годы И. М. Гревс объявлял семинары по Каролинским памятникам и по хронике Дино Компаньи. О. А. Добиаш-Рождественская проводила занятия по источниковедению и латинской палеографии: в течение первых полутора лет аспиранты слушали лекции, занимались под непосредственным началом руководителя семинара лабораторной работой по западной историографии, дипломатике, исторической хронологии и географии, а затем слушателям предлагалось самостоятельно исследовать документы, которые могли напрямую не соотноситься с избранной диссертационной темой [16, л. 1]. Другими словами, подготовка аспирантов была направлена на привитие им источниковедческой культуры, методов работы со средневековыми оригинальными источниками, что они не смогли получить в студенческие годы.

Судя по индивидуальным планам аспирантов, первый год их обучения посвящался в том числе изучению (с последующей сдачей коллоквиумов) общих трудов по истории изучаемой страны (прежде всего из зарубежной историографии). На втором году научным руководителем предлагались для чтения монографии по узкоспециальным вопросам, связанным с темой диссертации [17, л. 20–21]. Такой подход позволял обучающимся вписывать исследуемую проблему

в общий контекст исторического развития, устанавливать причинно-следственные связи и видеть широкую перспективу. А источниковедческим навыкам аспирантов сразу же находилось практическое применение. О. А. Добиаш-Рождественская, возглавив еще в 1920-е гг. работу по каталогизации западноевропейских рукописей в Публичной библиотеке, привлекала к этой деятельности своих учеников, поручая атрибутировать те или иные документы. Так, в 1936 г. А. С. Бартнев анализировал нормандский свиток 1368 г. с информацией о заработной плате плотников и каменщиков, С. М. Пумпянский сосредоточился на французском свитке начала XIV в. с данными о хозяйственной жизни Орлеанского бальяжа, В. И. Холмогоров специально работал над частью рукописи Адемара Шабанского, В. Н. Семёнов разбирал рукопись Салической правды [16, л. 1–1 об.].

Аттестуя в 1936 г. аспирантов, О. А. Добиаш-Рождественская так охарактеризовала А. С. Бартневу: «Отвлечённый большой преподавательской работой, он до сих пор не смог с надлежащей глубиной сосредоточиться над своей исследовательской работой. Хотя он и овладел в общем, но гораздо меньшей точностью и ответственностью, чем желательно, орудиями работы. Здесь ему предстоит еще совершенствоваться. К работе над рукописью, связанной с его темой, он только приступил, так же, как и к разработке самой темы. Но он превосходно овладел минимумом литературы и языками. И весь тон его работы, серьёзный и ответственный» [16, л. 1–1 об.]. В этих строчках сконцентрированы все основные требования, предъявляемые к будущему научному работнику-медиевисту представителями «старой» школы: овладение источниковедческим инструментарием и комплексом специальных исторических дисциплин, знание языков изучаемой эпохи и исследовательской литературы, скрупулезность. Уже через год О. А. Добиаш-Рождественская будет довольно высоко оценивать работу своего ученика: «Мой “ближайший сын” А. С. Бартнев безмерно радуется каждой новой главой своей книги “Образование Нормандского герцогства”. Какая свежесть мысли, точное ее обоснование, изящество оформления. Первое поколение нашей аспирантуры – хорошее поколение» [18, с. 278].

Защита кандидатской диссертации А. С. Бартнева «Генезис средневековой Нормандии» состоялась 3 октября 1937 г., ровно через 3 года после его поступления в аспирантуру. Выбранная тема, с одной стороны, продолжала распространённую в петербургской (ленинградской) медиевистике тему средневековой Франции, с другой, на материалах конкретного региона давала возможность рассматривать актуальный для зарождающейся советской историографии вопрос генезиса феодализма. Сохранившаяся стенограмма

диспута позволяет охарактеризовать А. С. Бартенева как ученого-медиевиста, а также представить его подходы к научному сочинению и выявить степень их преемственности с предшествующей традицией.

Свою диссертацию, как и выступление на диспуте, соискатель начал с характеристики хроник Дюдона и Гильома (Гийома) Жюмьежского, картуляриев св. Вандрегизела и др. Источниковедческое критическое введение «с расчисткой Дюдона от фантастики и определение меры, в какой мы можем и должны принять Дюдона», позволило оградиться от социологизаторских обвинений, а также презентовать себя почтенной публике как ученого, мыслящего в традиционном позитивистском ключе, идущего от фактов и источников к построению закономерностей. В своем отзыве О. А. Добиаш-Рождественская заметила: «Вся Ваша кузница кипит перекрёстным огнём сталкивающихся текстов» [19, с. 229–230].

Старшее поколение историков прививало не только источниковедческую, но и филологическую и историографическую культуру. На выходявших на защиту аспирантов смотрели как на состоявшихся ученых, для которых не требуется мелочная опека, в частности вычитка текста. Отзыв, который дает О. А. Добиаш-Рождественская на диссертацию своего ученика, отнюдь не наполнен дифирамбами. Она без обиняков сообщает о недостатках, обращая внимание, например, на отсутствие акрибии в передаче имен собственных: по ее мнению, до XI в. в передаче французских имен нужно пользоваться латинской транскрипцией и не следует называть св. Германа Жерменом, а Одоэна Уэном и т. д. Она также выразила несогласие с некоторыми тезисами: о подражании Дюдона греческим авторам или с тем, что госпитами исчерпывался земледельческий состав монастыря св. Вандрегизела [19, с. 228–229].

Особое внимание О. А. Добиаш-Рождественская и И. М. Гревс в своих выступлениях на диспуте уделили стилю написания диссертации и историографической культуре – пункты, важные для этапа становления советской исторической науки. В 1920-е гг., когда писались в основном популярные труды по истории, произошло сближение научного языка с публицистикой, а революционный порыв привел к огульной критике дореволюционной традиции и зарубежных ученых. И. М. Гревс, обращаясь к соискателю, с удовлетворением произнес: «Надо отметить корректное отношение к тем, с кем вы спорите; нет никаких резких выступлений, которые как будто выставляют себя как человека более умного, чем предшественники» [4, л. 59]. О. А. Добиаш-Рождественская сказала об этом метафорично: «Вы критикуете, отбрасывая ..., отсеивая слабые, неверные мысли Ваших предшественников. Слабое с чувством такта

и экономии времени Вы отбрасываете одним ударом плеча, на сильное направляете энергичный упор, не возясь с пустяками» [19, с. 229].

Для сравнения обратим внимание на диспут примерно этого же времени В. Г. Ревуненкова, представившего диссертацию по теме «Политический кризис 1862 г. в Пруссии». Соискателя подвергли жесткой критике именно за авторский слог, «манеру развязно и грубовато браниться, непрерывный, а потому утомляющий читателя саркастический тон, презрительное похлопывание по плечу всех и каждого, о коем только заходит речь в работе, невозможные в научном труде заливчатские выражения [курсив мой. – А. С.]» [20, л. 9, 14]. Научный слог, по мнению, Е. В. Тарле, одного из оппонентов, предполагал отказ от эмоциональных оценок, стиля лозунгов и политических программ.

Публичные собрания, что собой являли и диспуты, на которых присутствовало большое количество представителей научного сообщества, позволяли легитимизировать выдвинутые положения и закрепить на неформальном уровне требования к квалификационным сочинениям. Очевидно, корпорация ориентировалась на сохранение норм, в том числе языковых, присущих традиционной науке. Дистанцируясь и даже противопоставляя свою продукцию публицистике и периодической печати, сообщество ученых тем самым формулировало важные для себя принципы и требования, очерчивая собственное пространство, позволяя заявить о себе как об особой субкультуре. Так, Е. В. Тарле много времени в выступлении посвятил критике источниковедческой культуры диссертанта. По словам академика, соискатель без должного критического подхода и объяснения ссылался на работы популярного характера [20, л. 9]. На защите кандидатской диссертации И. В. Арского («Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.», 29 ноября 1937 г.) О. А. Добиаш-Рождественская высказала соискателю неодобрение за желание «отщелкать» «буржуазных» историков (в особенности В. К. Пискорского) путем формального (без соответствующей содержательной критики работ) обвинения их в идеализме, либерализме, формализме [21, с. 240–241].

Оставляя в стороне концептуальную сторону диссертации А. С. Бартенева, о чем уже писал А. И. Москаленко на основании позже опубликованных им статей [2, с. 138–142], обратим внимание на науковедческий аспект. Сам диспут, судя по стенограмме, носил формальный характер. Ярких дискуссий и споров, как, например, в дореволюционное время, не происходило. Максимум: вопрос – ответ. Даже сам формат общения, при котором о соискателе говорилось в третьем лице, а не во втором (как это было принято прежде), подразумевал некоторую отстраненность оппонентов от «живого» диалога

и спора. И. М. Гревс начал свое выступление следующими словами: «Мне тоже хочется, как Ольге Антоновне говорить не в третьем лице, а во втором, зная, что тут сидит А[лексей]. С[ергеевич]. Это как-то напоминает старину. У нас прежде обыкновенно всегда так и было – факультет сидел там, а диссертант стоял за кафедрой, и они друг на друга смотрели...» [4, л. 58 об.].

Собственно, и формально мероприятие именовалось заседанием Ученого совета исторического факультета, на котором присутствовали его постоянные члены: председатель Комаров; профессора: Струве, Греков, Ковалёв, Вайнштейн; доценты: Мавродин, Кухарский; и. о. декана Гуткина, помощник декана Черницкий; секретарь парткома Клементьев; председатель от профсоюзной организации Иванов [4, л. 39]. Из перечисленных лиц медиевистом был лишь О. Л. Вайнштейн, в ту пору занимавший должность заведующего кафедрой истории средних веков. Задача заседания по сути состояла в том, чтобы рассмотреть предварительное решение квалификационной комиссии по данной диссертации (О. Л. Вайнштейн, И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рожественская) и сформулировать соответствующее заключение.

Показательны и сами выводы комиссии. Приведем их полностью: «1) тема работы выбрана удачно, восполняя существенный пробел в исторической литературе, даже на западе чрезвычайно бедной и по ранней истории Нормандии; 2) автор для данной работы исчерпывающим образом использовал всю литературу; 3) автор владеет марксистско-ленинской методологией и основательно использовал все относящиеся к затронутым проблемам высказывания классиков марксизма-ленинизма; 4) несмотря на известные пробелы в кругу захваченных авторов в своей работе источников, важнейшие источники использованы интенсивно, причём автор обнаружил способности к их самостоятельному критическому анализу; 5) автором установлены новые факты, в частности, хронологического порядка, и дан ряд оригинальных построений синтетического характера. Работа представляет определённую научную ценность и может быть рассматриваема как солидная работа, вполне удовлетворяющая требованиям, предъявляемым к хорошей кандидатской диссертации» [4, л. 1].

Итак, диссертационное исследование оценивалось с позиций, вполне традиционных для исторической науки, выдвинутых самим же сообществом ученых. Внимание обращалось на место автора в историографии, умение анализировать и обобщать источники и научную литературу. К достоинству отнесено и установление соискателем новых исторических фактов, что в связи с критикой «школы Покровского» приобретало новое звучание. Давалась оценка актуальности выбранной соискателем темы для западноевропейской науки. В этом тезисе видно стрем-

ление воссоздать важность для отечественных штудий учета достижений зарубежных коллег и, несмотря на бурные политические события в стране, констатировать неотделимость советской науки от общемирового контекста. Конечно, степень владения соискателем марксистско-ленинской методологией подчеркивалась, но в отзывах рецензентов этот пункт имел далеко не первостепенное значение. Скорее, он носил «дежурный» характер. О. Л. Вайнштейн в своем выступлении на диспуте Бартенева, отметив ряд сложностей источниковедческого и историографического характера при работе над темой, заявил, что соединить разрозненные элементы, взятые из средневековых документов, выстроить логически верно диссертацию удалось благодаря освоению марксистского метода и умелому использованию указаний марксизма [4, л. 46–46 об.]. По сути руководитель кафедры изложил логику написания квалификационного исследования, с которой соглашались и научные руководители – воспитанники «старой» школы, бравшие в 1930-е гг. аспирантов: первоначальная работа над источником после достаточного овладения инструментарием историка и далее – синтез полученных данных с помощью «единственно верного учения».

Перечисленные параметры оценки квалификационного сочинения в совокупности с ностальгическими воспоминаниями выступавших на диспуте, неоднократными отсылками И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рожественской к традициям петербургской школы медиевистики и, наконец, объявление И. М. Гревсом А. С. Бартенева своим учеником [4, л. 63] позволяют судить о происходившей первой защите аспиранта по средним векам в ЛГУ как о некоем ритуальном действии, необходимом не только для соискателя в его движении к искомой степени, но и для старшего поколения. Вербализуя и тем самым возрождая естественные для науки требования, ученые создавали преемственность с дореволюционными нормами. Звучащие из уст старшего поколения слова: школа, ученик, учитель, – возвращали у неопитов чувство причастности к традиции и желание ее продолжать и развивать, что и пытался делать А. С. Бартенева в Саратовском университете в пору недолгого там пребывания.

Список литературы

1. *Гальямичев А. Н.* Медиевистика в Саратовском университете: очерки истории (1917–1977). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2010. 116 с.
2. *Москаленко А. И.* Из истории медиевистики в Саратовском университете второй половины 30–40-х годов XX столетия // Историографический сборник. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. Вып. 13. С. 138–142.

3. Личное дело студента А. С. Бартенева // Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240 (ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»). Оп. 10. Д. 44.
4. Дело по защите диссертации А. С. Бартенева // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 253.
5. *Вайнштейн О. Л.* Кафедра истории средних веков // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 525ж. Л. 1–10.
6. *Розенталь Н. Н.* Из Петербурга в Москву. Воспоминания русского интеллигента и гражданина СССР / публ. подг. Д. О. Смекалин. URL: http://samlib.ru/s/smekalin_d_o/izpeterburgawmoskwu.shtml (дата обращения: 20.03.2022).
7. *Брачёв В. С.* Судьба профессора Н. Н. Розенталя (1892–1960) // Новейшая история России. 2013. № 3 (8). С. 145–160.
8. *Свешников А. В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск : Издательство Омского государственного университета, 2010. 408 с.
9. *Лебедева Г. Е., Якубский А. В.* Первый заведующий кафедрой истории Средних веков Н. Н. Розенталь // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. Вып. 5. С. 3–22.
10. *Раков Л. Л.* В капле воды. Рассказы (на правах воспоминаний) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1445 (Раков Л. Л.). Д. 6.
11. Личное дело аспиранта А. С. Бартенева // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1 (Личные дела сотрудников и преподавателей). Оп. личных дел аспирантов 1927–1957 гг. Д. 137.
12. Личное дело А. С. Бартенева // ЦГА СПб. Ф. 7449 (Институт научной педагогики при Педагогическом институте им. Герцена). Оп. 18. Д. 21.
13. Письмо И. М. Гревса к Н. П. Анциферову от 14 ноября 1934 г. // «Я всегда любил преподавание, но теперь в области истории – это очень трудное дело». Письма И. М. Гревса к Н. П. Анциферову. 1934–1941 // Отечественные архивы. 2017. № 1. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/2693/ya-vsegda-lyubil-prepodavanie-po-teper-v-oblasti-istorii-eto-ochen-trudnoe-delo-pisma-im-grevsa-k-np-anciferovu-1934-1941-gg> (дата обращения: 20.03.2022).
14. *Скворцов А. М.* Кадры решают всё? Подготовка кадров по античной истории в 1920–1930-е гг. // Советская древность : люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред С. Г. Карпюк. М. : ИВИ РАН, 2022. С. 7–55.
15. *Добиаш-Рожественская О. А.* Замечания по докладу И. И. Межлаука по вопросам преподавания гуманитарных наук // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 254 (Добиаш-Рожественская О. А.). Д. 41.
16. *Добиаш-Рожественская О. А.* Отзыв о работе аспирантов С. М. Пумпянского, Б. Я. Рамм и В. Н. Семенова // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 254. Д. 38.
17. *Добиаш-Рожественская О. А.* Материалы по работе ее с аспирантами ЛГУ и ГАИМК: инструкции, планы, программы, отзывы о работе аспирантов // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 254. Д. 34.
18. Письмо О. А. Добиаш-Рожественской Д. М. Петрушевскому от 11 мая 1937 г. // *Добиаш-Рожественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья / отв. ред. В. И. Рутенбург. М. : Наука, 1987. С. 277.
19. *Добиаш-Рожественская О. А.* Выступление на защите кандидатской диссертации А. С. Бартенева «Образование Нормандского герцогства» (ЛГУ 11.X.1937 г.) // *Добиаш-Рожественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья / отв. ред. В. И. Рутенбург. С. 226–231.
20. Дело по защите диссертации В. Г. Ревуненкова // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 373.
21. *Добиаш-Рожественская О. А.* Выступление на защите кандидатской диссертации И. В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.» (ЛГУ, 29.XI 1937 г.) // *Добиаш-Рожественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья / отв. ред. В. И. Рутенбург. С. 238–244.

Поступила в редакцию 01.08.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 10.11.2022
 The article was submitted 01.08.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 10.11.2022

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 24–30

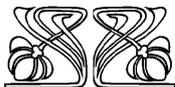
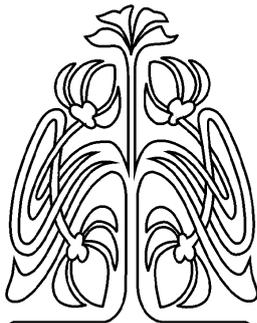
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 24–30

<https://imo.sgu.ru>

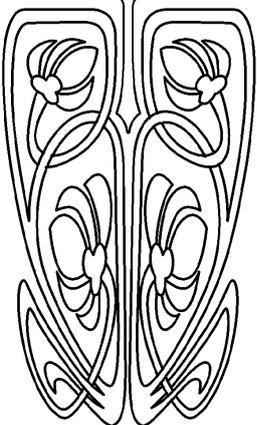
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-24-30>, EDN: OTFHQU

Научная статья

УДК [94+355](37)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Военное командование и инерция сознания: римские военачальники перед лицом императорской власти

С. В. Телепень

Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина, Республика Беларусь, 247760, г. Мозырь, ул. Студенческая, д. 28

Телепень Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и общественных дисциплин, telepen_serg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5560-8599>, Author ID: 449372

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты участия римской знати периода принципата в обеспечении военного командования империи. Данный вопрос исследуется в связи с проблемой инерции аристократического сознания, проявившейся в стремлении представителей римской знати к полководческой славе. Формулируется вывод о том, что военное командование в ранней Римской империи, превратившись в императорскую прерогативу, продолжало оставаться выражением аристократической идентичности. Встречное отношение к этим исканиям со стороны принцев также было во многом связано не только с живучестью социальных практик, унаследованных от предшествующего периода, но и аналогичной инерцией сознания.

Ключевые слова: принципат, императорская власть, аристократия, римская армия, военачальники, полководческая слава, инерция сознания

Для цитирования: Телепень С. В. Военное командование и инерция сознания: римские военачальники перед лицом императорской власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 24–30. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-24-30>, EDN: OTFHQU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Military command and inertia of consciousness: The Roman warlords in the face of emperor's power

S. V. Telepen

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, 28 Studencheskaya St., Mozyr 247760, Republic of Belarus

Sergey V. Telepen, telepen_serg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5560-8599>, Author ID: 449372

Abstract. The article discusses some aspects of the participation of the Roman nobility of the Principate period in providing the military command of the empire. This issue is being investigated in connection with the problem of the inertia of the aristocratic consciousness, which manifested itself in the desire of representatives of the Roman nobility for military glory. It is concluded that the military command in the early Roman Empire, having become an imperial prerogative, continued to be an expression of aristocratic identity. The reciprocal attitude to these searches on the part of the

princeps was also largely due not only to the vitality of social practices inherited from the previous period, but also to a similar inertia of consciousness.

Keywords: Principate, emperor's power, aristocracy, Roman army, warlords, commander's glory, inertia of consciousness

For citation: Telepen S. V. Military command and inertia of consciousness: The Roman warlords in the face of emperor's power. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 24–30 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-24-30>, EDN: OTFHQU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из наиболее важных научных проблем в изучении системы принципата является роль континуитета социально-политических институтов, продолживших свое существование, хотя и постепенно претерпевая изменения, и после падения республики в Риме. Однако не менее актуальной представляется проблема инерции сознания носителей староримской морали, т. е. сенаторов и всадников, оказавшихся в роли главного кадрового ресурса империи. Причиной сохранения данной роли было, во-первых, отсутствие в ранней Римской империи как настоящей бюрократии, так и условий для ее быстрого возникновения. По справедливому замечанию Я. Ю. Межеричко, «ни Август, ни его преемники не ставили своей целью создать унифицированную бюрократическую империю или нечто иное, подобное... Особенностью... было то, что для решения новых задач были приспособлены испытанные инструменты и методы. Второй причиной явился, несомненно, континуитет управленческих практик, идеологически санкционированных Августом в рамках его кампании по учреждению «восстановленной Республики» [1, с. 120]. Среди задач, решавшихся императорами посредством привлечения представителей высших сословий на ключевые посты, важнейшее место занимала задача по обеспечению военного командования [2, р. 404–408]. Участие в последнем по-прежнему, как и в республиканский период, тесно связывалось и в политической культуре, и в массовом сознании, и в актуальной практике с аристократическим статусом [3, с. 25; 4. с. 12].

Как известно, вопрос о знатности в античном обществе тесно связан с таким явлением, как меритократия [5]. С другой стороны, данное явление неотделимо от того особого престижа, который на языке римлян обозначался словом *honor*, обычно переводимого как «честь». Именно эта римская «честь», по мнению Дж. Лендона, играла роль интегрирующей силы, обеспечивавшей на каждом уровне иерархии, начиная с императора, функционирование всей системы социальных связей в Древнем Риме эпохи принципата [6, р. 2]. Однако совершенно особую роль в обеспечении высокого статуса в среде нобилитета играла полководческая слава [2, р. 319–325]. Б. Шоу обращает внимание на то, что даже незначительные военные успехи, например, победы над *latrones*, императорские военачальники не стеснялись указывать в своих

официальных надписях как достойные упоминания достижения [7, р. 12]. Подобный уровень полководческого честолюбия вполне согласуется с высказываемой А. Л. Смышляевым мыслью о сохранении военачальниками ранней Римской империи представлений времен Республики [8, с. 68, 71]. И хотя большинство исследователей, как замечает М. Роллер, полагают, что уже в самом начале принципата императоры монополизировали военную славу, сам Роллер считает, что это было едва ли возможно по крайней мере при первых императорах, когда аристократы еще сохраняли важные позиции в командовании [9, р. 99–100].

Однако здесь возникает вопрос о том, каким образом сохранявшееся стремление знати периода принципата к военной славе нашло применение в системе, создававшейся Августом. Дион Кассий приводит речь, якобы произнесенную перед Августом его соратником и ближайшим другом Агриппой: «Но сейчас, когда предстоит править столь огромным миром, тебе понадобится много помощников, и всем им подобает быть мужественными и благоразумными. Если же ты поручишь таким людям государственные должности и войска, то возникнет опасность, что они ниспровергнут и тебя, и государственный строй» (Dio LII. 8. 4 – пер. А. В. Махлаюка) [10, с. 67]. Независимо от степени достоверности данного высказывания очевидно, что речь идет о мнении, которое, вероятно, было общим для императорского окружения. Дилемма, стоявшая перед властью принцепса, здесь заключается, с одной стороны, в его заинтересованности в участии аристократов в формировании «генеральского» корпуса, а с другой – в ощущении угроз для власти монарха, т. е. опасности, исходившей от по-прежнему республиканской в своей основе системы военного командования.

Агриппа Диона Кассия развивает свою мысль далее: «Ибо не бывает так, чтобы заслуживающий уважения человек был лишен честолюбия... Если же человеку присуща гордость духа, он не может не стремиться к свободе и ненавидит всякое господство» (Dio LII. 8. 5. – пер. А. В. Махлаюка) [10, с. 67]. Отсюда следует, что императору необходимо было назначать командиров легионов и наместников провинций из числа одновременно благородных, а это в тех реалиях означало компетентных, и при этом лояльных принцепсу. «Если же таким гражданам ты ничего не поручишь..., – говорит Агриппа у Диона, – то очень скоро вызовешь своим

недоверием ненависть лучших людей в государстве, и, кроме того, очень быстро потерпишь неудачи в своих важнейших начинаниях» (Dio LII. 8. 6. – пер. А. В. Махлаюка) [10, с. 67]. Закономерно, что Август, как затем и его преемники, ради достижения консенсуса со знатью стремился удовлетворить их полководческие амбиции, тем более что опора на наиболее компетентных и одновременно лояльных военачальников имела прямое отношение к сохранению принципсом своего статуса главы военной организации. Говоря о мотивах, которыми руководствовался Август, когда утверждал данное положение вещей, М. И. Ростовцев отмечает: «О том, чтобы снова отдать войско сенату, не могло быть и речи. Такая попытка привела бы только к новой гражданской войне... У Августа не было иного выхода, как только оставить командование за собой, не допуская никого другого к разделению этого права» [11, с. 54].

Отбор кандидатов и продвижение их по карьерной лестнице в качестве *virī militares* для императора, судя по всему, были связаны с тщательным изучением не только полководческих способностей претендента, но и его характера, а также уровня амбиций потенциального или даже состоявшегося военачальника – императорского легата, например. Как пишет В. Н. Парфенов, Домициан применял в некотором роде «селекцию» своих военачальников, выбирая в наместники провинций тех, кто должным образом проявил себя в качестве легатов легионов [12, с. 328–329]. О Тиберии известно, что он, назначая наместников провинций и командиров легионов, «принимал во внимание знатность предков, добытые на военной службе отличия и дарования на гражданском поприще, чтобы не возникло сомнений, что данное лицо – наиболее подходящее» (Tac. *Ann.* IV. 6 – пер. А. С. Бобовича) [13, с. 149]. Также и в «Размышлениях» Марка Аврелия, единственном для времени принципата развернутом изложении самим императором своих потаенных мыслей, можно обнаружить указание на сложность принятия главой государства решения относительно назначения военачальника [цит. по: 14, р. 13]. При этом Марк Аврелий говорит о себе, что он «во всем ученик Антонина» (Пия), который был, по мнению императора-философа, «наблюдатель нравов и людских дел, а не хулиатель их» (Marc. VI. 30 – пер. А. К. Гаврилова) [15, с. 32–33]. Разумеется, под «наблюдением нравов» и особенно «людских дел» надо понимать оценку деловых и прочих качеств прежде всего представителей сенаторской аристократии.

В свете соображений, высказываемых Дионом Кассием, понятными видятся причины колебаний императора по поводу выбора им наместников для провинций, во всяком случае тех, где были расквартированы значительные воинские силы. Тацит пишет, в частности, о Тиберии:

«С одной стороны, он не выказывал предпочтения добродетелям, а с другой – ненавидел порочность: в выдающихся людях он видел опасность для себя, в дурных – общественное бесчестье. В этих колебаниях он дошел до того, что не раз поручал провинции тем, кого не согласился бы выпустить из Рима» (Tac. *Ann.* I. 80. – пер. А. С. Бобовича) [13, с. 54]. С учетом отношения автора к указанному императору колебания Тиберия в гипертрофированном виде демонстрируют то, что в целом присутствует в «Размышлениях» такого рассудительного императора, как Марк Аврелий.

Предпосылкой встречного движения со стороны представителей аристократии по отношению к принцепсу и его «кадровой политике» были традиционные республиканские устремления римской знати к полновесному *cursus honorum* в его республиканском смысле. В присутствующий период это было общим настроением – рассматривать опыт командования войсками и полководческие таланты как условие высокого социального статуса (Cic. *Ad fam.* XV. 2. 8; XV. 5; XV. 6; *Ad Att.* V. 20. 1; *De off.* I.116, 121; *Pro Murena* 19–34) [16, с. 29–30, 49–50, 105–105, 143–144; 17, с. 254, 258; 18, с. 337–343]. Правда, в науке высказывалось авторитетное мнение, согласно которому гражданские войны I в. до н. э. должны были снизить уровень заинтересованности сенаторов в занятии командирских постов [2, р. 320]. Тем не менее наличный исторический материал говорит о том, что это ни в коей мере не было всеобщим настроением. Например, Тацит показывает, сколь велико было рвение военачальников периода ранней Империи. В его рассказе они зачастую буквально рвутся к тому, чтобы командовать войском и, соответственно, получать отличия за полководческие успехи (Tac. *Ann.* III. 39; IV. 46; XI. 18; XII. 27–28; *Agr.* 14, 16–18; *Hist.* I. 79) [13, с. 125, 174–175, 240, 265–266, 433, 435–437, 569], собирают войска при необходимости подавить восстание в провинции (Tac. *Ann.* III. 41, 73) [13, с. 125–126, 143–144] и соперничают между собой по поводу верховного командования при проведении совместных кампаний (Tac. *Ann.* III. 42, 46) [13, с. 126, 128].

Любопытными, относящимися ко времени начала принципата, свидетельствами о сохранении в императорское время стремления аристократов к военной славе являются произведения Тибулла. Поэт здесь прославляет своего покровителя, представителя знатнейшего рода Марка Валерия Мессалы Корвина, консула 31 г. до н. э., который получил в 25 г. до н. э. за свои довольно скромные военные успехи триумф. Тибулл отсылает читателя к образам предков полководца, апеллирует к староримским добродетелям, идеалам семьи и аристократической чести (Tibull. I. 1. 53–54; I. 7. 5–60; II. 1. 31–34; II. 5. 115–122) [19, с. 161, 177–179, 187, 202]. Очевидно, Мессала получил от императора особые отличия

не в связи со своими реальными достижениями, а во многом вопреки им. Август явно стремился потрафить в лице Мессалы Корвина честолюбивым ожиданиям высшей знати. Во всяком случае в аналогичной ситуации Тиберий поступил подобным же образом, причем его мотивы изложены Тацитом достаточно определенно (см. ниже).

Мир идей и настроений, представленный Тибуллом, находит подтверждение и продолжение в эпиграфическом памятнике, относящемся ко времени, отдаленному от времен Катулла и Мессалы более чем на четыре десятилетия. Надпись, выполненная в стихотворной форме и принадлежавшая сыну Луция Апрония, проконсула Африки в 18–21 гг. н. э., демонстрирует неподдельный пиетет по отношению к военной славе отца (вероятно, преувеличенной), к «мечу, красному от крови врагов» (*ILS 939*) [20, р. 205–206].

Провинция Африка в начале I в. н. э. оставалась единственным местом, где проконсул командовал войсками под собственными ауспциями. Военные действия против нумидийских повстанцев Такфарината, которые велись в 17–24 гг., предоставляли наместникам возможность проявить себя в качестве реальных военачальников. В 17–18 гг. проконсул Марк Фурий Камилл достиг некоторых успехов в войне с восставшими нумидийцами. Представитель одной из самых знатных фамилий наконец получил возможность решительной битвой добиться для себя и своей семьи почестей, некогда уже принадлежавших его предкам. Победа, хотя и не столь грандиозная, Камиллом была одержана. Как сообщает Тацит, Тиберий воспользовался ею, чтобы, исходя из своего стремления удовлетворить честолюбивые стремления знати, наградить Камилла триумфальными отличиями, едва ли заслуженными, но встреченными в среде сенаторов с энтузиазмом (*Тас. Анн. II. 52*) [13, с. 84]. Здесь повторилась, по сути дела, ситуация, имевшая место в связи с назначением триумфа Мессале во времена правления Августа. Однако в других случаях, когда речь шла не о столь прославленных фамилиях, удовлетворение честолюбивых притязаний зачастую оказывалось нереализованным. Так, Гай Кассий, легат императорской провинции Сирии при Клавдии, будучи представителем прославленного победоносного рода, но не имея возможности громкой победой приобрести славу полководца, мог удовлетвориться лишь тем, что «обучал легионы с таким старанием и такую предусмотрительностью, как если бы его теснили враги; он считал, что этого требует достоинство его предков и рода Кассиев» (*Тас. Анн. XII. 12.* – пер. А. С. Бобовича) [13, с. 258]. По этому поводу можно привести мнение А. В. Махлаюка о военачальниках периода ранней Империи, который, полагает, что «модель поведения полководца [этого времени] имела

знаковый характер архаизирующей стилизации, сознательно ориентированной на героические образы римской древности» [21, с. 117].

Разумеется, нельзя также не заметить, что в условиях принципата имела место и противоположная тенденция. Для части представителей высшей аристократии военная составная *cursus honorum* со временем теряла свою актуальность. Начиная со времени правления Септимия Севера сенаторы все более уклоняются от занятия должностей, предполагавших командование войском, предпочитая должности более мирного характера, связанные, например, с управлением финансами [22, р. 115–116]. Эти посты теперь не всегда подразумевали опыт командования крупными воинскими силами. А поскольку роль старых сенаторских фамилий в императорский период постепенно снижалась, как сократилось и количество таких фамилий, значение военной славы в качестве составной части традиционной *cursus honorum* также должно было со временем ослабеть. Одна из причин такого положения дела заключалась в том, что, как замечает Р. Сайм, императоры зачастую не выдвигали сыновей консулов на консульные посты [23, р. 361]. И это, кажется, не противоречит вышеуказанному случаю Мессалы, который получил свои отличия, во-первых, в порядке исключения, а во-вторых, в условиях отсутствия у него реальных достижений, которые могли создавать у императора ощущение угрозы со стороны этого «полководца».

С другой стороны, выдвинутые императоров, иногда происходившие из не самых знатных фамилий, очевидно, восприняли милитаристские традиции римского аристократического сообщества, хотя и в их все более выраженной плоскости «архаизирующей стилизации». Хорошо известен имевший место в 55 г. конфликт между Уммидием Квадратом, легатом Сирии, и Корбулоном, а затем подобные же трения между Корбулоном и Цезеннием Петом (*Тас. Анн. XIII. 8–9; XV. 6*) [13, с. 292–294, 366–367]. В основе всех этих конфликтных ситуаций лежал спор из-за соперничества не в реальных достижениях, а в полководческой славе. Итогом стало вмешательство в спор между Уммидием и Корбулоном самого Нерона, который постарался примирить конфликтующих военачальников символическим актом признания заслуг обоих (*Тас. Анн. XIII. 9*) [13, с. 294]. Также примерно в это же время ходили слухи, что Светоний Паулин, наместник Британии, заочно соперничая с Корбулоном и стремясь сравняться с ним в отличиях, предпринял сомнительный по своим целям и результатам поход на остров Мону (*Тас. Анн. XIV. 29*) [13, с. 343].

Показателен пример Гая Юлия Квадрата Басса, представителя пергамской или галатской аристократии, первоначально принадлежавшего

к сословию всадников. Он сделал успешную карьеру при императоре Траяне, последовательно занимая высшие посты в военном командовании (*PIR*² I. 508) [24, р. 260]. В 117 г., находясь на посту наместника Дакии, он умер, после чего, по распоряжению императора Адриана, его тело было доставлено солдатами дакийских легионов в Пергам и там со всеми возможными почестями похоронено, причем памятник был установлен, как это выяснил Ф. Миллар, на средства, выделенные императорской казной, т. е. фиском [25, р. 39]. Адриан здесь, вероятней всего, показывал сенаторам то, что откуда бы они не происходили, и даже если при этом не принадлежали к старой аристократии, их полководческие заслуги, пусть и достаточно умеренные, не останутся без внимания. Даже в III в. инерционные силы аристократических традиций сказывались таким образом, что стремление к видимости военной славы не перестало быть предметом честолюбивых устремлений в среде высшей знати. Около 260 г. или несколько позже наместник Нумидии Гай Макрин Дециан с гордостью отчитывался в своей торжественной надписи об одержанной им победе над восставшими в этой провинции племенами (*ILS* 1194) [20, р. 262–263]. Восприятие Децианом данной победы, реальной или, возможно, мнимой, определенно напоминает отношение сына Луция Апрония к «свершениям» своего отца, который был проконсулом в Африке двумя с половиной столетиями ранее.

То, как в среде римской аристократии трактовалась полководческая слава, демонстрирует биография тестя Корнелия Тацита, т. е. жизнеописание Юлия Агриколы. Последний был наместником Британии в период Флавиев. Составленное историком, являвшимся членом аристократического сообщества, жизнеописание должно было, по замыслу автора, произвести должное впечатление прежде всего на сенаторов и всадников. Это значит, что акцентирование Тацитом внимания на полководческих достижениях тестя само по себе служит отражением представлений, господствовавших в данной среде. Следовательно, стремление к «огромной и всезатмевающей славе», которое Агрикола выказывал в молодом возрасте (но которое он затем обуздал силой своей «мудрой умеренности») должно было быть хорошо понятным для читателей Тацита, принадлежавших к римской аристократии (*Tac. Agr.* 4) [13, с. 426]. Также понятным должно было выглядеть и стремление молодого Агриколы к приобретению военного опыта, если не сказать образования, получение которого для будущего полководца было связано с выполнением обязанностей военного трибуна при Светонии Паулине (*Tac. Agr.* 5) [13, с. 426–427]. Получив под свое командование войска, т. е. достигнув положения военачальника, Агрикола не уклоняется от опасностей, проявляет благоразумие и усердие (*Tac. Agr.* 18) [13, с. 437]. Смелый и решительный

в военных обстоятельствах, он мудро руководит войском, переносит с ним все тяготы, вникает во все мелочи походной жизни, сам выбирает место для лагеря (*Tac. Agr.* 20, 22, 35) [13, с. 438–440, 448]. Хотя тесть Тацита преуспел в различных управленческих делах, показательно, что его полководческие успехи представлены историком-аристократом как главное основание для высокой итоговой оценки его деятельности. Тацит прибегает здесь к форме риторического вопроса: «Ведь по достижении им истинных благ, которые покоятся в добродетелях, а также консульских и триумфальных отличиях, чем еще бы могла одарить его судьба?» (*Tac. Agr.* 44 – пер. А. С. Бобовича) [13, с. 455].

Тацитов образ Агриколы как выдающегося военачальника – это скорее выражение того, что считалось достойным в окружении Тацита, чем правдивый рассказ о победах флавианского наместника Британии. Вероятно, более достоверен образ Гнея Домиция Корбулона, военачальника времен Клавдия и Нерона. Он стал единственным полководцем императорского времени, который, не принадлежа семье принцепса, тем не менее удостоился упоминаний в «Стратегемах» Секста Юлия Фронтинна (*Front. Strateg.* II. 9. 5; IV.1. 21, 28; IV.2. 3; IV.7. 2) [26, с. 225, 256, 257, 260, 267]. Другие авторитетные писатели также сообщают о выдающихся качествах Корбулона (*Tac. Ann.* XI. 18; XIII.8, 35, 38, 40; XIV. 24; XV. 12; Dio LXII. 19. 1; Amm. XXIX.5. 4; *Stat. Silv.*V. 2. 34–47) [13, с. 240, 293, 309–310, 312, 314, 340–341, 369–370; 10, с. 592–593; 27, с. 450; 28, с. 186–187]. Тацит отмечает внушительность всего облика полководца, его красноречие (*Tac. Ann.* XIII. 8) [13, с. 293] и все-таки показывает, что своей славой Корбулон был обязан не столько одержанным победам, сколько умению избежать тех ситуаций, где его полководческие таланты могли бы оказаться неподтвержденными, например, ввиду наличия сколько-нибудь серьезного противника или иных препятствий на пути к легкой победе (*Tac. Ann.* XV. 5–6) [13, с. 366–367]. В итоге Корбулон приобретает славу, которая, по мнению Р. Сайма, едва ли была им в действительности заслужена [29, р. 492–493]. Положение Корбулона в качестве специально выпестованного императором полководца вполне укладывается в тенденцию, обозначенную триумфами Мессалы и Фурия Камилла. Действительно, трудно отделаться от мысли, что Корбулон был необходим принцепсу прежде всего как пример успешной военной карьеры в эпоху фактической монархии и лишь затем как выдающийся полководец.

С другой стороны, известно, что чрезмерный диссонанс между высокими почестями и реальными достижениями мог вызывать в аристократической среде критику и даже насмешку. Так, Плиний Младший пишет по поводу триумфальных статуй, что «в большинстве случаев их ставят людям, которые никогда не были

в строю, никогда не видели лагеря и никогда не слышали звука военной трубы – разве что в театре» (Plin. *Ep.* II. 7. – пер. М. Е. Сергеевко) [30, с. 28]. Разумеется, автор несколько утрирует. По мнению Р. Сайма, в представлениях Плиния не в пример другим членам аристократического сообщества писательская слава стоит выше полководческой [31, р. 751]. Однако в целом посыл Плиния представляется очевидным: внешнее выражение полководческих достижений в среде аристократии в его время замещает реальные достижения основной массы её представителей.

Таким образом, республиканские традиции продолжали жить и в условиях принципата. Военное командование в ранней Римской империи, превратившись в императорскую привилегию, продолжало оставаться выражением аристократической идентичности. Желание представителей знати не просто получить высшие командные посты, но и обрести полководческую славу в условиях фактической монархии было важнейшей составляющей их публичной деятельности. Встречный интерес к удовлетворению этих стремлений наблюдался и со стороны императорской власти. Причиной такого отношения принцев послужило отсутствие в ранней Римской империи иных механизмов замещения высших командирских должностей, кроме тех, которые сложились к концу периода Республики. Это обстоятельство, в свою очередь, во многом обуславливалось не только живучестью социальных институтов, но и инерцией аристократического сознания, которая была присуща как сенаторской знати, так и самим принцам.

Список литературы

1. *Межерский Я. Ю* «Восстановленная республика» императора Августа. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
2. *Campbell J. V.* The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD 235. Oxford : Clarendon Press, 1984. 468 p.
3. *Голдсуорти А.* Во имя Рима: люди, которые создали империю / пер. с англ. М. Алферовой, М. Королева. М. : АСТ, 2006. 537 с.
4. *Парфёнов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб. : Алетей, 2001. 278 с.
5. *Дементьева В. В.* Современное антиковедение: концепция «римской меритократии» // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : История. 2007. № 1. С. 55–60.
6. *Lendon J. R.* Empire of Honor: The Art of Government in the Roman World. Oxford : Clarendon Press, 1997. XII, 320 p.
7. *Shaw B. D.* Bandits in the Roman Empire // Past and Present. 1984. № 105. P. 3–52.
8. *Смышляев А. Л.* Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // *Ius Antiquum. Древнее право.* № 17. С. 65–72.
9. *Roller M. B.* Constructing Autocracy: Aristocrats and Emperors in Julio-Claudian Rome. Princeton ; New Jersey : Princeton University Press, 2001. XI, 319 p.
10. *Кассий Дион Коккейян.* Римская история. Книги LI–LXIII / пер. с древнегр. ; под. ред. А. В. Махлаюка ; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб. : Нестор-История, 2014. 680 с.
11. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи / пер. с нем. И. П. Стреловой : в 2 т. СПб. : Наука, 2000. Т. 1. 400 с.
12. *Парфёнов В. Н.* Домициан и его «генералитет» // История: мир прошлого в современном освещении : сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. С. 327–336.
13. *Тацит Публий Корнелий.* Анналы. Малые произведения. История / пер. с лат. А. С. Бобовича и Г. С. Кнабе ; ред. Я. М. Боровского и М. Е. Сергеевко. М. : АСТ ; Ладомир, 2003. 984 с.
14. *Brunt P. A.* Marcus Aurelius in His Meditation // Journal of Roman Studies. 1974. Vol. 64. P. 1–20.
15. *Антонин Марк Аврелий.* Размышления / пер. с древнегр. А. К. Гаврилова ; текстологические примечания А. К. Гаврилова. М. : Наука, 1985. 245 с.
16. *Цицерон Марк Туллий.* Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна : в 3 т. М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1950. Т. 2. 502 с.
17. *Цицерон Марк Туллий.* Моральные размышления. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. с лат. В. А. Петухова, В. О. Горенштейна ; вступит. ст. А. В. Маркова. М. : РИПОЛ классик, 2020. 450 с.
18. *Цицерон Марк Туллий.* Речи / пер. с лат. В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек : в 2 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 1. 443 с.
19. *Катулл Валерий. Тибулл Альбий. Проперций Секст.* Сочинения / пер. с лат. ; под ред. Ф. А. Петровского ; предисл. Ф. А. Петровского. М. : Издательство художественно литературы, 1963. 511 с.
20. *Inscriptiones Latinae Selectae/Hrsg. H. Dessau: in 3 vols. Berolini : Weidmann, 1892. Vol. 1. 602 p.*
21. *Махлаюк А В.* Армия Римской империи: очерки традиций и ментальности. Н. Новгород : Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2000. 235 с.
22. *Birley A. R.* Senators as Generals // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit/hrsg. von E Birley, G. Alöldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2000. S. 97–119.
23. *Syme R.* The Governors of Pannonia Inferior // Historia. 1965. Bd. 14, hf. 3. S. 342–361.
24. *Prosopographia Imperii Romani saec. I, II, III. Ed. altera / ed. A. Stein et L. Petersen : in VIII partes. Berolini et Lipsiae: Walter de Gruiter, 1966. Part. IV. 369 p.*
25. *Millar F.* The Fiscus in the First Two Centuries // Journal of Roman Studies. 1963. Vol. 53. P. 29–42.
26. *Фронтин Секст Юлий.* Стратегемы / пер. с лат. А. Б. Рановича // Военное искусство Античности. М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 161–274.
27. *Аммиан Марцеллин.* Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб. : Алетей, 1996. 667 с.

28. *Стаций Публий Папиний* / пер. с лат и предисл. Т. Л. Александровой. СПб. : Алетейя, 2019. 254 с.
29. *Syme R. Tacitus. Vol. II.* Oxford: Clarendon Press, 1997. 856 p.
30. *Плиний Гай Цецилий Секунд.* Письма. Панегирик Траяну / пер. с лат. А. И. Доватура, М. Е. Сергеенко, В. С. Соколова. М. : Наука, 1984. 407 с.
31. *Syme R. Pliny and the Dacian Wars // Latomus.* 1964. Vol. 23, fasc. 4. P. 750–759.

Принятые обозначения и сокращения

Эпиграфика и просопография

ILS – Inscriptiones Latinae Selectae

*PIR*² – Prosopographia Imperii Romani, ed. alt.

Античные литературные источники

Amm. – Аммиан Марцеллин «Римская история»

Cic. – Цицерон:

AdAtt. – Письма Аттику

Adfam. – Письма близким

Deoff. – «Об обязанностях»

ProMur. – «Речь в защиту Мурены»

Front. Strateg. – Фронтин «Стратегемы»

Marc. – Марк Аврелий «Размышления»

Plin. Ep. – Плиний Младший «Письма»

Stat. Silv. – Стаций «Сильвы»

Tac. – Тацит:

Agr. – «Жизнеописание Юлия Агриколы»

Ann. – «Анналы»

Hist. – «История»

Tibull. – Тибулл «Элегии»

Поступила в редакцию 26.05.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 26.05.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 31–37
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 31–37
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-31-37>, EDN: OULEAV

Научная статья
УДК [94+316.346.2](410)|15|+929Мария Тюдор

Политические и гендерные аспекты прихода к власти и правления Марии Тюдор

С. А. Миронова

¹Областное государственное автономное учреждение культуры «Ленинский мемориал», Россия, 432017, г. Ульяновск, площадь Ленина, д. 1
²Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18

Миронова Светлана Анатольевна, ¹научный сотрудник, ²соискатель кафедры археологии и всеобщей истории, svkorol93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3308-9489>, Author ID: 49211630

Аннотация. В статье рассматриваются условия прихода к власти английской королевы Марии Тюдор и особенности ее правления, в том числе с точки зрения гендерных аспектов. Показано, что, порицая Марию I Тюдор за приверженность к католицизму, многие историки не упоминают положительные для Англии аспекты ее непродолжительного правления. Мария Тюдор пришла к власти в нелегкое для королевства время. Не имея опыта управления страной, Мария приблизила к себе государственных мужей, которые еще недавно выступали против нее. Католицизм в Англии вновь стал государственной религией. Королева провела ряд успешных финансовых реформ, во многом заложив основы правления ее преемницы Елизаветы I. Политика сближения с Габсбургами, завершившаяся созданием англо-испанского союза, также имела немаловажное значение для страны. Многие решения Мария Тюдор принимала под влиянием своего испанского супруга, что соответствовало гендерным представлениям того времени.

Ключевые слова: Англия, Тюдоры, Мария Тюдор, англо-испанский союз, Контрреформация, католицизм, финансовые реформы, гендерные представления

Для цитирования: Миронова С. А. Политические и гендерные аспекты прихода к власти и правления Марии Тюдор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 31–37. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-31-37>, EDN: OULEAV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political and gender aspects of Mary Tudor's rise to power and rule

S. A. Mironova

Regional State Autonomous Cultural Institution "Lenin memorial", 1 Lenin Square, Ulyanovsk 432017, Russia
Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russia

Svetlana A. Mironova, svkorol93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3308-9489>, Author ID: 49211630

Abstract. The article examines the conditions of the coming to power of the English Queen Mary Tudor and the peculiarities of her reign, including from the point of view of gender aspects. It is shown that, while condemning Mary I Tudor for her adherence to Catholicism, many historians do not mention the positive aspects of her short reign of England. Mary Tudor came to power at a difficult time for the Kingdom. Having no experience of governing the country, Maria brought the statesmen who had recently opposed her closer to her. Catholicism in England has once again become the state religion. The Queen carried out a number of successful financial reforms, largely laying the foundations for the rule of her successor, Elizabeth I. The policy of rapprochement with the Habsburgs, which culminated in the creation of the Anglo-Spanish Union, was also of no small importance for the country. Maria Tudor made many decisions under the influence of her Spanish spouse, which corresponded to the gender perceptions of that time.

Keywords: England, Tudors, Mary Tudor, Anglo-Spanish Union, Counter-Reformation, Catholicism, financial reforms, gender perceptions

For citation: Mironova S. A. Political and gender aspects of Mary Tudor's rise to power and rule. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 31–37 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-31-37>, EDN: OULEAV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные исследования политической истории, властных институтов и отношений невозможны без учета гендерной составляющей [1, с. 69]. По замечанию Л. П. Репиной, «важное

место в обсуждении проблемы «гендер и власть» занимает анализ политического аспекта гендерной дифференциации, который чрезвычайно рельефно выявляется именно в переломные эпо-

хи. Историческая ситуация и события XVI века, в том числе появление в результате династических инцидентов во многих странах Европы государей женского пола... оставили яркий след в политическом мышлении этого времени. Так, характерным признаком многих произведений... стало пристальное внимание к... проблеме, непосредственно связанной с тем, что в настоящее время понимают под термином «социальное конструирование гендера»: может ли женщина, рожденная в королевской семье и обученная «монаршему делу», преодолеть ограничения своего пола?» [2, с. 124].

В истории европейских монархий была сильна традиция майората – передачи власти по наследству старшим детям мужского пола. Однако имелись и исключения, одним из которых стало правление Марии Тюдор (1516–1558), которое, на наш взгляд, изучено недостаточно, за исключением ее религиозной политики.

Будущая королева Мария Тюдор – единственная дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской – родилась 18 февраля 1516 г. Ее детство и личная жизнь оказали серьезное влияние на проводимую ею политику [3, с. 78]. Развод Генриха VIII с ее матерью и его женитьба на новой избраннице, по мнению ряда авторов [4, 5], привели к тому, что в каком-то смысле Мария с детства чувствовала свою «ущербность», ненужность. Это отразилось на становлении ее личности, равно как и полученном ею образовании и воспитании.

Большая роль в составлении и реализации плана обучения девочки отводится не только Генриху VIII, но и Екатерине Арагонской. Необходимо отметить, что испанские корни и влияние матери во многом определили религиозные и политические взгляды Марии Тюдор. Именно по настоянию Екатерины Арагонской первоначальный план обучения для Марии составил Хуан Луис Вивес – известный испанский философ и гуманист. На первое место ставилось нравственное воспитание, основу которого составляли повсеместно распространенные в Западной Европе католические постулаты о роли женщины и ее поведении. Считалось важным воспитать женщину в духе христианских ценностей и подчинении мужчинам. При этом важным фактором являлось то обстоятельство, что Мария имела шанс занять королевский престол. В этом случае привитые ей нравственные ценности и приверженность традиционной точке зрения о подчиненности женщины мужчине противоречили бы ее статусу королевы. По сути, обретя престол, Мария Тюдор фактически должна была играть мужскую роль.

Также следует отметить высокий уровень языковой подготовки, впоследствии позволившей королеве вести переговоры на трех языках (латынь, испанский и французский) [6, с. 188].

Следовательно, будучи единственным на тот момент выжившим ребенком Генриха VIII, Мария Тюдор несла бремя ответственности возможного наследника престола, что по сути в большей степени являлось мужским предназначением. Это противоречие впоследствии сыграло роль в выборе методов правления королевы.

Немаловажным в понимании личности Марии Тюдор и особенностей ее правления был и ее характер. По мнению историков, в нем своеобразно отразилась специфика поведения и качеств ее предков. От своей бабушки по материнской линии – Изабеллы Кастильской – она переняла такие черты характера, как работоспособность и упрямство, а творческие унаследовала от отца [5, с. 87, 7, р. 196].

В связи с тем, что до развода родителей Мария рассматривалась как вероятный претендент на английский престол, принцесса всегда находилась в центре светской жизни, принимала участие в придворных событиях и празднествах. При этом от нее требовалось соблюдение всех норм королевского этикета. Еще до достижения ею годовалого возраста был создан ее собственный двор, который соответствовал королевскому и включал все его элементы. В число лиц, которые обслуживали Марию, входили кормилица, сестра-сиделка, духовник, фрейлина и прачка. Наставницей и главной придворной дамой в этот период была леди Маргарет Брайан, гувернантка Марии, до ее рождения фрейлина Екатерины Арагонской. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что она была набожной и образованной. Двор принцессы совершенствовался и рос количественно по мере ее взросления. Важно то, что уже с малых лет Мария Тюдор играла роль королевы, что оказало серьезное влияние на ее личность.

Для реализации своих внешнеполитических целей Генрих VIII начал планировать помолвку своей дочери еще до того, как ей исполнилось 3 года. Об этом свидетельствует подписание 3 октября 1518 г. «Договора о всеобъемлющем мире» [8, р.341] с Францией. Одним из пунктов данного договора предусматривался брак дофина и английской принцессы. Заключение помолвок между малолетними претендентами было обычной практикой в то время, поскольку династические браки с целью укрепления положения государства и приобретения союзников являлись частью внешней политики. Разница в возрасте и личные привязанности будущих супругов не принимались во внимание. «Договор о всеобъемлющем мире» вызвал негативную оценку у испанской стороны, что привело к возникновению между Англией и Испанией серьезных противоречий [9, с. 47]. В английском обществе также были недовольные перспективой брачного союза дочери Генриха VIII с французским наследником престола, так как Мария на тот момент была

единственной легитимной претенденткой на английский престол. Если бы она вышла замуж за дофина, последний мог в дальнейшем претендовать на английский престол. Учитывая многовековую историю англо-французских отношений со времен Анжуйской династии Плантагенетов, сама эта возможность воспринималась как нежелательная.

Немаловажным являлся и пункт договора, касающийся правил престолонаследия. В нем указывалось, что в случае отсутствия у короля ребенка мужского пола трон наследует Мария. Именно этот пункт стал первым шагом на ее пути к трону. Далее последовали события, препятствовавшие восприятию Марии Тюдор как возможной будущей королевы. Так, в 1519 г. одна из любовниц короля родила мальчика [5, с. 289]. Несмотря на статус незаконнорожденного, он мог оказаться более предпочтительной фигурой в качестве короля. Поскольку, как известно, Генрих VIII не оставлял попыток получить наследника, свою дочь он рассматривал не как будущую королеву, а как «разменную монету» во внешнеполитических играх.

В 1522 г. была документально подтверждена договоренность о помолвке Марии Тюдор и императора Карла V, который был старше принцессы на 16 лет. Поэтому заключенная ранее ее помолвка с дофином Франции была расторгнута, но в то же время Мария Тюдор получила титул принцессы Уэльской, который передавался лишь наследникам престола. В 9-летнем возрасте Марию перевозят в замок Ладлоу, где создается своего рода миниатюрная копия королевского двора, включая тайный совет. Этот факт свидетельствует о том, что при отсутствии других законнорожденных детей мужского пола Генрих VIII мог все-таки рассматривать свою дочь как претендентку на английский престол.

Последовавший за этим ряд событий оказал серьезное влияние на становление личности принцессы. Главными из них были развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской, матерью Марии, и разрыв отношений с католической церковью. После этого Мария больше не видела свою мать. Ее наставницей стала родственница новой супруги короля, что, несомненно, оказало неблагоприятное влияние на принцессу. Однако брак с Анной Болейн не принес королю наследника, а впоследствии новую супругу казнили по обвинению в измене.

Следуя курсу на создание независимой от Рима церкви, в 1536 г. Генрих VIII начал проводить конфискацию земель и имущества, принадлежавших католической церкви в Англии. Поскольку Мария Тюдор являлась католичкой, данные события оказали негативное влияние на ее положение. Церковные реформы не нашли большой поддержки в стране [10, с. 388]. Процесс конфискации монастырских земель проходил не так гладко, как рассчитывал король. В 1536 г.

в страну прибыл специальный посланник от Карла V. Некоторые исследователи считают, что эти два события (начало конфискации церковного имущества и приезд посланника католического императора) связаны между собой [11, р. 345]. Пользуясь сложившейся обстановкой в стране, недовольством общества политикой английского короля, император Карл V, вероятно, планировал организацию мятежа с целью устранения Генриха VIII от власти [12, с. 156]. Есть мнение, что Мария Тюдор была в курсе этих планов и, будучи католичкой, поддерживала их. Отношения между Генрихом VIII и его старшей дочерью были достаточно натянутыми. Католичка Мария не могла поддерживать церковные реформы отца. Вряд ли она была довольна тем, что ее удалили от королевского двора, разлучили с матерью, а отношение к ней со стороны придворных ухудшилось. Помимо этого, по инициативе императора Карла V начались новые переговоры о ее браке, на этот раз с братом короля Португалии доном Луисом [12, с. 156]. Однако и они завершились неудачей из-за вмешательства Генриха VIII, который полагал, что их целью была попытка увести принцессу из Англии [11, с. 144].

Хотя Мария не принимала участия в политической жизни двора в этот период, у нее был определенный авторитет в обществе, недовольном действиями короля. В атмосфере неопределенности и страха перед будущим на нее стала возлагать надежду католическая часть общества, не готовая принять новую веру. Что касается самой Марии Тюдор, то, оставаясь истинной католичкой, она верила в свое предназначение и исключительную роль в будущем своей страны. Сохранение католической веры она считала своей миссией. Все это, несомненно, сказалось на принимаемых ею решениях в дальнейшем в качестве королевы [13, с. 51]. Например, Мария Тюдор видела исключительное божественное вмешательство и кару Божью в том, что во время одного из турниров ее отец получил тяжелую травму, а Анна Болейн родила мертвого мальчика и с этого момента потеряла благосклонность короля. Все эти события для Марии Тюдор носили мистический характер и укрепляли ее приверженность католической вере.

Следующая супруга Генриха VIII Джейн Сеймур предпринимала попытки вернуть Марию ко двору. Джейн отличалась добрым нравом и намеревалась наладить хорошие отношения с принцессой. Генрих VIII согласился, но выдвинул условия для этого. 15 июня 1536 г. Мария Тюдор подписывает документ, ставящий под сомнение ее статус принцессы и возможной наследницы трона, поскольку в нем оспаривалась законность самого факта заключения брака между ее отцом и матерью. На Марию Тюдор оказывалось сильнейшее давление с целью подписания данного документа. Об этом свидетельствует переписка между Кромвелем и Марией Тюдор [8]. Кроме

того ко двору была приближена и другая дочь Генриха VIII и казненной Анны Болейн – Елизавета.

Все это не могло не повлиять на характер Марии Тюдор. Личные обиды на отца, разногласия с ним в вопросах веры и действия короля по отношению к ее матери не способствовали налаживанию отношений между ними. Письмо «жемчужины мира» (так называл отец Марию в детстве) от 2 октября 1536 г. («Спасибо за ежедневное благословление и отеческое снисхождение») было тому подтверждением [6, с. 187].

12 октября 1537 г. сбылась мечта Генриха – родился сын Эдуард, хотя его мать Джейн Сеймур умерла через несколько дней после родов. Мария, старшая дочь короля, стала крестной новорожденного, а на похоронах третьей супруги отца была «главной скорбящей». Конечно, Мария не слишком радовалась появлению брата, хотя много времени проводила с ним. По мнению Ю. И. Соусовой, «скорее всего, в этом скрывалась политическая подоплека: ведь Эдуард, как и Елизавета, воспитывались своим отцом, Генрихом VIII, в духе протестантизма, который позже скажется на их отношениях с сестрой-католичкой» [12, с. 155].

Мария, ранее считавшаяся самой завидной невестой в Европе, теперь не могла рассчитывать даже на равноправный брак. «И тут Генрих VIII вновь начал переговоры о заключении брачного договора, но уже со вторым наследником французского трона – герцогом Орлеанским, так как восстановить брачный союз с дофином король Франции Франциск соглашался только после полного восстановления Марии в правах. И поэтому переговоры очень быстро зашли в тупик. Легко догадаться, как сильно была оскорблена Мария в этой ситуации» [12, с. 156].

В 1540 г. король женился в четвертый раз на иностранке Анне Клевской. Внешнеполитический курс был изменен и это побудило его опять начать переговоры о новой помолвке дочери. Перед свадьбой у Генриха возникла идея выдать Марию замуж за герцога Филиппа Баварского, прибывшего в Англию на таинство венчания. Для этого даже был составлен проект соглашения, но встреча с Филиппом не состоялась. Спустя несколько месяцев вновь возобновились разговоры о помолвке с французским дофином. Безысходность положения Марии можно прочитать в написанных ею строках: «Безрассудно полагать, что пока отец жив, меня выдадут замуж за пределы Англии или даже в самой Англии» [7, р. 54]. Она прекрасно понимала, что ее замужество представляет угрозу для отца. Брак с иностранцем значительно повышал и без того большую вероятность вторжения с континента. А брак с английским аристократом создаст угрозу гражданской войны [5, с. 56].

После недолгого брака с Екатериной Говард король вновь женился на вдове леди Екатерине Парр. Будучи мудрой женщиной, она старалась, чтобы Генрих как можно больше времени проводил в кругу семьи, с дочерьми от предыдущих браков. В 1544 г. парламент издал указ, который предоставил Генриху VIII исключительные права, каких еще не имел ни один монарх в Англии. В их числе право «передавать корону кому угодно посредством королевской грамоты или в силу завещания» [14, р. 112], чем король вскоре и воспользовался: он объявил старшую дочь своей преемницей, но при условии отсутствия детей у Эдуарда. Согласно новому «Акту» Елизавета тоже восстанавливалась в своих правах. Наряду с религиозными разногласиями это была еще одна причина вражды между сестрами.

22 января 1547 г. Генрих VIII скончался в возрасте 55 лет, оставив английский трон своему единственному законному сыну Эдуарду, которому на тот момент было неполных 10 лет. Юный король поддерживал хорошие отношения с обеими сестрами, но более теплые отношения сложились у него с Елизаветой, так как их объединяла общая вера. Мария в то время проживала в местечке Бьюдли, предпочитая оставаться в тени. Борьба придворных клик при Эдуарде (1547–1553 гг.) тесно переплеталась с выступлениями противников Реформации (при Эдуарде началась активная конфискация имущества часовен, капелл и различных религиозных братств), которым не раз удавалось воспользоваться народным недовольством [15, с. 183].

Правление нового короля было недолгим. В начале 1553 г. у «юного святого Эдуарда», как его называли протестанты, обнаружились симптомы туберкулеза. Болезнь породила новый династический кризис и вызвала сильное беспокойство среди протестантов, поскольку трон в случае смерти Эдуарда должна была унаследовать его старшая сестра – католичка Мария. Как указывает А. А. Петросян, «лорд-протектор Дадли решил, что нельзя допустить воцарения Марии и нужно возвести на престол королеву, которая бы защищала как интересы протестантизма, так и его собственные. Наиболее подходящей кандидатурой была старшая дочь герцога Саффолка, 16-летняя Джейн Грей» [15, с. 184], убежденная сторонница англиканской церкви. Современники, отмечавшие «поразительную красоту и блестящий ум Джейн», указывали и на ее «глубокую религиозность, доходящую порой до фанатизма» [16, р. 282]. Однако главное ее преимущество, по сравнению с Елизаветой, по мнению Дадли, заключалось в том, что ее можно было выдать замуж за сына герцога Гилфорда и тем самым закрепить престол за своими наследниками [15, с. 184]. Лорд-протектор убедил Эдуарда под предлогом защиты интересов «истиной веры» подписать акт о престолонаследии, согласно которому Джейн

должна была стать королевой. Его старшие сестры были лишены прав на престол: Мария «как упорная еретичка», Елизавета как бастард.

После смерти Эдуарда 6 июля 1553 г. при дворе разгорелась борьба за престол. В результате придворных интриг Джейн согласилась стать королевой, но процарствовала лишь 9 дней. Это была «первая со времен некоронованной королевы XII в. Матильды» женщина, взошедшая на английский престол [15, с. 183]. После казни «королевы девяти дней», 19 июля на престол возшла Мария Тюдор. Стоит отметить, что, став королевой, она, когда это было необходимо, во многом полагалась на советников-мужчин, тем самым подтвердив подчиненное положение женщины, несмотря на статус королевы.

Мария I (1553–1558) унаследовала государство, находившееся в тяжелом экономическом положении. Таков был результат правления Генриха VIII и Эдуарда VI. «От отца и брата Эдуарда Марии досталось разоренное финансовое хозяйство страны и обесцененный английский фунт», – отмечал немецкий ученый Ф. Диц [17, р. 83]. Следует принять во внимание и сложную общеевропейскую экономическую обстановку, которая сложилась к середине XVI в. [12, с. 157]. Из Нового света в Европу стало поступать много золота и серебра. Тогда же был открыт процесс амальгамирования, который снизил производственные затраты на добычу драгоценных металлов. За полвека производство серебра возросло в 60 раз [18, с. 82], что вызвало рост цен к концу века в 2,5–4 раза [17, р. 84].

В период правления Марии Тюдор произошли изменения во внутренней и внешней политике Англии. Симпатии Марии к Испании были хорошо известны. Неудивительно, что в период ее правления произошло сближение Англии с Габсбургами, которое привело к образованию англо-испанского союза. Во многом опора на Испанию позволила королеве развернуть репрессивную машину против врагов истинной веры. Кроме того, у Англии и Испании имелся общий враг – Франция, и этот союз давал надежды на присоединение Туманного Альбиона к коалиции против династии Валуа. Англия при Марии Тюдор включилась в борьбу с Парижем, используя свой флот для защиты североатлантических коммуникаций.

Также перед Марией стояла задача найти выход из серьезного финансового кризиса: «Огромные долги требовали погашения. И королева поручила купцу Томасу Грешему получить ссуду у флорентийских банкиров. Задача была сложной, поскольку английская чеканка была ослаблена финансовой реформой Генриха VIII, из-за чего произошла девальвация фунта» [4, с. 35]. В результате Томасу Грешему удалось все же с большим трудом получить 60 тыс. флоринов у банкира Яспара Шетца [5, с. 89].

Сразу после восшествия на престол Мария I стала проводить политику рекатолизации страны [19, с. 21]. Королева планировала восстановить католические обряды и отношения с римским папой «при условии, что доходы церкви останутся в руках короны, и тех, кому она их раздала...» [20, р. 73]. В Прокламации от 15 августа 1553 г. королева объявила населению, что она и «отныне будет придерживаться своей религии», однако она не намерена своих подданных «принуждать исповедовать ее религию, пока по этому вопросу не будет принято решение» [4, с. 37]. Однако королева не сдержала своего обещания: в Англии начались жестокие гонения на протестантских священнослужителей. За ее пятилетнее царствование на костре было сожжено около 300 протестантов [21, р. 266], а для расправы с радикальными епископами – Кранмером, Латимером и Ридли – Мария использовала право королевской супрематии [22, с. 46].

В последние десятилетия истории доказали, что протестантизм в Англии так и не достиг господства в религиозной жизни страны. И обвинять Марию в том, что она кардинально изменила конфессиональную политику государства, нельзя [23, р. 146].

Будучи королевой, Мария оставалась в сложном положении: католическая фракция, которая привела ее к власти, требовала кардинальных реформ. Однако представители нового дворянства выступали против каких-либо изменений в отношениях с Римом, так как это ухудшало их экономическое положение. В булле 1554 г. Папа Юлий III отметил: «Даровать всеобщее прощение всем владельцам монастырских земель за то, что произошло, но, не гарантируя его на будущее, за исключением тех, за кого будет ходатайствовать королева и кто его заслужит» [19, с. 21]. Англичане были очень недовольны такой формулировкой, поскольку она затрагивала не только их экономические, но и политические интересы: папе представлялась возможность решать вопросы, которые в Англии считались компетенцией светской власти [24, р. 429–430].

25 июля 1554 г. Мария вышла замуж за Филиппа, сына Карла V. Тем самым она надеялась заручиться поддержкой императора, а также продемонстрировать необратимость католического возрождения в Англии. Супруг был на 11 лет моложе ее. Современники так описывали Филиппа: «Несмотря на невысокий рост, у него была хорошая осанка. Глаза у него были большие и немного печальные, лицо имело несколько скупающее выражение» [25, р. 767]. Можно сказать, что вопрос о замужестве королева решила в традиционном духе. Мария Тюдор выбирала между ролью самовластной государыни и ролью жены. Ведь само решение выйти замуж означало, что ее власть будет ограничена супругом, но перед заключением брака, по настоянию палаты общин парламента, был заключен брачный договор,

согласно которому Филипп не имел права вмешиваться в управление государством (был принцем-консортом), а дети от этого брака становились наследниками английского трона. В случае же смерти королевы Филипп должен был вернуться в Испанию.

Тем не менее с момента заключения брака Мария начала уступать мужу королевскую власть. Например, государственные документы подписывались как «Филипп и Мария». Население Англии было настроено против нового короля. Помимо того, что он был католиком, он казался англичанам напыщенным и надменным, а его свита вела себя вызывающе, так что на улицах Лондона часто происходили кровавые стычки между англичанами и испанцами [4, с. 40].

Недовольство этим браком вызвало восстания в Кенте и Корнуолле. Существует версия, что «целью восстания было свержение Марии и передача короны Елизавете» [19, с. 22]. В результате младшая сестра королевы была заключена на некоторое время в Тауэр. Сохранились письма Елизаветы, в которых она настаивала на своей невиновности и просила сестру сжалиться над ней. Однако Мария, наученная горьким опытом, не поверила этим слезным мольбам [11, р. 264].

Несмотря на то, что в брачном договоре был прописан пункт о том, что «королевство Англия не будет оказывать помощь императору или принцу в войне против Франции» [20, р. 80–81], Англия поддержала Испанию в войне. «Королева дала указание собрать ополченцев, взяла дополнительные займы – 150 тысяч дукатов, которые отправила мужу вместе с обещанием военной поддержки с моря» [4, с. 39]. В результате в 1557 г. Англия потеряла последнее владение на территории Франции – порт Кале. Это произошло по причине склонности Марии играть в политике и в жизни традиционные, предписанные женщине роли – подчинения мужчине. Важно подчеркнуть, что изменение внешнеполитического курса англичан действительно было, связано главным образом с давлением Габсбургов на Лондон.

Тот факт, что Филипп назвал себя «королем Англии» в Вокельском договоре 1556 г., несмотря на условия брачного договора, является показательным, поскольку указывает на то, что в определенный момент он решил начать использовать свою роль английского государя как на словах, так и на практике [26, р. 693]. Действительно, при Филиппе Государственный совет, созданный в 1555 г., состоял из Стивена Гардинера, Томаса Тирлби, епископа Эли; Уильяма Пэджета, первого барона Пэджета; Генри Фицзала, графа Арундела; Уильяма Герберта, графа Пембрука; Уильяма Паулета, маркиза Винчестера; Уильяма Петре, Роберта Рочестера и Реджинальда Поула. Они должны были заниматься повседневными делами, которые не входили

в компетенцию Марии (ими занимался супруг), и Филипп намеревался таким образом оставаться в курсе политической ситуации в королевстве [27, р. 601]. Таким образом, Габсбурги планировали постепенно вовлекать страну в свою внешнеполитическую стратегию.

В это же время королева подумала, что ждет ребенка. Королевский Совет назначил Филиппа возможным регентом при малолетнем принце, если Мария умрет во время родов. Позже выяснилось, что у Марии была «ложная беременность». Кроме того, придворные лекари нашли у нее признаки начинавшейся тяжелой болезни. Перед смертью Мария официально назначила своей преемницей Елизавету [12, с. 159]. 17 ноября 1558 г. королева скончалась.

История жизни королевы Марии – это история испытаний и борьбы женщины, которой пришлось нести на своих плечах тяжелое бремя государственной власти. Она вступила в брак в 38 лет, когда ждать рождения наследника было практически бессмысленно. Мария была надеждой для всех католиков Англии и стала ненавистной королевой, получившей в английской историографии прозвище «Кровавая».

Политическая деятельность Марии Тюдор пока не получила объективной и всесторонней оценки. По мнению современных историков, для Англии, находившейся в тяжелой экономической ситуации, союз с Испанией – самой сильной и богатой страной в Европе – на тот момент был единственным выходом [4, с. 41]. Правление Марии длилось совсем недолго, чтобы она могла успеть завершить все задуманное [28, с. 208]. Однако рассматривая ее финансовую политику, можем сделать вывод, что она действовала в интересах своего народа и продолжала курс своего деда Генриха VII.

Царствование Марии Тюдор было неоднозначным. С одной стороны, Мария сыграла важную роль в истории Англии. Нахождение ее на троне помогло жителям Англии свыкнуться с мыслью о женском правлении. Несмотря на недолгий период пребывания на троне, она заложила основы реформ, осуществленных в будущем иными правителями. С другой стороны, проведя большую часть жизни в борьбе, Мария привыкла к насильственным методам управления. Вера в свое божественное предназначение в деле укрепления католической церкви также оказала влияние на характер ее власти. Многие решения, которые сегодня оцениваются негативно, Мария Тюдор принимала не только исходя из своих собственных убеждений, но и под влиянием своего испанского супруга, поскольку сам факт подчинения мужчине был основой ее воспитания.

Список литературы

1. Зорин С. В. Гендерный аспект организации управления // Вестник Российской гостиничной ассоциации. 2016. № 11. С. 69–74.
2. Репина Л. П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 123–137. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/720/053/1218/013> (дата обращения: 20.06.2021).
3. Ерохин В. Н. Английское католическое сообщество в XVI – первой половине XVII века в современной британской историографии. Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2012. 341 с.
4. Соусова Ю. И. Финансовая политика Марии Тюдор (1553–1558 гг.) // Преподаватель XXI век. 2013. № 2. С. 34–41.
5. Эрикссон К. Мария Кровавая. М. : АСТ, 2001. 637 с.
6. Девятова Е. Ю. Британская историография второй половины XX века: о секуляризации в Англии в правление Генриха VIII // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 186–191.
7. Milton W. The Lady Mary: A biography of Mary Tudor (1516–1558). New York : Charles Scribner's Sons, 1972. 224 p.
8. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII: in 14 vols. London : Her Majesty's Stationery Office, 1862. Vol. 1. 2063 p.
9. Жорин А. В. Политическое противостояние Генриха VIII и Франциска I // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 3 (13). С. 44–52.
10. Соколов В. А. Реформация в Англии: Генрих VIII и Эдуард VI. М. : Типография Снегирева, 1881. 543 с.
11. Stone J. M. The history of Mary I Queen of England. London : Sands & Co, 1901. 545 p.
12. Соусова Ю. И. Английская королева Мария Тюдор // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 152–160.
13. Девятова Е. Ю. Начальный этап Английской реформации в трактовке историков-ревизионистов // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 50–52.
14. Tudor Royal Proclamations. The Early Tudors (1485–1553): in 3 vols. London : Yale University Press, 1964. Vol. 1. URL: <https://archive.org/details/tudorroyalprocla0000unse/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 28.11.2021).
15. Петросян А. А. Девятидневная правительница Англии // Знание – сила. 1995. № 10. С. 183–189.
16. Original Letters relative to the English Reformation (1531–1558) : in 2 vols. Cambridge : The University Press, 1846. Vol. 1. 416 p.
17. Dietz F. H. Finances of Edward VI and Mary. London : Department of History of Smith College, 1918. 135 p.
18. Царева Ю. И. Торговое право в средневековой Англии // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 2. С. 76–84.
19. Третьякова М. В. К вопросу о дипломатической миссии венецианского посла Джакомо Соранцо в Англии в 1551–1554 годах // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. 2014. № 2. С. 16–28.
20. Relazione d' Inghilterra di Giacomo Soranzo, tornato ambasciatore da quella corte il 19 agosto 1554 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I : in 3 vols. Vol. 3. Firenze : Società editrice fiorentina, 1853. 88 p.
21. Bull of Pope Julius III, given to Cardinal Paul on June 28, 1554 for the liberation of England from Schism // The Harleian miscellany or, a collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts : in 8 vols. London : Printed for T. Osborne, 1746. Vol. 7. 632 p.
22. Метлицкая З. Ю. Газаль А. Священное писание и королевская супрематия в Тюдоровской Англии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2016. Сер. 5. С. 44–49.
23. The Reformation in England. To the accession of Elizabeth / ed. by A. G. Dickens. London : Edward Arnold, 1967. 180 p.
24. A copy of the royal proclamation on the expulsion of preachers and foreigners from the kingdom (March 1554) // Foxe J. Acts and Monuments: in 8 vols. London : Publ. by R. B. Seeley and W. Burnside, 1837. Vol. 6. P. 429–430.
25. Medvei V. C. The illness and death of Mary Tudor // Journal of the Royal Society of Medicine. 1987. Vol. 80. P. 766–770.
26. Vermeir R., Vincenzo De Meulenaere. To bring good agreement and concord to christendom. The conference of Marck (1555) and English neutrality, 1553–1557 // Revue du nord. 2013. № 95. P. 681–698.
27. Redworth G. Matters Impertinent to Women: Male and Female Monarchy under Philip and Mary // The English Historical Review. 1997. Vol 112. P 597–613.
28. Серегина А. Ю. Лондон и реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603). М. : Евразия, 2020. 320 с.

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 38–44

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 38–44

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-38-44>, EDN: QIRFEP

Научная статья

УДК 355.48(4)|1690|:930.2(410+417)

Битва на реке Бойн 1690 г. (по материалам английских, шотландских и ирландских источников)

К. Н. Станков

Институт Российской истории РАН, Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Станков Кирилл Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, stankov11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5056-225X>, Author ID: 745052

Аннотация. Статья посвящена битве на р. Бойн (1 июля 1690 г.) – одному из самых крупных сражений Войны Аугсбургской лиги и самой масштабной битвы в истории Ирландии. Конфликт был вызван столкновением двух венценосных соперников – низложенного во время «Славной революции» 1688–1689 гг. с британского престола Якова II Стюарта и захватившего британскую корону статхаудера Нидерландов принца Оранского, провозгласившего себя королем Британии Вильгельмом III. Автор статьи стремился привлечь материалы обеих противоборствующих сторон, а также тех современников, которые заняли нейтральную позицию. На основании этих источников исследованы соотношения сил якобитов и оранжистов, их предварительная подготовка к генеральному сражению и его планирование, наконец, сам ход битвы и ее итоги.

Ключевые слова: битва на р. Бойн, Яков II Стюарт, Вильгельм III Оранский, якобиты, оранжисты (вильямиты), Война Аугсбургской лиги, герцог Тирконнел, маршал Шомберг, Голубая гвардия, Датская бригада, Голубой полк, деревня Олдбридж

Для цитирования: Станков К. Н. Битва на реке Бойн 1690 г. (по материалам английских, шотландских и ирландских источников) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 38–44. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-38-44>, EDN: QIRFEP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Battle on the River Boyne in 1690 (based on the English, the Scottish and the Irish Sources)

K. N. Stankov

The Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulianov St., Moscow 117292, Russia

Kirill N. Stankov, stankov11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5056-225X>, Author ID: 745052

Abstract. The article is devoted to the battle on the river Boyne (July 1, 1690) – one of the largest battles of the War of the League of Augsburg and the largest battle in the history of Ireland. The conflict was caused by a clash between two crowned rivals – James II Stuart, who was overthrown during the “Glorious Revolution” of 1688–1689 in England, and Prince of Orange – statholder of the Netherlands, who seized the British throne and proclaimed himself King William III of Britain. The author of the article sought to draw on materials from both opposing sides, as well as those contemporaries who took a neutral position. On the basis of these sources the ratio of forces of the Jacobites and the Orangists, their preliminary preparation for the general battle and its planning, and finally, the course of the battle itself and its results are studied.

Keywords: battle on the river Boyne, James II Stuart, William III Orange, Jacobites, Orangists (Williamites), the War of the League of Augsburg, Duke of Tyrconnel, Marshal Shomberg, the Blue Guard, the Dane Brigade, the Blue Regiment, the Oldbridge village

For citation: Stankov K. N. The Battle on the River Boyne in 1690 (based on the English, the Scottish and the Irish Sources). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 38–44 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-38-44>, EDN: QIRFEP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Зарубежной военной историей XVII в. российские исследователи занимаются достаточно давно. Однако в советский период превалировал интерес преимущественно к битвам первой половины этого бурного столетия: событиям Тридцатилетней войны, войнам Оливера Кромвеля и в целом кампаниям периода Пуританской

революции в Англии и т. д. Лишь в последние годы намечается интерес российских исследователей к военной истории второй половины XVII в. Между тем именно этот период в развитии европейской цивилизации стал без преувеличения переломным. В XVII столетии завершилась европейская Военная революция. В Западной Европе

смесь из наемников и ополчения заменили постоянные регулярные армии. Завершилось зародившееся несколькими столетиями ранее торжество пехоты над кавалерией и огнестрельного оружия над холодным. Окончательно выделилась в самостоятельный род войск артиллерия.

Наиболее яркой страницей военной истории второй половины XVII в. стали войны французского короля Людовика XIV Великого (1654–1715). Поскольку к 1680-м годам против «Короля-солнца» в Аугсбургскую лигу объединились почти все крупные и влиятельные государства Запада, Бурбон использовал любые возможности, чтобы укрепить свое положение на континенте. Во время «Славной революции» 1688–1689 гг. в Британии был свергнут его единственный союзник – король Яков II Стюарт (1685–1688), и британский престол занял главный вдохновитель Аугсбургской лиги – статхаудер Республики Соединенных провинций Нидерландов принц Вильгельм Оранский (1688–1702). В результате положение Людовика XIV на европейском театре военных действий крайне ухудшилось и он был вынужден поддержать на Британских островах движение якобитов, преследовавших своей целью реставрацию Якова II вооруженным путем. На этом этапе борьбы центром противостояния сторонников и противников низложенного Стюарта стала Ирландия – остров, где у Якова II оставались наиболее прочные позиции.

Здесь столкнулись два короля, претендовавшие на корону всей Британии: Яков II Стюарт и Вильгельм III Оранский, к тому времени провозглашенный законным монархом в Англии и Шотландии. С обеих сторон участвовали регулярные армии и опытные военачальники. С вмешательством в события на «Изумрудном острове» Людовика XIV, поддержавшего Якова II и его сторонников-якобитов, этот конфликт перестал быть локальным, и Ирландия превратилась в один из театров военных действий знаменитой Войны Аугсбургской лиги. В помощь низложенному Стюарту были направлены деньги, боеприпасы, но главное – целые полки французских солдат и военные специалисты. Таким образом Людовик XIV пытался отвлечь силы Вильгельма III от баталий на континенте, где французский король столкнулся и без того с многочисленными противниками.

Самым крупным сражением этой войны на «Изумрудном острове» стала битва на р. Бойн 1 июля 1690 г. Именно она решила исход противостояния двух королев. Без преувеличения ее можно назвать битвой народов. На обеих сторонах бились англичане, шотландцы, французы, немцы и ирландцы. Оранец привлек своих соотечественников-голландцев, которым доверял больше, чем беспокойным британцам, лишь недавно ставшим его подданными, а также норвежцев, датчан и поляков. Яков II имел в своем

распоряжении валлонов и швейцарцев, любезно предоставленных ему Людовиком XIV.

Об этом сражении до наших дней дошли многочисленные источники: делопроизводственные документы, корреспонденция, воспоминания. О нем упоминается даже в русских рукописных ведомостях – «Курантах».

Даная статья основана на английских, шотландских, ирландских и частично русских источниках. Большую ценность представляют правительственные документы первого английского кабинета Вильгельма III. В сборнике «Реестр государственных бумаг» (серии «Внутренняя политика») содержатся сведения о положении якобитских войск в Ирландии и о противодействии им оранжистов [1].

Огромный интерес вызывает переписка Вильгельма III со своими министрами в Англии и Шотландии. В частности, об этом сражении упоминается в письмах главы английского правительства в Лондоне – графа Дэнби, который в период Реставрации был в открытой оппозиции Якову II. Именно граф Дэнби был одним из так называемых «семи бессмертных» – семи английских политиков, подписавших летом 1688 г. письмо принцу Оранскому с просьбой вторгнуться в Англию и захватить престол его тестя – Якова II. Этот же аристократ держал в своих руках основные нити антиякобитского заговора и впоследствии принял самое активное участие в «Славной революции», за что был награжден Вильгельмом Оранским титулом маркиза Кэрмэртона (1689) и герцога Лидса (1694). В первом кабинете министров нового короля он занимал высокий пост лорда-президента Тайного совета Англии. В 1944 г. британский историк Э. Браунинг издал переписку графа Дэнби, содержащую важную информацию, в том числе и об интересующем нас сражении [2].

Не менее яркой фигурой среди британских оранжистов был шотландец Джордж Мелвилл – тоже убежденный противник Якова II. В 1683 г. он участвовал в заговоре «Дома ржаных колошей», целью которого, по некоторым данным, было убийство короля Карла II и его младшего брата Якова – тогда герцога Йорка. Спасаясь от преследований, Джон Мелвилл эмигрировал в Нидерланды, где примкнул к Вильгельму Оранскому. Мелвилл был активным участником «Славной революции» и сыграл ключевую роль в получении Оранцем шотландской короны в 1689 г. За заслуги перед новым королем он получил пост государственного секретаря Шотландии и титул графа Мелвилла. В сборнике его переписки с Вильгельмом III содержатся важные сведения о битве на р. Бойн [3].

Ценным источником служат воспоминания еще одного приближенного к Оранцу шотландца – епископа Гилберта Бэрнета, одного из самых активных противников Якова II еще со времен Реставрации. Антиякобитские взгляды в политике

и принадлежность к Низкой англиканской церкви, искавшей компромисса с пуританами, гарантировали ему благосклонный прием при дворе Вильгельма Оранского в Гааге. Гилберт Бэрнет отличился в ходе государственного переворота в Англии 1688–1689 гг. («Славная революция»), за что был награжден кафедрой англиканского епископа Солсбери. Его автобиография «История моего времени» является важным источником, в котором отразилась политическая борьба Якова II и Вильгельма Оранского [4].

Свидетельства о битве на р. Бойн и предшествующей военной обстановке содержатся в дневниках рядовых участников этой баталии: британского офицера армии оранжистов Томаса Беллингэма и шотландского капеллана вильямитов Рональда Дэвиса [5, 6].

В якобитских источниках также имеются любопытные сведения об этом сражении. Прежде всего стоит упомянуть мемуары одного из командиров ирландской армии – Джеймса Фицджерейса, герцога Бэрика. Он был незаконнорожденным сыном низложенного короля и приходился племянником Джону Черчиллю, в будущем – знаменитому герцогу Мальборо. Дядя и племянник, находясь в разных лагерях (после неудачной кампании в Ирландии герцог Бэрик поступил на службу во французскую армию), не раз скрещивали шпаги в европейских баталиях века Людовика Великого. Джеймс Фицджерейс был выдающимся военачальником и в зрелые годы стал, по имеющимся сведениям, единственным британцем, дослужившимся до чина Маршала Франции. Он оставил любопытные воспоминания, интересные в том числе потому, что в ходе летней кампании 1690 г. в Ирландии занимал одно из главных мест в якобитском командовании [7].

Любопытные детали о первом якобитском восстании содержатся в переписке ирландского англиканского примаса Джона Брэмхолла [8].

Наконец, сохранилось анонимное произведение, принадлежащее неизвестному, но чрезвычайно осведомленному автору, описывающему события в Ирландии с 1685 по 1690 г. Этот дневник опубликован в сборнике документов видного ирландского аристократа – герцога Ормонда, однако вряд ли принадлежал ему самому. Диарист подробно описывает военную кампанию в Ирландии в интересующий нас период [9].

Нейтральную позицию в споре Стюарта и Оранца занял мемуарист-лондонец Нарцисс Латтрелл, заставший период «Славной революции» и последующих якобитских войн. Его записи о происходившем в далекой Ирландии скудны, но в то же время политически более нейтральны [10].

Даже в далекой Московии в рукописных ведомостях – «Курантах» сохранились сведения о битве на р. Бойн. Это позволяет утверждать, что уже с конца XVII в. в Московское государство

начала просачиваться информация о положении дел не только в соседних странах, но и на Британских островах [11].

* * *

С ранней весны 1690 г. вильямиты начали концентрировать на «Изумрудном острове» свои силы [11, л. 143]. В марте в Ольстере высадился семитысячный корпус наемников под командованием немецкого аристократа генерал-лейтенанта Фридриха Вильгельма, герцога Вюртемберга-Нойштадта. Эти солдаты были предоставлены Вильгельму III его союзником по Аугсбургской лиге королем Дании Христианом V. Прибытием Датской бригады незамедлительно воспользовалась якобитская пропаганда. Поскольку большая часть корпуса Вюртемберга состояла из выходцев из скандинавских стран, то якобиты заявили, что Вильгельм III подверг «Изумрудный остров» новому датскому завоеванию [12, р. 572]. В действительности бригада герцога Вюртемберга была многонациональной по своему составу. Среди прочих народов в ней были представлены и ирландцы [13, р. 223]. В конце марта в Ирландию прибыл генерал Майнхард, граф Шомберг – младший сын маршала Фридриха Хэрмана, герцога Шомберга. Граф привез с собой из Голландии мощную оружейную батарею, являвшуюся последним достижением артиллерийского дела в Европе [8, р. 314]. В мае 1690 г. в Ирландию к оранжистам прибыли новые подкрепления из англичан и голландцев. Тем временем, якобиты укрепляли свои главные города: Лимерик, Голуэй, Этлон, Корк и Кинсейл [8, р. 318].

При подготовке к новой кампании оранжистское руководство пыталось учесть все ошибки предшествующей, когда осенью 1689 г. армия вильямитов под командованием маршала Шомберга была остановлена якобитами и едва не была разбита [11, л. 142]. С амстердамскими еврейскими братьями Перэйра правительство Вильгельма III заключило контракт на поставку хлеба для его армии в Ирландии. В Килмейхэме был создан большой стационарный госпиталь для приема больных и раненых. Оранжистская армия была оснащена значительным количеством полевых госпиталей (как передвижных, так и небольших стационарных). Вдоль побережья Ирландского моря создавались военные склады. Армия была хорошо оснащена подводами и тягловыми животными, которые должны были обеспечить быструю переброску боеприпасов и продовольствия из прибрежных портов в глубь острова [14, р. 71–72].

С начала весны началось постепенное наступление армии Вильгельма III на территорию, контролируемую якобитами. В середине марта иррегулярные вильямитские части из ольстерских фермеров-протестантов, ненавидевших коренных ирландцев и «их католического короля»

Якова II, взяли г. Каван в северной части «Изумрудного острова» [8, р. 314]. Вильямитский морской командир Клаудзи Шовел весной 1690 г. совершил несколько смелых рейдов на порты, удерживаемые якобитами, в том числе 10 апреля на глазах у Якова II и всего столичного гарнизона угнал из дублинской гавани 12-пушечный фрегат – лучший корабль ирландского флота, который, кроме того, был наполнен ценным имуществом, конфискованным якобитскими властями у протестантов [9, р. 380–381]. В первой половине мая оранжистам удалось захватить последнюю крепость, удерживаемую якобитами в Ольстере – форт Карлемонт [15, р. 137–138].

Наконец, 11 июня 1690 г. в Каррикфергюсе высадился сам Вильгельм III с 15-тысячной армией [2, р. 163]. Оранец не доверял английской армии, в среде которой зимой – в начале весны 1689 г. несколько раз вспыхивали мятежи (в том числе в пользу Якова II). Принц Оранский больше всего полагался на своих земляков-голландцев, а также на так называемые «гугенотские полки» – военные части, сформированные из наемников – французских религиозных и политических диссидентов [16, р. 91]. По подсчетам ирландского историка П. Б. Эллиса, английские части даже вместе с добровольческими формированиями из ольстерских колонистов составляли не более одной трети армии, которую нидерландский статхаудер привел к берегам р. Бойн [17, р. 43]. Поскольку солдат для решительной кампании в Ирландии все равно не хватало, глава Аугсбургской Лиги вынужден был вербовать их в католических странах. Так, в его экспедиционной армии, отправившейся в Ирландию, было три полка полностью набранных из французов-католиков.

Ольстерские протестанты торжественно встретили своего единоверца Оранца и сформировали целый добровольческий корпус [15, р. 142]. 22 июня в Лоубриклэнде Вильгельм III провел смотр своей 36-тысячной армии [13, р. 224]. По мнению Дж. Миллера, глава Аугсбургской лиги специально перебросил в Ирландию армию, в несколько раз превосходившую вооруженные силы его оппонента, чтобы разгромить Якова II за время одной летней кампании, после чего вернуться к делам на европейском континенте [18, р. 231].

Яков II принял вызов. 16 июня 1690 г. якобитская армия выдвинулась из Дублина. Формально во главе армии стоял Ричард Толбот, герцог Тирконнел – ревностный католик и верный сторонник Стюартов, еще со времен Пуританской революции участвовавший в заговоре ирландских роялистов с целью организации покушения на О. Кромвеля. В 1680-е гг. Тирконнел помог Якову II укрепить королевскую власть в Ирландии, за что получил пост лорда-наместника «Изумрудного острова». Однако ко времени рассматриваемых событий Тирконнел был уже

стар, да и, будучи хорошим администратором, никогда не отличался талантами полководца. Поэтому фактически всеми боевыми действиями командовал сам Яков II. Помимо герцога Тирконнела, в якобитской армии был другой примечательный руководитель – Антуан де Комон, граф де Лозэн, блестящий французский аристократ, однако впавший в опалу Короля-Солнца и отправленный в Ирландию – подальше от интриг версальского двора. Талантами полководца он не отличался [19, р. 196–197].

С де Лозэном прибыли подкрепления для ирландских якобитов из Франции. Они состояли из 5 полков пехоты. Три из них были набраны из французов, которым Яков II мог доверять [8, р. 313–314, 316–317], один – из валлонов, а пятым являлся Голубой полк (не путать с голландской Голубой гвардией). Последний был в буквальном смысле «сколочен» из военнопленных немцев и швейцарцев, захваченных в боях Людовика XIV со своими противниками [15, р. 140; 19, р. 196]. Доверять им было сложно, поэтому они скорее ослабили, чем усилили якобитскую армию.

Герцог Тирконнел и граф де Лозэн советовали Якову II избежать генерального сражения, поражение в котором грозило обернуться полным крахом всего якобитского дела на «Изумрудном острове». Однако монарх не внял их советам [17, р. 4, 29; 18, р. 228, 231], и 1 июля 1690 г. на р. Бойн состоялось решающее сражение между двумя королями. Превосходство оранжистов было не только количественным (35 тыс. солдат принца Оранского против 25 тыс. якобитов), но и качественным. Оранец привел в Ирландию ветеранов ведшихся им прежде войн в Европе, прекрасно обученных и вооруженных. Между тем якобитские силы состояли в основном из новонабранных рекрутов, очень плохо вооруженных: в армии не хватало ружей, и большая часть солдат в качестве оружия использовала заточенные шести или устаревшие средневековые длинные ирландские ножи-скаканы [17, р. 30].

29 июня армия Якова II пересекла р. Бойн, на берегах которой Стюарт решил дать генеральное сражение. Примечательно, что оранжист – маршал Шомберг – еще задолго до высадки Вильгельма III в Ирландии предугадал, что Яков II местом для генерального сражения выберет р. Бойн [8, р. 324]. В тот же день войска низложенного Стюарта устроили походный лагерь у г. Дрогеда [7, р. 63]. 30 июня к реке прибыли войска Вильгельма III и разбили лагерь на северном берегу р. Бойн. Вильгельм III отложил общую атаку до следующего дня, поскольку этот считал неудачным – во время рекогносцировки он едва не был убит рикошетирующим ядром, выпущенным из ирландского орудия [4, р. 68–69; 7, р. 69; 3, р. 459].

В местности, выбранной двумя королями для генерального сражения, было только два мо-

ста через р. Бойн. Один находился в г. Дрогеда и охранялся сильным якобитским гарнизоном в 1,5 тыс. солдат под командованием лорда Эйваха. Несколькими милями вверх по течению в деревушке Слейн располагался второй мост, предусмотрительно уничтоженный ирландскими солдатами [17, р. 74]. Якобиты расположили свои главные силы на выступающем берегу реки, где она делала излучину у д. Олдбридж.

По мнению Якова II, многих офицеров его армии и даже самого Вильгельма III, место для оборонительного боя было выбрано удачно. Южный берег, где находились якобиты, значительно возвышался над северным, с которого предстояло вести атаку оранжистам [4, р. 68]. Осматривая якобитскую позицию днем 30 июня, нидерландский статхаудер пришел к выводу о том, что взять ее – «задание не только трудное, но даже невыполнимое» [цит. по: 17, р. 66]. Ирландские военные историки Х. Мэртаг и Дж. А. Хэйс-МакКой отмечают, что в расположении якобитской армии было два уязвимых места. Во-первых, д. Олдбридж находилась на берегу в районе поворота реки. В результате такого положения при фланговой или даже общей фронтальной атаке якобитские силы могли быть легко обойдены с флангов и окружены. Во-вторых, с тыла якобитов отрезала р. Нэнни, поэтому единственным путем отступления для них оставался узкий мост через реку, располагавшийся в д. Далик. Между тем, если бы оранжисты переправились вброд через Бойн в районе Роснари, находящегося недалеко от сломанного моста в д. Слейн, то они оказались бы ближе к д. Далик, чем Яков II на своей центральной позиции, и успели бы перерезать якобитам путь к отступлению. Именно эта опасность и спровоцировала ту панику среди якобитского командования в начале боя, которая привела к принятию Яковом II и графом де Лозэнном неверного тактического решения, стоившего всего боя [13, р. 225–226; 14, р. 73].

Вечером 30 июня в цистерианском обществе Меллифонт состоялся военный совет оранжистской армии. На нем два главных командира Вильгельма III выступили с противоречащими друг другу планами. Маршал Шомберг предлагал устроить диверсию в центре расположения сил якобитов, для чего небольшими силами пересечь р. Бойн в районе д. Олдбридж, в то время как главная атака будет произведена на левый фланг и тыл якобитской армии. Ядром атакующих сил стала Голубая гвардия – самое боеспособное соединение нидерландской армии, которое Вильгельм Оранский перебросил на «Изумрудный остров». Командир Голубой гвардии граф де Сольмс настаивал на более простом плане – фронтальной атаке якобитского центра. С тактической точки зрения, план герцога Шомберга был лучше и его поддержало большинство английских офицеров, в том числе главный казначей армии Томас Конингсби, однако из-за своей

прошлого неудачи в войне с якобитами 75-летний маршал полностью утратил доверие своего короля. Вильгельм III пренебрег его советом и предложил компромиссный вариант: главная атака будет произведена на Олдбридж, а диверсия организована на фланге одной третьей армии под командованием сына маршала Шомберга генерала Майнхарда, графа Шомберга, и шотландского генерал-лейтенанта Дугласа [14, р. 73–75; 17, р. 67–69].

Главная идея плана Вильгельма III заключалась в том, чтобы, смяв левый фланг ирландской армии, Майнхард Шомберг зашел ей в тыл и отрезал от единственного пути отступления – моста в д. Далик. Между тем численно превосходящие противника главные силы оранжистов должны были отбросить якобитов с их позиций на юг – прямо в руки солдат Майнхарда Шомберга и Дугласа. Таким образом, войско Якова II оказалось бы зажатым в тиски и уничтоженным [17, р. 69].

Тем же вечером в д. Олдбридж состоялся военный совет якобитов. Яков II почти полностью раскрыл тактический замысел своего противника. Он предположил, что главное наступление будет вестись на центр якобитских позиций, в то время как любая фланговая атака, если она последует, будет не более чем диверсия. На совете генерал Ричард Хэмилтон указал королю на опасность, которую таят в себе броды вниз по течению реки в районе Роснари, в связи с чем здесь было решено выставить пикет из 500 драгун полковника Нила О'Нила. Последнему был отдан приказ стоять, пока он вместе со своими солдатами «не будет изрублен на куски» [17, р. 74–75, 79].

Ранним утром 1 июля 1690 г. силы оранжистов, составлявшие их правый фланг, под командованием Майнхарда Шомберга и генерала Дугласа (7 тыс. солдат) форсировали р. Бойн в районе Роснари. Этот отряд разгромил прикрывавшие здесь брод силы якобитов и закрепился на южном (якобитском) берегу реки. Однако оранжисты не смогли выполнить свою главную задачу: отрезать силы Якова II от моста в д. Далик. Хотя дивизии Шомберга и Дугласа были даны проводники из ольстерских колонистов, оранжисты заблудились и увязли в болоте [5, р. 130; 6, р. 123].

Тем временем в лагере якобитов узнали о том, что Вильгельм III начал боевые действия на своем правом фланге [7, р. 63]. В итоге, решив, что основное сражение будет проходить именно здесь, Яков II направил основные силы своей армии в этот район, а охранять д. Олдбридж по его приказу остались только 8 батальонов [7, р. 63–64].

Принц Оранский, убедившись, что его венценосный тесть угодил в искусно подстроенную ему ловушку, бросил против Олдбриджа свои основные силы [4, р. 69; 5, р. 130]. Первую атаку

на позиции якобитов в районе бродов у Олдбриджа возглавила нидерландская Голубая гвардия [3, р. 460]. Это была элитная часть войска Оранца. Ее солдаты были оснащены не только огнестрельным, но и холодным оружием, и в состав войска входило несколько рот гренадеров, вооруженных ручными гранатами [6, р. 123–124].

Якобитские силы, сопротивлявшиеся натиску отборных войск оранжистов на этом отрезке, возглавили герцог Тирконнел, генерал-лейтенант Ричард Хэмилтон и герцог Бэрик [7, р. 63–64]. Сторонники Якова II сражались мужественно, но силы их были неравны: 5,5 тыс. (в основном новобранцев) против 15 тыс. ветеранов принца Оранского. Однако все же якобитам удалось отбить все атаки, и Вильгельм III был вынужден подвести подкрепления [3, р. 460; 6, р. 124].

Сражение за Олдбридж было столь яростным, что, несмотря на все свои наскоки, оранжистам так и не удалось выбить якобитов из этой деревни, и за час до полудня Вильгельм III бросил в бой свой последний элитный резерв из пехотных частей – бригаду из датских наемников [3, р. 460]. Как и Голубая гвардия, Датская бригада являлась ударной частью оранжистской армии. Каждый ее солдат был вооружен мушкетом, шпагой, байонетом, а каждый полк имел несколько гренадерских рот. Таким образом, датчане могли успешно действовать как против вражеской пехоты, так и против кавалерии.

Лучшие силы пехоты Якова II в Олдбридже к этому времени были уже перебиты, а несколько новых полков, едва завидев стройные ряды наступавших на них через р. Бойн датчан, побросали оружие и бросились бежать. Тогда Тирконнел и Берик бросили против оранжистов остатки своей кавалерии. В результате французские полки, состоявшие из гугенотов и сражавшиеся за Вильгельма III, понесли тяжелые потери, а некоторые другие части оранжистов были загнаны обратно в реку [3, р. 460; 5, р. 131].

Бой превратился в сплошную сумятицу, усиливавшуюся из-за того, что в схватке было почти невозможно различить врагов и своих, поскольку большинство полков и эскадронов и с той и с другой стороны были одеты в красную форму. В толчее боя отличительные значки, которыми для якобитов являлись куски бумаги на шляпах, а для солдат Вильгельма III – зеленые ветки, легко терялись. Так, фермеры из Эннискиллена, вступившие в оранжистскую армию, во время боя атаковали «гугенотский» кавалерийский полк, а затем едва не застрелили Вильгельма III, а датская кавалерия Монтса Мельхойра фон Данопа приняла ольстерских колонистов за якобитов и чуть не перебила своих [14, р. 77–78; 17, р. 107].

Дабы внести решающий перелом в ход сражения, принц Оранский направил против окопавшихся в Олдбридже сил якобитов всю свою кавалерию. Передовой отряд вел один из старых полководцев принца Оранского – Годерт Адриан

ван Рид, барон де Гинкель, а главные силы – сам король [3, р. 461; 6, р. 124]. Вильгельм III вступил в бой в полном монаршем облачении с лентой Ордена Подвязки. Согласно воспоминаниям одного из участников сражения костюм английского короля был столь громоздким, что он не мог достать шпагу из ножен. В своем монаршем облачении Вильгельм III стал явной мишенью для якобитских стрелков, что едва не стоило ему жизни. Убранство короля буквально изрешетили пулями. Одной из них с его головы сбило шляпу, другая отбила каблук у сапога, третья ранила принца Оранского в руку, четвертая убила под ним лошадь.

С вступлением в бой кавалерии Вильгельма III исход битвы был предрешен. «Желтые драгуны» якобитского лорда Донгана и остатки кавалерии под командованием Доминика Шелдона дважды опрокидывали английскую и голландскую конницу барона де Гинкеля, но вскоре вынуждены были ретироваться [4, р. 69; 5, р. 131]. Вслед за своей кавалерией бежала вся якобитская пехота [17, р. 104–105].

Однако не обошлось и без исключений. Так, например, ирландские солдаты под командованием Ричарда Хэмилтона закрепились на церковном дворе в д. Дорон, где пытались дать последний бой, однако были быстро сбиты превосходящими силами противника. Яков II бежал с поля боя вместе со своей армией. Полагая дальнейшее сопротивление силам оранжистов бессмысленным, он покинул Ирландию, вновь найдя относительно теплый прием при дворе своего кузена Людовика XIV. Туда же устремилась и большая часть якобитской аристократии, сопровождавшая своего короля во время кампании в Ирландии. Рядовые участники движения остались предоставлены своей судьбе [9, р. 387].

Как это ни парадоксально, в состоявшемся сражении якобиты понесли сравнительно легкие потери: около тысячи человек убитыми и полтысячи пленными. По крайней мере, примерно такие цифры приводят участники битвы с обеих сторон [7, р. 68]. Данные Р. Дэвиса, Т. Беллингхэма и Н. Латтрелла, сообщавших, будто в бою на р. Бойн сторонники Якова II потеряли 3 тыс. убитыми, выглядят преувеличенными, что неудивительно, поскольку авторы первых двух дневников пользовались самыми свежими сведениями, полученными еще до окончания баталии, которые могли быть неточными, а Н. Латтрелл и вовсе находился в это время в Лондоне [5, р. 131; 6, р. 124; 10, р. 71].

Главным достижением принца Оранского, нанесшего якобитам тяжелое поражение, было то, что он стал хозяином большей части Ирландии, и ему почти сразу же сдалась столица этого королевства. Сторонники Якова II были вынуждены отступить в самую неблагоприятную по своим природно-климатическим условиям часть страны – западную провинцию Коннахт.

Их боевой дух упал окончательно. И Вильгельм III, и Яков II рассматривали завершение войны в Ирландии лишь как вопрос времени. В то же время победа оранжистов над якобитами не была окончательной. Вильгельму III так и не удалось уничтожить ирландскую армию, которая спустя полтора месяца оказала блестящее сопротивление на р. Шэннон [7, р. 69–71].

Таким образом, якобиты потерпели крупное поражение. Однако битва на р. Бойн явилась отнюдь не частным событием. Это было одно из крупнейших сражений на ирландской земле, сыгравшее решающую роль в развитии якобитского движения на Британских островах в целом. Ирландский якобитизм пошел на убыль, хотя и продолжал существовать на «Изумрудном острове» практически до конца XVIII в., но его центр переместился в Шотландию. С начала «Славной революции» и до июня 1689 г. от имени Якова II главную цитадель северной Британии – Эдинбургский замок – удерживал его ярый сторонник герцог Гордон. Одновременно в Северной и Центральной Шотландии якобитское восстание поднял другой приверженец низложенного короля – виконт Данди. Его поддержали как многие горские кланы, так и обитатели северо-восточных равнин. В битве при Килликранки (27 июля 1689 г.) якобиты в ходе яростной атаки наголову разгромили силы оранжистов, однако сам Данди был убит и дальнейшее наступление на юг его сторонников захлебнулось. Кроме того, битва на р. Бойн стала крупнейшим сражением Войны Аугсбургской лиги, во многом предрешившим ее исход в пользу союзников. Ирландский театр военных действий, хотя и отрывал часть военных сил и средств у Вильгельма Оранского, больше не сковывал его сухопутные силы в той степени, как это было ранее, и смог перенести тяжесть кампании на континентальные театры военных действий: во Фландрию, на Пиренейский полуостров и др.

Список литературы

1. Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of William III. 1 July – 31 December, 1695, and Addenda, 1689–1695 / ed. by W. J. Hardy. London : His Majesty's Stationary Office, 1908. 418 p.
2. Thomas Osborne, Earl of Danby and Duke of Leeds, 1632–1712 : in 2 vols. / ed. by A. Browning. Vol. 2 : Letters. Glasgow : Jackson, 1944. 530 p.
3. Leven and Melville Papers: Letters and State Papers Chiefly Addressed to George Earl of Melville, Secretary of

State for Scotland, 1689–1691 / Bannatyne Club. Edinburgh : Bannatyne Club, 1843. 668 p.

4. Burnet G. Bishop Burnet's History of His Own Time: From the Restoration of King Charles II to the Conclusion of the Treaty of Peace at Utrecht, in the Reign of Queen Anne : in 3 vols. / ed. by T. Burnet. London : A. Millar, 1753. Vol. 3. 484 p.
5. Bellingham T. Diary of Thomas Bellingham, An Officer under William III / ed. by A. Hewiston, A. R. Maddison. Preston : Geo. Toulmin & Sons, 1908. 161 p.
6. Davies R. Journal of the Very Rev. Rowland Davies, L. D. Dean of Ross (and aftermath Dean of Cork) from March 8, 1688–9, to September 29, 1690 / ed. by R. Caulfield. London : Camden Society, 1857. 188 p.
7. Fitzjames J. Memoirs of the Marshal Duke of Berwick. Written by himself : in 2 vols. London : T. Cadell, 1779. Vol. 1. 396 p.
8. The Rawdon Papers, consisting of Letters on Various Subjects, Literary, Political, and Ecclesiastical, to and from Dr. John Bramhall, Primate of Ireland / ed. by E. Berwick. London : Nichols & Sons, 1819. 430 p.
9. A Diary of Events in Ireland from 1685 to 1690 // Calendar of the Manuscripts of the Marquess of Ormonde. K. P. Preserved at Kilkenny Castle. New Series : in 8 vols. London : His Majesty's Stationary Office, 1920. Vol. 8. P. 343–388.
10. Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714: in 6 vols. Oxford : Oxford University Press, 1857. Vol. 2. 655 p.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 155 Иностранные ведомости (куранты) и газеты (иностранные и русские). Оп. 1. 1690 г. № 10 (ч. 1).
12. Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of William and Mary. 13 February, 1689 – April, 1690 / ed. by W. J. Hardy. London : Her Majesty's Stationary Office, 1895. 687 p.
13. Hayes-McCoy G. A. Irish Battles. London ; Harlow : Longman, 1969. 326 p.
14. Kings in Conflict: The Revolutionary War in Ireland and its Aftermath, 1689–1750 / ed. by W. A. Maguire. Belfast : Blackstaff Press, 1990. 203 p.
15. Simms J. G. Jacobite Ireland, 1685–91. London : Routledge & Kegan Paul ; Toronto : University of Toronto Press, 1969. 298 p.
16. Simms J. G. War and Politics in Ireland, 1649–1730. London ; Ronceverte : Hambledon Press, 1986. 335 p.
17. Ellis P. B. The Boyne Water: The Battle of Boyne, 1690. Belfast ; St. Paul : Blackstaff Press, 1989. 163 p.
18. Miller J. James II: a Study of Kingship. Hove : Wayland, 1978. 281 p.
19. Petrie C. The Great Tyrconnel: A Chapter in Anglo-Irish Relations. Cork : Mercier Press, 1972. 263 p.

Поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 08.09.2022; approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 45–52
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 45–52
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-45-52>, EDN: RRCCPQ

Научная статья
УДК 325.2-053.2(410)|18/19|

Эмиграция несовершеннолетних британцев в Канаду: причины переселения из Великобритании

О. В. Яблонская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, Россия, 607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Oyablonskii@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>, Author ID: 7940-5812

Аннотация. На материале источников изучаются обстоятельства эмиграции детей из Великобритании в XIX–XX вв. Доказывается, что переселение было связано с пауперизацией горожан в условиях индустриализации. В Канаде несовершеннолетние могли быть усыновлены или работать на фермах, прислужгой, получая содержание и заработную плату. Обязательным условием было обучение детей в школах. Детская эмиграция позволяла восполнить дефицит рабочей силы в Канаде, помочь в освоении британской периферии, укрепить связи метрополии и заокеанских владений. Эмиграция являлась также депортацией избыточного населения и несовершеннолетних преступников. Отсутствие должного надзора привело к жестокому обращению с детьми и эксплуатации. Формулируется вывод, согласно которому большинство британских несовершеннолетних мигрантов адаптировались в Канаде, получили возможность самореализоваться.

Ключевые слова: Великобритания, Канада, XIX–XX вв., колония, Империя, эмиграция несовершеннолетних, история детей, промышленная революция

Для цитирования: Яблонская О. В. Эмиграция несовершеннолетних британцев в Канаду: причины переселения из Великобритании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 45–52. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-45-52>, EDN: RRCCPQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Emigration of British minors to Canada: Reasons for resettlement from Great Britain

O. V. Yablonskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, 36 K. Marx St., Arzamas, N. Novgorod region 607220, Russia

Olga V. Yablonskaya, Oyablonskii@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>, Author ID: 7940-5812

Abstract. The article examines the circumstances of emigration of children from Great Britain in the XIX–XX centuries based on the material of the sources. It is proved that the resettlement was caused by the pauperization of the urban population in the conditions of industrialization. In Canada, minors could be adopted or work on farms, as servants, receiving maintenance and wages. The children had to go to school. It was a prerequisite. Children's emigration made it possible to fill the labor shortage in Canada, help in the development of the British periphery, strengthen the ties of the metropolis and overseas possessions. Emigration was also the deportation of an overweight population and juvenile delinquents. The lack of proper supervision has led to child abuse and exploitation. The author concludes, that the majority of British migrant children have adapted to Canada, have been given the opportunity to self-actualize.

Keywords: Great Britain, Canada, XIX–XX centuries, colony, empire, juvenile emigration, history of children, industrial revolution

For citation: Yablonskaya O. V. Emigration of British minors to Canada: Reasons for resettlement from Great Britain. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 45–52 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-45-52>, EDN: RRCCPQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Эмиграция для любого человека – стресс, связанный с потерей близких людей, родины и с необходимостью проходить сложный путь адаптации в чужой среде. Для детей, оказавшихся в незнакомом мире, без надежной поддержки родных – это еще и большая опасность. В 1618 г.

Виргинская компания в Америке, испытывая нехватку рабочей силы и желая увеличить свое британское население, обратилась в лондонский муниципалитет с просьбой прислать ей брошенных детей. Столичный совет откликнулся на просьбу, и в том же году сотня юных бро-

дьяг прибыла в Виргинию, став самыми первыми детьми-мигрантами, покинувшими Великобританию. Согласно парламентскому отчету около 150 тыс. детей были вывезены из страны в течение 350 лет [1]. Этот процесс закончился лишь в конце 1960-х гг. В основном дети вывозились в Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку и Канаду. Для многих маленьких мигрантов это стало настоящей трагедией. В ноябре 2009 г. К. Радд, австралийский премьер-министр, от имени правительства извинился за жестокое обращение с несовершеннолетними мигрантами в Австралии [2]. В феврале 2010 г. британский премьер-министр Г. Браун официально извинился за «постыдную» программу переселения детей [3]. Канадское правительство не принесло извинений, но еще 19 августа 2001 г. оно открыло историческую мемориальную доску у бывшего приюта в Стратфорде (Онтарио). 2010 год был объявлен здесь «Годом британского домашнего ребенка», а с 2011 г. 28 сентября является «Днем британского домашнего ребенка» [4].

О массовом вывозе детей из Великобритании и злоупотреблениях в отношении несовершеннолетних мигрантов стали писать только в конце XX в. В 1979 г. была издана книга канадского социального работника П. Харрисон «Домашние дети, их личные истории», в которой рассказано о судьбах отдельных детей-мигрантов, содержится выдержка их писем, с большим трудом собранные по всей Канаде [5]. Канадский историк Джой Парр, готовя диссертацию, собрала базу данных на многих «британских домашних детей», а в 1980 г. была выпущена книга «Трудящиеся дети: британские иммигранты-подмастерья в Канаде, 1869–1924» [6]. Затем последовала работа популярного в Канаде журналиста и телеведущего К. Багнелла «Маленькие иммигранты: сироты, приехавшие в Канаду» [7]. Сейчас появились сайты, на которых мигранты или их потомки могут поделиться информацией [8], архивы представляют родственникам данные, но далеко еще не все сведения доступны.

Основная миграционная волна приходится на период 1869–1939 гг., тогда в Канаду было вывезено более 100 тыс. несовершеннолетних жителей Ирландии, Шотландии и Англии. Чтобы решиться на такой шаг, как массовый вывоз детей в чужую страну, основания должны были быть весомыми и осуществлять это необходимо прежде всего в их интересах. Причины отправки британских детей в 1939 г. очевидны – опасения за их безопасность в условиях начавшейся Второй мировой войны. Однако в XIX в. у великой Британской империи подобных угроз не было. Так что же заставило самую могущественную страну решиться на такой шаг? Объяснения лежат, в первую очередь, в области социально-экономической.

Впечатляющие валовые показатели «мастерской мира» в эпоху промышленной революции

не привели к обогащению всех британцев, наоборот, во многом усугубили проблему бедности. В условиях индустриализации увеличивалось население городов. Так, например, количество жителей Лондона в 1800 г. составляло 1 млн, а в начале XX в. – уже 6,7 млн чел. Особенно большой прирост в столице наблюдался в 1850–1860 гг. – 2,7% за год [9]. Из-за картофельного голода в Ирландии (1845–1849 гг.) многие его жители переехали в города Англии и Шотландии. Большинство поселились в Ливерпуле, многие переехали в столицу. Мигранты пополняли ряды городских пауперов. К 1860 гг. ежегодный прирост британских нищих составлял 7% [10, р. 36].

Жилищный фонд низших классов в столице XIX в. все больше уплотнялся. «Новая улица с красивыми магазинами и благородными зданиями желательна для расширения торговли, как, например, Нью-Оксфорд-стрит, но тогда Дайотт-стрит должна исчезнуть, чтобы район мог быть улучшен», – писала Э. Г. Рэнъярд, английская миссионерка, работавшая среди столичных бедняков [11, р. 12]. Прокладывались транспортные магистрали, обслуживавшие центр Лондона, через бедные районы, где цены на землю были самыми дешевыми, в результате целые кварталы сносились, а жителей выгоняли: «Сначала необходимо избавиться от нескольких сотен или даже нескольких тысяч человек. Их выгоняют, обычно киркой и ломом, и никто не спрашивает, куда они идут... Тележки с мусором сворачивают на одну улицу, а грязные семьи – на другую... в какие-то дворы или разрушенные улицы, о которых отныне сообщается – хуже, чем они были раньше» [11, р. 9]. В итоге в процветающей английской столице, как сообщалось в «Таймс», трущобы стали представлять собой «кучи грязи и моральной мерзости, где все функции природы выполняются самым публичным и оскорбительным образом... Здесь роженицы, новорожденные дети, больные лихорадкой, умирающие и мертвые – все это ужасно перемешано; не говоря уже о случаях еще более крайнего унижения» [12]. В «лондонском дне» не встретишь «среды долговязых, желтоватых детей светлое личико или чистый передник. Среди них нет ни одного настоящего детского лица» [11, р. 9]. Другие мегаполисы – Ливерпуль, Бристоль Глазго, Манчестер, Бирмингем – оказались в аналогичной ситуации.

Отпрыски бедных родителей, вдов, инвалидов, безработных заполнили улицы и грязные канавы городов. Роберт Чемберс, судебный магистрат Лондона, в 1826 г. при обсуждении вопроса эмиграции из Соединенного Королевства сказал: «В Лондоне слишком много детей» [цит. по: 10, р. 29]. Поправки к закону о бедности 1834 г. лишили многих матерей-одиночек помощи. Разработчики не скрывали, что в их планы входило сдерживание рождения бастардов

ограничением выплат на них и послаблениями в отношении потенциальных отцов [13]. Но эти ограничения не смогли сдержать рождение детей в неполных семьях, и количество брошенных малышей увеличивалось. Кроме того, все более распространенным явлением была ранняя беременность девочек, оказавшихся без должного надзора. По словам известного защитника детей Энтони Эшли-Купера, графа Шефтсбери, выступавшего в парламенте в июне 1848 г., в метрополии и ее окрестностях насчитывалось около 30 тыс. беспризорных и безнадзорных детей [цит. по: 14, р. 237–238]. По подсчетам специалистов, каждый третий нищий с 1834 по 1908 г. был моложе 16 лет.

Условия жизни бедных семей были невыносимы. Когда Т. Дж. Барнардо, планировавший стать врачом-миссионером в Китае, приехал на стажировку в столичный Ист-Энд в 1866 г., он был так шокирован «армией отверженных мальчиков», что решил посвятить свою жизнь несчастным детям Британии, а не далекой восточной страны [цит. по: 15, р. 46]. Благотворительная организация Барнардо будет самой крупной в Канаде, за период 1882–1914 гг. она вывезла из Великобритании в Канаду более 20 тыс. детей [цит. по: 10, р. 40]. Большая часть эмигрантов Барнардо покинули родную страну по экономическим соображениям, а «моральные» составляли всего лишь 11% [6, р. 62].

Другой известный филантроп XIX в. – Энни Макферсон – начала свою деятельность в 1866 г., во время эпидемии холеры, охватившей весь Ист-Энд Лондона. Она узнала, что в этом бедном районе столицы четверо из пяти младенцев умирают, не дожив до 5 лет. А увидев осенью 1867 г. на одном из грязных чердаков Ист-Энда 30 маленьких девочек, мастеривших тонкими ручками спичечные коробки, она решила направить всю оставшуюся жизнь не на борьбу с бедностью в целом, а на облегчение страданий детей [7, р. 20–21].

Участь официально трудоустроенных была не лучше. Страшные условия работы детей вскрыл лорд Шефтсбери в парламентском докладе в 1842 г. В июле 1838 г. произошла авария на шахте Хускар в Силкстоуне (Южный Йоркшир) в результате которой погибли 26 детей: 11 девочек в возрасте от 8 до 16 лет и 15 мальчиков – от 7 до 16 лет [16]. Королева Виктория приказала изучить обстоятельства трагедии. Возглавил комиссию по расследованию условий труда рабочих в угольных шахтах лорд Эшли. В мае 1842 г. был опубликован иллюстрированный отчет работы комиссии. Выяснилось, что девочки и мальчики трудились в шахтах Англии, Уэльса, Шотландии с 5–6 летнего возраста, а в Южном Уэльсе и в Олдеме работали даже 4-летние малыши [14, р. 33–34]. Несовершеннолетним приходилось по 14–16 ч перетаскивать тяжелые грузы, продвигаясь на четвереньках по узким

проходам плохо вентилируемых шахт, при высокой температуре, таща сани, привязанные цепью к поясу, иногда обнаженными, зачастую в грязи и воде. Главная причина использования детского труда была очевидна лорду – желание владельцев сэкономить на реконструкции шахт и на детской зарплате. Многие тоннели были настолько узкими (20–28 дюймов), что взрослые мужчины не смогли бы в них разместиться [14, р. 35].

Детский труд эксплуатировался и мастерами. Особенно подобная практика была распространена в Стаффордшире, Йоркшире, Ланкашире и западе Шотландии. Детей нанимали в возрасте 8–9 лет и они находились в полной власти мастера до 21 года. У некоторых было по 5 учеников и подмастерьев, что позволяло им «самим бездельничать, живя за счет тяжелого труда этих несчастных созданий» [14, р. 50–52]. В том же 1842 г. появился второй доклад, он охватывал различные отрасли: текстиль, печать, производство табака и многое другое. В нем также показана суровая реальность трудящихся детей: долгие часы работы, изнурительная физическая нагрузка, отсутствие мер безопасности, опасный характер работ, увечья и смертельные случаи на предприятиях [17].

Попытки защитить детей, освободить их от тяжелого и опасного труда предпринимались и до 1842 г. В 1802 г. по инициативе Р. Пиля был принят «Закон о здоровье и нравственности подмастерьев» [18, р. 1–12]. В 1815 г. Р. Пиль при поддержке Р. Оуэна безуспешно боролся за запрет найма на работу детей младше 10 лет. В 1819 г. ему удалось добиться принятия «Закона о хлопчатобумажных фабриках» [19, р. 16–21], запрещающего труд в возрасте до 9 лет и ограничивавшего рабочий день для несовершеннолетних с 9 до 16 лет 12 ч. Фабричный закон 1833 г. устанавливал 12-часовой рабочий день для подростков от 14 до 18 лет, 8-часовой – детей от 9 до 13 лет. Кроме того, дети в возрасте от 9 до 13 лет должны были посещать школу не менее 2 ч в день [18, р. 12–48]. Однако средства обеспечения соблюдения такого законодательства были не совершенны. Шефтсбери в начале своего доклада признал, что он поднимает известную проблему – «порок не нов – опасность не нова», но указывает, что она серьезно усугубилась и «скоро достигнет таких огромных масштабов, что будет непреодолима никакими усилиями» [14, р. 32]. После отчета лорда Эшли появился «Закон о шахтах», запрещающий женщинам любого возраста работать под землей, а мальчиков разрешалось нанимать только с 10 лет. В 1844 г. был принят новый фабричный закон, ограничивавший труд несовершеннолетних и обязывавший посещение ими школ [18, р. 48–152]. В последующем фабричном законодательстве продолжают регламентацию детского труда, но фабриканты и владельцы шахт

находили способы обходить правовые ограничения, а бедные родители, чтобы прокормить семью, вынуждены были отправлять своих дочерей и сыновей на тяжелые и опасные заработки.

В условиях нищеты, когда «инстинкт порядочности и приличия подавлен» [12], происходила нравственная деградация людей. Миссионер Дадли, исследовавший трущобы Сент-Джайлса Лондона в 1855 г., пришел к выводу, что две трети бедности, преступности и болезней, которые попали в поле его зрения, были порождены невоздержанностью [11, р. 11]. Пьянство было самым распространенным пороком. Родители отправляли своих детей на улицы просить милостыню, некоторых намеренно калечили, чтобы они могли больше заработать на жалости прохожих, других обучали обыскивать карманы или грабить дома [20, р. 5]. Эти заработки родители зачастую пропивали. Что еще хуже, дети употребляли крепкие напитки. Распространявшийся в стране алкоголизм как страшную эпидемию на страницах популярных изданий изображал известный карикатурист, иллюстратор произведений Ч. Диккенса Дж. Крукшенк [21, 22]. «Эта несчастная, заброшенная, голодающая, попрошайничающая, ворующая, малолетняя часть населения, многие из которых сироты, доведены до этого ужасного состояния нищеты почти полностью из-за употребления опьяняющих напитков их родителями», – утверждал художник [23, р. 9]. В докладе Шефтсбери также указывалось, что дети и женщины работают иногда по вине пьющих отцов и мужей: «Многие шахтеры заработают немного денег, а потом проводят время в выпивке, петушиных боях и азартных играх, пока заработки не иссякнут... Они забирают с собой в ямы своих жен и детей и предъявляют жесткие требования к женскому и детскому труду, в которых не было бы никакой необходимости, если бы они были преданы своей работе и соблюдали приличия в своих привычках» [14, р. 49].

Лорд Эшли, помимо ювенального законодательства в сфере труда, всегда настаивал на необходимости обучения детей пауперов, надеясь таким образом избавить нежные создания от порочных привычек. Однако система образования не справлялась, школы бедняков своим контингентом больше напоминали притоны. Выступая перед парламентом в 1848 г. он указывал, что из обследованных им «Школ оборванцев» (Raged Schools), президентом которых лорд был с 1844 г., посещала их лишь половина детей из списка. Опрос тех, кто приходил учиться, производил удручающее впечатление: каждый десятый был в тюрьме, некоторые не один раз; каждый четырнадцатый сбежал из дома; каждый девятый был в ночлежке – «вместилище всякой мерзости»; каждый шестой занимался попрошайничеством; каждый седьмой никогда не спал в кровати; многие не имели необходимой

одежды, белья, обуви; каждый пятый потерял хотя бы одного из родителей, а имевшие родителей вряд ли могли рассчитывать на их помощь по причине бедности, необразованности и криминальных наклонностей [14, р. 228]. Учителям, чтобы справиться с таким контингентом учеников, приходилось прибегать к помощи полиции [14, р. 237–238]. Как жили и чем занимались те, кто не ходил в школы, остается только догадываться. Работные дома, об ужасах которых писал Диккенс, проблему тоже не решали.

Расходы государства на оказание помощи бедным все увеличивались. Предложение избавить страну от больших трат на содержание безнадзорных и беспризорных детей, помочь им устроить счастливую жизнь вне нищих гетто британских городов прозвучало в «Таймс» в марте 1869 г. М. С. Рай, известная уже к тому времени своими эмиграционными кампаниями для женщин, предложила вывозить детей пауперов и сирот в Канаду [24], где их могли трудоустроить на фермы или усыновить (удочерить) [25]. Читателей она пыталась убедить примером американца Ван Метера, который собрал осиротевших из-за войны мальчиков и девочек Нью-Йорка и расселил их в благочестивых семьях западной Америки. Таким образом, пишет М. Рай, он спас 2000 чел., и она хочет последовать его примеру [24]. Через газету была проведена кампания по сбору средств. Многие поддержали вывоз детей [26–28]. Попечительский совет подсчитал, что эмиграция обходилась в сумму, эквивалентную годовому содержанию в приходском работном доме, так что ребенок, отправленный за границу в 7 лет, сэкономил приходу 6 лет содержания [10, р. 36].

«Отверженные» мальчики и девочки не только подвергались опасности, они сами были угрозой. Тысячи безнадзорных детей воровали, курили, пили, играли в азартные игры, дрались на улицах городов, нарушая покой мирных граждан. Они бросили вызов власти и миру взрослых. Желание избавиться от малолетних преступников все чаще появлялось среди членов добропорядочного британского общества.

Депортацией преступников в колониальные заморские владения англичане занимались с XVIII в. Упомянутый выше судебный магистрат Р. Дж. Чемберс в своем отчете 1826 г. указывал на значительный рост преступлений среди несовершеннолетних и предлагал эмиграцию в качестве средства социальной гигиены, а также превентивного спасения беспризорников от криминала [10, р. 29]. Его идеи разделял капитан королевского флота Э. П. Брентон, основавший в 1830 г. «Общество по борьбе с подростковым бродяжничеством», переименованное в 1834 г. в «Общество друзей детей». Брентон выступал против содержания несовершеннолетних в тюрьмах и отправления детей бедняков

в работные дома, где, несмотря на большие государственные расходы, «их ничему не учат», а переселять в колонии [29, р. 13–14]. В его школах не применялись телесные наказания, порке он предпочитал силу убеждения и изоляцию [30]. Организация имела покровителей среди правительственных чиновников и столичного нобилитета. К 1837 г. «Друзья детей» отправили 1300 малолетних правонарушителей и беспризорников в Южную Африку [31, р. 411]. Однако в 1839 г. «Обществу» Брентона пришлось приостановить деятельность из-за скандала с одним из вернувшихся назад мальчиков и смерти основателя. Этим мальчиком был Э. Трабвэй, пойманный на небольшой краже денег. Во время допроса он рассказал, что был среди тех, кого Брентон отправил на мыс Доброй Надежды, откуда он сбежал из-за жестокого обращения. В Африке британские эмигранты работали наравне с рабами, Трабвэй вместе с другими мальчиками, как животных, хозяин-голландец продал другому, не менее жестокому, работодателю. Репортеры тут же сообщили об этом в прессе, после чего появились родители других отправленных детей с заявлениями, что они не могут узнать их судьбу много месяцев, на отправленные письма ответы не приходят [32, 33]. Через несколько дней в «Таймс» были опубликованы письма еще одного мальчика Брентона, который также писал о рабской участи в Африке [34]. Но и после этих историй с юными мигрантами британские учреждения продолжили отправлять малолетних преступников в колонии [10, р. 29].

В 1847 г. группы девушек из Белфаста и Мэрилебона доставили много неприятностей во время следования в Австралию. Оказалось, что 53 сироты из Белфаста были уличены проститутками, а из Мэрилебона отправили осужденных девушек, которые были настолько неуправляемыми, что их называли «извергами в человеческом обличе» [10, р. 34].

В 1848 г. первую группу из 150 мальчиков и девочек отправили в Австралию лондонские школы для бедных (Raged Schools) и продолжали это делать почти ежегодно до начала 1860-х гг. [10, р. 28]

С середины XIX в. миграционная политика Соединенного королевства стала приобретать выраженный имперский характер. Военно-политические методы управления были не всегда результативны, более эффективными были экономические и идеологические способы сохранения влияния центра на местах. Для укрепления единства британских владений, концентрации ресурсов, хозяйственного освоения периферийных территорий требовалось увеличение числа подданных европейского происхождения в колониях. Программа социально-экономической интеграции заморских окраин и центра в условиях демографического и социально-экономического

кризиса находила отклик и у политической элиты, и у широких слоев общества, так как позволяла выселить «лишнее» население из метрополии. Идеи заселения заморских земель бедняками внедрялись в практику Р. Уилмотом-Хортоном, когда он был на посту заместителя государственного секретаря по делам колоний в 1821–1828 гг. Р. Уилмот-Хортон добьется выделения двух парламентских грантов на поселение ирландских семей в Канаде [35, р. 210].

Конец 1840–1850 гг. – тревожное время для Великобритании: картофельный голод в Ирландии, европейские революции. Переселение за океан рассматривалось не только как средство борьбы с безработицей, но и как способ укрепления связей внутри обширной империи и предотвращения классовых войн [35, р. 210]. Имперские реформы середины XIX в. представили автономию «белым колониям», децентрализация стала основным политическим принципом управления [36, р. 52–53]. В подобных обстоятельствах многочисленное население из британских мигрантов за океаном становилось залогом сохранения целостности и влияния имперского центра на периферии, позволяло развивать тесные хозяйственные связи, «выравнивать» различающиеся в социальном, экономическом, культурно-цивилизационном отношении части британского мира, сохраняя стабильность социально-политической системы в условияхдвигающихся революций. «Разумная помощь в эмиграции не имеет себе равных в качестве средства для облегчения страданий, и в то же время она помогает сохранить в британской Империи этот трудолюбивый класс лояльных граждан, семей, которые не забудут свою страну и своего Суверена... Гордость расы, единство целей, а также чувство общей преданности и долга объединяют и поддерживают целостность нашей Империи», – сказано в годовом отчете эмиграционного фонда Ист-Энда за 1903 г. [35, р. 210–211].

Детская эмиграция имела в этом отношении ряд преимуществ. Государственные деятели надеялись создать в колониях своеобразный инкубатор добропорядочных граждан, отправляя туда маленьких девочек. Они были уверены, что, чем младше дети поселяются на новой родине, тем больше у них шансов стать хорошими гражданами Империи. Отправкой девочек решались и другие демографические проблемы. Избыток женщин в Великобритании, как заявляла М. Рай, составлял целый миллион (при населении в 35 млн), в колониях же, наоборот, был серьезный перевес мужчин [37].

Таким образом, миграция избыточного населения из метрополии обеспечивала колонии недостающими работниками, выправляла гендерный дисбаланс, увеличивала численность европейцев в заокеанских владениях, что создавало условия для общеимперской интеграции.

В начале XX в. имперские цели эмиграции получают новый импульс. Англо-бурская война показала слабое здоровье новобранцев, что навело на мысль об общем ухудшении физического состояния нации. Рождаемость в основном обеспечивалась классами трудящихся людей. От этих рабочих, которые дышали городскими миазмами, жили в условиях антисанитарии, трудились в душных помещениях, изнуряя себя физическими нагрузками, зависело будущее английской нации. Задержку физического и интеллектуального развития детей рабочих многие тогда объясняли условиями городской среды, поэтому отправку молодежи за границу, особенно на просторы канадских прерий, воспринимали как спасение нации. Переселенческие программы получили серьезную государственную поддержку. Имперские конференции 1907 и 1911 гг. призывали к увеличению количества выезжающих британцев в заокеанские страны, особенно детей. Королевская комиссия Доминионов 1912 г. приступила к поиску путей, с помощью которых имперское регулирование эмиграции могло бы стать инструментом имперской политики, «империализмом мира» [6, р. 143].

Однако детская эмиграция была продиктована не столько прагматическими, сколько гуманистическими целями. Многие понимали и осуждали несправедливость социального порядка XIX в. В «Таймс» в 1857 г. так сказано о жителях «городского дна»: «Это люди, которые выполняют тяжелую работу в мегаполисе, которые возводят его величественные здания, прокладывают и чистят его улицы, строят и поддерживают в порядке многочисленные системы водоснабжения, газоснабжения и канализации; кормят наши очаги и удовлетворяют наши повседневные потребности... Их грязь мы обязаны нашей собственной чистотой, и они являются козлами отпущения за тысячи загрязнений» [12].

Нищета, безысходность, бесперспективность бедняков и их детей привели М. Рай, Э. Макферсон, Т. Барнардо и других к филантропической деятельности. Они были уверены в том, что решение проблемы не терпит отлагательств, а гостеприимная Канада – идеальное место для несчастных ребят. В 1869 г. Рай отплыла из Ливерпуля в Канаду с первой группой – 8 мальчиков и 68 девочек, большинству из которых не исполнилось 11 лет. Отъезд малышей прессы изобразила как настоящий праздник. Детей, привыкших к лохмотьям, не знавших кроватей и спавших в грязных канавах, одели в добротную одежду, обули, каждому дали в подарок книгу и булочку. Они выглядели счастливыми и радостными на борту корабля, отправляясь в далекое путешествие [38]. Многие надеялись, что девочки и мальчики, покидая трущобы, уплывали в счастливую жизнь: одних ждали семьи, других посильная работа с оплатой труда и проживание

в доме фермера [24, 39]. Примеру Рай последовала Макферсон и др.

Представления филантропов о сельскохозяйственной Канаде были в определенной степени идеализированными и основывались на популярных теориях о сходстве между детьми и молодыми растениями. Барнардо назвал Канаду прекрасной страной, похожей на сад, с обильными урожаями, а Макферсон и Бирт любили сравнивать эмиграцию с «весенней посадкой» [6, р. 146].

Английские спасатели детей знали об успешном опыте деурбанизации в Германии, где после революционных событий 1840-х гг. два немецких пастора начали размещать юных преступников в сельской местности. Британские евангелисты посетили их. Американец Л. Брэйс основал подобное поселение в США. Рай изучала практику Брэйса, разделяла его утверждение, что семейная жизнь в сельской местности – «Божье исправительное учреждение». Репортеру она говорила, что ее цель спасти девочек от искушений и пороков городов: «Моя цель – найти им хорошие дома у фермеров. С их женами, работая бок о бок, они вырастут честными, умными, способными девушками, достойными быть женами бережливых фермеров. Я постоянно получаю письма от людей в Торонто и других мест, которые ищут прислугу, и когда я говорю им, что это не бюро по трудоустройству, они обижаются. Я хочу дома для своих детей, а не места тяжелой работы» [20, р. 61].

Дети должны быть в семье, улица и дом тогда воспринимались антиподами [15, р. 43–44]. Однако сиротские приюты казарменного типа и работные дома многие филантропы резко критиковали, они хотели создать детям семейную обстановку. Конечно, лишь небольшой процент малышей усыновлялся (удочерялся), но и хорошо подобранные канадские домохозяйства, которые брали ребят для услуг, могли создать для них атмосферу, приближенную к естественным семейным отношениям.

Канадцев тогда считали людьми более нравственными и верующими, чем британцы. Барнардо утверждал, что никогда не видел пива или вина в их домах. В Онтарио, где преимущественно размещала детей Рай, было широко распространено движение трезвенников. Все это создавало условия для благочестивого роста юных британцев. Канадцы, в свою очередь, заявляли, что они готовы приютить нуждающихся детей, чтобы воспитывать в соответствии с христианскими ценностями [24, 25].

Шефтсбери поддержал проект М. Рай. Еще в 1848 г. он доказывал в парламенте, что эмиграция принесет пользу и колонии, и метрополии. Дети, выселенные из городских трущоб, где они были «обречены на праздность, а, следовательно, на нищету и грех», уехав, окажутся в стране, где

мальчики будут спасены от «пагубного бродяжничества», «будут радоваться плодам честного труда», а девочки, «избавленные от проституции, будут ходить в счастливом и святом достоинстве жен и матерей» [14, р. 249].

Канаду рассматривали как общество, не обремененное классовыми различиями, здесь слуги делили стол и гостиную с хозяевами, поэтому и к бедным британским малышам они должны были относиться, как к равным членам семьи. Английским беспризорникам в Канаде было обещано получение бесплатного школьного образования, что позволяло подняться им по социальной лестнице, несмотря на рабочее происхождение. Рай с почти материнской гордостью указывала на одного своего мальчика, ставшего студентом Гарварда [20, р. 62].

Канада казалась идеальным местом для ребенка. Однако реальность была иной. Мальчики и девочки, расселенные по изолированным фермам Канады, оказались в полном одиночестве. Многие из британских «домашних детей» были воспитаны в убеждении, что они изгои и не заслуживают хорошей жизни. Их называли «британскими отбросами», жестоко эксплуатировали, избивали, насиловали. Надлежащего контроля и надзора за детьми не было. Многие пожалели о том, что покинули родную страну, некоторым удалось вернуться назад [40, 41]. Однако большинство детей успешно интегрировалось в канадское общество, они получили столь необходимую заботу и внимание со стороны американских жителей и возможности для самореализации. Десятая часть современных жителей страны – это потомки «домашних британских детей».

В столь трудном, социально значимом деле, связанном с сиротами или оставшимися без должного надзора детьми, невозможно всегда предусмотреть результат. Неудачи и ошибки, из-за которых страдают юные создания, общество не оставляет без внимания и всегда готово сурово наказать виновных. Филантропы, организовывавшие эмиграцию несовершеннолетних детей в британские колонии, постоянно слышали упреки и обвинения. Много было не продумано, должная инспекция отсутствовала. Для части канадских «опекунов» дети стали бесплатной рабочей силой, «британским отребьем», не имеющим права на счастье и достоинство. Но и жизнь в грязных трущобах городов Великобритании для сыновей и дочерей люмпенов была невозможна. Пауперизация населения, нравственная деградация деклассированных слоев, рост алкоголизма привели к массовой беспризорности и безнадзорности. Государство, религиозные, благотворительные организации пытались решить проблему в самой стране, но улицы мегаполисов все больше наводнялись малолетними боссяками. Средств на содержание бедных не хватало. В этих условиях самые радикальные

способы решения проблемы, в том числе вывоз детей за океан, казались приемлемыми. Выезды из страны были особенно значительными в 1846–1855, 1866–1875 и 1881–1890 гг., т. е. в периоды экономических кризисов и социальной напряженности.

Канаду многие считали лучшим местом для созданий «нежного возраста», настоящей Аркадией. На обширных американских просторах с чистым воздухом дети могли бы заниматься благословенным трудом сельских тружеников, укрепляя физическое здоровье и моральный дух. Принимающая сторона обещала обеспечить доступ к образованию и религиозному воспитанию, что создавало возможности подниматься по социальной лестнице детям простых рабочих и даже деклассированных элементов. Но для многих в Великобритании детская эмиграция была лишь депортацией лишнего и опасного населения, поэтому должного внимания британцы не уделяли выселенным из страны «отверженным» мальчикам и девочкам, что и позволило превратить некоторых из них в «маленьких белых рабов».

Эмиграция позволяла решать важные имперские задачи. Заселение заокеанских владений не только обеспечивало колонии необходимой рабочей силой, но и увеличивало численность европейского населения там, что создавало условия для более тесной интеграции отдельных частей Королевства. На переселенцев возлагалась культуртрегерская миссия, они должны были распространять передовые технологии и ценности западноевропейского мира в отсталых регионах. Полагали, что из детей легче будет вырастить добропорядочных граждан, преданных своему суверену. Особенно усилились имперские мотивы в начале XX в.

Список литературы

1. Select Committee on Health. The Welfare of Former British Child Migrants. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199798/cmselect/cmhealth/755/75504.htm> (дата обращения: 07.02.2022).
2. Australia 'sorry' for child abuse // BBC News. 2009. November, 15. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/asiapacific/8361389.stm> (дата обращения: 07.02.2022).
3. Gordon Brown Apologises to Child Migrants Sent Abroad // BBC News. 2010. February, 24. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/8531664.stm> (дата обращения: 07.02.2022).
4. Bill 12, British Home Child Day Act, 2011. URL: <https://www.ola.org/en/legislativebusiness/bills/parliament-39/session-2/bill-12> (дата обращения: 07.02.2022).
5. Harrison P. The Home Children: Their Personal Stories. Winnipeg : Watson & Dwyer, 1979. 276 p.
6. Parr J. Labouring Children: British Immigrant Apprentices to Canada, 1869–1924. Toronto : University of Toronto Press, 1994. 181 p.
7. Bagnell K. The Little Immigrants: The Orphans Who Came to Canada. Toronto : Macmillan of Canada, 1987. 271 p.

8. British Home Child Group International. URL: <http://britishhomechild.com/> (дата обращения: 09.05.2022).
9. Demography of London. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Demography_of_London (дата обращения: 15.11.2021).
10. *Bean Ph.* Lost Children of the Empire. London : Unwin Hyman, 1989. 177 p.
11. The Missing Link; Or, Bible-women in the Homes of the London Poor by L. N. R., 1810–1879. New York : R. Carter & Bros. 1861. 302 p.
12. London, Thursday, April // The Times. 1857. April, 9.
13. An Act for the Amendment and Better Administration to the Laws Relating to the Poor in England and Wales. 14 August 1834. P 15. URL: <https://www.workhouses.org.uk/poorlaws/1834act.shtml> (дата обращения: 09.11.2021).
14. Speeches of the Earl of Shaftesbury, K. G. Upon Subjects Having Relation Chiefly to the Claims and Interests of the Labouring Class. London : Chapman and Hall, 1868. 438 p.
15. *Davin A* When is a Child Not a Child? // Politics of Everyday Life: Continuity and Change in Work and the Family / ed. by H. Corr, L. Jamieson. New York : St. Martin's Press, 1990. 259 p.
16. Huskar Colliery Disaste. URL: https://web.archive.org/web/20110828122958/http://www.wcmhrccouk/cms/document/1820_39.pdf (дата обращения: 09.02.2022).
17. Children's Employment Commission. Second Report of the Commissioners: Trades and Manufactures. London : William Clowes and Sons, 1843. 268 p.
18. The Factory and Workshop Acts, Comprising All the Laws Now in Force for the Regulation of Labour in Factories and Workshops: with Introduction, Explanatory Notes, Notes of the Decided Cases, &c, by G. J. Notcutt. London : Stevens and Sons, 1874. 329 p.
19. *Hutchins B. L.* Robert Owen: Social Reformer. London : The Fabian Society, 1912. 24 p.
20. *Kohli M.* The Golden Bridge: Young Immigrants to Canada, 1833–1939. Toronto : Natural Heritage Books, 2003. 462 p.
21. *Cruikshank G.* The Drunkard's Children. A Sequel to The Bottle. In Eight Plates. London : D. Bogue ; New York : J. Wiley and G. P. Putnam, 1848. 18 p.
22. *Cruikshank G.* Our "Gutter Children". London : W. Tweedie, 1869. 4 p.
23. *Cruikshank G.* A Slice of Bread and Butter / cut by G. Cruikshank; being the Substance of a Speech Delivered at a Public Meeting, Held for the Benefit of the Jews' and General Literary and Mechanics' Institution. London : W. Tweedie, 1857. 16 p.
24. *Rye M. S.* Our Gutter Children // The Times. 1869. March, 29.
25. *Rye M. S.* Gutter Children // The Times. 1869. August, 25.
26. *Maconechy J.* City Arabe // The Times. 1869. March, 31.
27. *C. J. R.* Emigration of Pauper Children // The Times. 1869. March, 31.
28. *Rye M. S.* Gutter Children // The Times. 1869. April, 20.
29. *Brenton E. P.* The Bible and Spade; Or, Captain Brenton's Account of the Children's Friend Society, Etc. London : J. Nisbet & Company, 1837. 142 p.
30. The Migrant Street Kids // Canberra Times. 1993, October.
31. *Hadley E.* Natives in a Strange Land: The Philanthropic Discourse of Juvenile Emigration in Mid-Nineteenth-Century England // Victorian Studies. 1990. Vol. 33, № 3. P 411–439.
32. Police // The Times. 1839. April, 5.
33. Children's Friend Society // The Times. 1839. April, 5.
34. Police // The Times. 1839. April, 9.
35. *Glynn D.* Exporting Outcast London : Assisted Emigration to Canada, 1886–1914 // Histoire Sociale – Social History. 1982. Vol 15, № 29. P 209–238.
36. *Шишков В. В.* Британская империя как национально-институциональная имперская система и её стратегии по отношению к перифериям // Социум и власть. 2014. № 3 (47). С 52–53.
37. *Rye M. S.* To the Chairman of the Islington Board of Guardians // Charges made against Miss M. Rye: Before the Poor Law Board at Islington and Her Reply Thereto. 1874. URL: https://archive.org/details/cihm_07098 (дата обращения: 20.01.2022).
38. Little Emigrants // The Times. 1869. October, 29.
39. Miss Rye in Canada // The Times. 1869. December, 28.
40. *Grainger A.* Charges Made Against Miss M. Rye: Before the Poor Law Board at Islington and her reply thereto. 1874. URL: https://archive.org/details/cihm_07098 (дата обращения: 20.03.2021).
41. Emigration of Pauper Children to Canada. Report to the Right Honourable the President of the Local Government Board, by Andrew Doyle. 1875. URL: <http://britishhomechild.com/the-doyle-report/> (дата обращения: 20.03.2021).

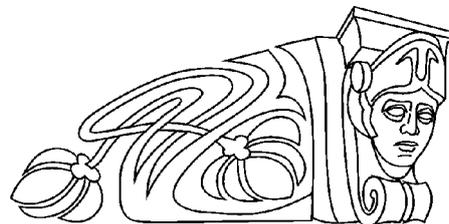
Поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 21.06.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 53–60
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 53–60
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-53-60>, EDN: RYYORO

Научная статья
УДК [930.85+130.2](4-21)

Как построить Иерусалим? В поисках эволюции путей приватизации священного и мирского

А. М. Лотменцев

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия, 115184, г. Москва, Новокузнецкая улица, дом 23 Б

Лотменцев Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Историко-филологического факультета, avlot@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0663-6224>, Author ID: 370469

Аннотация. Автор предполагает, что поскольку Иерусалим стал одним из (наряду с Римом и отчасти Афинами) образцовых городов для европейского сознания, его наследие проявляется в неизменном соотношении систем, создаваемых политиками и их культурными протезами, и коррелирует с системами, описанными в Ветхом и Новом Заветах. Образцовое архетипическое государство сравнивалось не только с Римом Цезаря и державой Александра Македонского, но в первую очередь с Израилем Давида и Соломона. Такое сравнение давало очень надежную и долгосрочную перспективу на будущее. Сами правители были вынуждены ориентироваться на этих двух образцовых монархов. При этом не было попыток соотнести свое государство с постхасмонейским Израилем, поскольку вопросы о соотношении духовной и светской власти слишком остро стояли для многих средневековых государств.

Ключевые слова: Иерусалим, Этчмиадзин, Новый Иерусалим, Андрей Боголюбский, Белград, Вавилон

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Град земной и град небесный: средневековый город как зеркало Иерусалима» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Лотменцев А. М. Как построить Иерусалим? В поисках эволюции путей приватизации священного и мирского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 53–60. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-53-60>, EDN: RYYORO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

How to build Jerusalem? In search of the evolution of ways to privatize the sacred and the secular

A. M. Lotmentsev

St. Tikhon's, Orthodox University, 23 B Novokuznetskaya St., Moscow 115184, Russia

Andrey M. Lotmentsev, avlot@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0663-6224>, Author ID: 370469

Abstract. The author suggests that since Jerusalem has become one of the model cities for European consciousness (along with Rome and partly Athens), its legacy manifests itself in the invariable correlation of the systems created by politicians and their cultural protégés with those described in the Old and New Testaments. The model archetypal state was compared not only with Caesar's Rome and the power of Alexander the Great, but primarily with the Israel of David and Solomon, despite its fragility. This comparison provided a very reliable and long-term perspective for the future. The rulers themselves were forced to focus on these two exemplary monarchs. At the same time, there were no attempts to correlate their state with post-Hasmonean Israel, since Dostoevsky's question about the relationship of spiritual and secular power was already too acute for many medieval states.

Keywords: Jerusalem, Etchmiadzin, Grebenschchikov, New Jerusalem, Andrey Bogolyubsky, Belgrade

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the project: "The Earthly City and the Celestial City: A medieval city as a mirror of Jerusalem" with the support of the St. Tikhon Orthodox University and the "Active Tradition" Foundation.

For citation: Lotmentsev A. M. How to build Jerusalem? In search of the evolution of ways to privatize the sacred and the secular. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 53–60 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-53-60>, EDN: RYYORO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Иерусалим имеет особое значение для истории развития европейских государств. Если в Китае конфуцианское наследие постоянно заставляло сверять часы по времени Шанского государства, Чжоу-вана и Ранней Хань, то многие европейские державы возникли в X–XI вв. и у них не было явной предыстории. Польское государство Пястов, отчасти пражские Пржемысловичи (которые все же могли ориентироваться на опыт Великой Моравии), норвежские и датские правители, князья Киевской Руси не имели возможности взывать к непосредственному историческому опыту, что ставило определенные вопросы перед элитой. Приходилось или придумывать собственную предысторию, что лучше всего получилось у датского ученого Саксона Грамматика и ирландских авторов (в обоих случаях датировка жизни Иисуса Христа непосредственно привязывается к древним королям Фродо и Конхобару), или выводить создание собственного государства из деятельности Юлия Цезаря, Октавиана Августа или Александра Македонского, как делал Галл Аноним в Польше, или же пересказывать византийскую, а то и римскую историю, как делали киевские летописцы в надежде вывести из нее основание собственной страны.

Через Византию тропы истории вели к Риму, затем в эллинистическую античность и далее в глубь восточной истории. Соблазн выделить из ее толщи праведные и неправедные государства был велик. Ветхий Завет рассматривает в основе исторического процесса борьбу между образцовым библейским народом и его врагами. Таким образом, древние конфликты еврейских переселенцев с моавитянами, мадианитянами, амореями и арамеями были положены в основу понимания того, как должны складываться отношениями с соседями [1, с. 73–85; 2, с. 16–52]. При этом учитывалось, что одни соседи евреев (Египет) обладали мощным государственным аппаратом и более развитой цивилизацией, другие (Ассирия) – сильной военной машиной, третьи (Вавилон) – еще и превосходящей экономикой. Поскольку начало государственности совпадало с христианизацией обширных земель, столь разные идеи выплат налогов и крещения оказались взаимосвязаны. Демонстрация могущества правителей во многом проявлялась в воздвижении каменных храмов, что было совершенным новшеством, например, во Владимирской Руси. Действительно, владимирская, суздальская, юрьев-польская, ростовская архитектуры XII–XIII вв. несут ясное послание: «К вам пришли правители, делающие невиданные вещи, за нами мировая цивилизация». Отсюда отсылки к Античности, слоны и растительные орнаменты, полеты Александра Македонского на фасадах соборов, возводимых безымянными зодчими. Владимирские князья проявили себя как представители глобализации,

принеся новую для этих земель идею государственности, ранее здесь отсутствующую.

Князья, получив доступ к письменности и Библии, а также к связанным с ней текстам, стремились поделиться своими открытиями с народом. Вспомним, как мало свидетельств осталось у нас от догосударственной жизни и сколь многое могли предложить первые русские книжники своему окружению. Ситуация крещения Руси, Норвегии и Польши совершенно отличалась от существующей в пределах бывшей Римской империи, где строительство государственной системы проходило в иной древнеотеческой парадигме национальной религии. Индийские мыслители-государственники увязывают создание национального государства с Айодхьей царевича Рамы, еще однозначнее обстоят дела в Японии, где первый император выступает и внуком богини Аматерасу, и основателем нации. Так и в Риме было изначально 2–3 основных храма: Юпитера, Марса и его сына Ромула, творца Города.

Если предположить, что создатели новых государств в христианской традиции при постройке своих столиц были вынуждены делать выбор между Римом и Иерусалимом, то необходимость выбора объясняется еще и низкой степенью урбанизации на Руси и Восточной Европе. Как и у средневековых философов-реалистов, идея предшествовала архитектурному осуществлению и определяла его. При этом современный Рим выступал (будучи значительно запущенным) действующим актором истории, а Иерусалим, многократно разрушенный да и известный скорее по Святому Писанию, почти недоступный в фатимидский период, был городом прошлого и грядущего. Обещание Небесного Иерусалима является двигателем христианской жизни, и правители своими соборами давали народу надежду на лучшее посмертное будущее. Это отчасти оправдывало возросшее фискальное бремя и придавало самим правителям статус, которого тщетно добивались германские Гогенштауфены. Впрочем, ведь крещение Германии активно происходило с начала IX в., когда Карл Великий вел Саксонские войны и практически во многом хронологически совпадало со временем крещения Руси.

Но что же представлял из себя сам Иерусалим, на который предполагалось отныне ориентироваться? Какая разница с тем, что мог предложить Рим, бывший не просто столицей, а собственно государством! Римская империя не могла существовать без Рима, ни один историк не в состоянии этого представить. Израильское государство вполне могло функционировать со столицей где-нибудь в Сихеме или Сауловой Гиве, оно наполнено историчностью. Средневековые студенты, изучавшие Библию, не могли не думать о том, каким образом исторический процесс связан с действиями Троичного Бога, как

именно являет он себя в истории. Далеко не всегда ответы на вопросы, задаваемые правителями, вытекали из Библии. Даже самые образцовые цари (Давид и Соломон) были грешниками [3, с. 350–371]. Их государственная деятельность в итоге привела государство к скорому распаду. При этом и Давид, и Соломон оставались образцами правителей. Давид выступал юным победителем Голиафа и пожилым псалмопевцем (обманом завладевшим Вирсавией), а Соломон – воплощением мудрости (женатым на дочери египетского фараона). Такой моральный дуализм вызвал к жизни образ князя Владимира русского летописания, только сложный образ был рассечен крещением героя.

Внимательные читатели Библии не могли не прийти к выводу о том, что возможности даже праведных царей были ограничены, а сам Израиль балансировал на грани существования, решая проблемы, возникавшие при взаимодействии политических гигантов, Египта, Ассирии, Вавилона, Хеттского государства. Причем это противостояние носило совершенно перманентный характер. Как маккавеи восстали против Селевкидов, учитывая позиции египетских Птолемея, так и последние иерусалимские правители отчаянно выбирали в VIII и VI вв. до РХ, кого поддержать – Новоегипетское царство или Навуходоносора [4]. Сами пророки давали довольно неоднозначные ответы на эти вопросы, они могли поддерживать как одну, так и другую сторону, неизменно настаивая на палестинском примате, борьбе с филистимлянами из Газы и столь страшной для них Финикией-Ливаном, рассадником языческих божеств. Иными словами, Ветхий Завет воспринимался как учебник политологии, аналог «Артхашастры» Каутильи. И древнерусских книжников никак нельзя обвинять в недостатке кругозора, скорее следует восхищаться их творческим подходом. Римские тексты Плиния, Ливия и Тацита стали известны значительно позже. Гораздо сложнее интерпретировать с политической точки зрения Новый Завет.

Жизнь Иисуса Христа связана с целым рядом городов, как близким территориально к Иерусалиму Вифлеемом, так и достаточно далекими галилейскими, но последние его дни прошли именно в Иерусалиме. Все же события жизни и смерти Богочеловека были, безусловно, неоднозначными, таинственными, нюансированными. Не случайны дискуссии о роли и степени вины Понтия Пилата, аспектах позиции Ирода Антипы. В евангельской истории много неоднозначных моментов, как-то: причины предательства Иуды, система принятия решений вокруг Синедриона. Важно, что новозаветные события привели Иисуса Христа в тот же город, вокруг которого развивалась ветхозаветная история, получившая логичное завершение. Какое же послание авторы Нового Завета оставили политологам и основателям новых государств? Очевидно, что

никакого. Евангелия являются описанием жизни праведника, проделавшего путь из северной провинции в столицу и безвинно казненного. Представители власти выставляются в такой ситуации априори отрицательными персонажами. При этом историчность Евангелий представила эту коллективную власть не монолитной, а неоднозначной по интенциям. Понтий Пилат, царь Ирод с неясными полномочиями и Синедрион явно имеют свои собственные несовпадающие цели, но все они участвуют в поругании и казни Иисуса Христа.

Средневековые мыслители считали, что Христос принял крестные муки в том же месте, где умер ветхозаветный Адам. Поскольку с их точки зрения все происходило в Иерусалиме, этот город по значению уже существенно превзошел земную славу (к тому же поблекшую) Рима. Это было место, где началась история и где она закончилась. Адам провел столетия в Эдеме, а крестные муки Спасителя не столько завершили, сколько изменили историю. Евангелисты, безусловно, ожидали Второго пришествия Господа весьма в скором времени. Вокруг оси мировой истории строились всевозможные теории, и Крест, на котором был распят Иисус, скоро превратился в подобие Мирового дерева, столь любимого в индоевропейской мифологии. Воины Карла Великого, вырубая священные германские рощи, были предшественниками монахов, на протяжении веков проводивших тяжелую агитационную работу, реликтом которой является рождественская елочка, завезенная в Россию Александрой Федоровной.

Мы обсудим ряд случаев реконструкции Иерусалима, некоторые из которых малоизвестны и дискуссионны. Попытка воспроизводства древней ближневосточной столицы в снегах ближнего Подмосковья уже достаточно странна, но не меньше удивляют и другие проекты. Нас ждет проект Нового Иерусалима Патриарха Никона [5, с. 21–54], мцхетские и эчмиадзинские конструкции [6, с. 15–31; 7, с. 11–61].

Отметим, что существенной представляется также оппозиция Иерусалим–Вавилон, которая настолько вошла в кровь и плоть христианского общества, что отсылки к ней имеются практически в любом достаточно сложном творчестве, как политическом, так и поэтическом. На закате советской истории и вплоть до настоящего времени она ярко проявилась в творчестве нашего современника русского поэта-исполнителя Бориса Гребенщикова [8, с. 31, 47, 115, 135, 172 и т. д.]. Казалось бы, советские реалии, в рамках которых начало развиваться его творчество, не способствовало таким оппозициям, скорее можно было бы ожидать традиционного противостояния Москва – Петербург [9].

Вавилон, бывший центром мощной державы Хаммурапи с XIX в. до РХ, претендовал на роль региональной доминанты. Испытывая

взлеты и падения, как в XVI в., когда поражения от хеттов низвели его до роли центра болотного княжества, он продолжал пользоваться авторитетом даже в тяжелые времена (судя по архиву, в Амарне). В VII в. вавилоняне смогли не только довести до победы безнадежную партизанскую войну, но и в союзе со скифами и мидянами уничтожили Ассирийское государство, став основным источником проблем для Египта [10, с. 34–68].

Разгром Иудеи Навуходоносором стал историческим поворотом истории еврейского народа. Вавилон воспринимался как грандиозный ресурсный мегаполис, куда согнали на принудительные стройки жителей Иерусалима. Отныне нееврейским городам с еврейским присутствием была уготована роль Вавилона. Ложная родина, возможно, более комфортная для жизни, куда не по своей воле удалились лучшие, так выглядел город, название которого, вероятно, переводится как врата Бога (Мардука). Вавилон Хаммурапи и Навуходоносора потерял актуальность в новозаветные времена (наверное, как город, где скончался Александр Македонский, он был сочтен несчастливый его наследниками). Не удивительно, что для религиозных евреев I–II вв. римляне, разрушившие Иерусалим, ассоциировались со своими предшественниками-вавилонянами. Окончательную точку в вопросе, казалось, поставил император Адриан, приказавший уничтожить руины Иерусалима.

Вместо «белого города на далеком холме» царя Ирода была возведена Элия Капитолина – город, куда евреев не допускали. Отныне праведникам здесь не было места. Иерусалим превратился в нечто противоположное, анти-Иерусалим, Вавилоном же выступал сам Рим. Однако спустя полтора века произошло чудо обращения императора Константина на Мульвиевом мосту.

Следствием этого события стало историческое посещение города матерью императора Еленой, в ходе которой был обретен Крест Господень и начато строительство храма Гроба Господнего. Следствием было и возрождение самого Иерусалима, причем возникло множество вопросов, относящихся к его реконструкции. Некоторые из них до нашего времени являются достаточно спорными. Новый Иерусалим, возведенный на месте Элия Капитолины, не был аналогом старого Иерусалима Второго храма или времен его перестройки Иродом. Предположим, что именно этот Новый Христианский Иерусалим заката Римского государства вдохновлял наряду со Священным Писанием философов и топографов. Несмотря на скромную роль иерусалимских патриархов, державшихся в тени константинопольских владык, идея о возвращении «в свой дом на вершине холма» кажется вполне вмещающейся в христианский подход к вопросу.

Что же представлял собой этот город? Безусловно, он не был похож на идеальное устройство-коммуны, город свободных, прошедший через десятки фильтров Небесный Иерусалим. В нем меньше всего были представлены евреи, поскольку само христианство прошло важную трансформацию, превратившись из скромного культа наподобие ессейского в имперский, который должен был сменить отеческую религию Юпитера и Марса, Венеры и Гестии. Об этом следует помнить при обсуждении судеб Византии и тех стран, в которых пытаются воспроизвести характер симфонии ее властей, светских и церковных.

Иерусалим был возрожден, но что же случилось с Вавилоном? Его появление было всегда удобным для моралистов, а также в тех редких случаях, когда христианские государства вели войну против Ирака (государства появившегося в XX в.) или его предшественников. С промышленной революцией наступает настоящее царство Вавилонов, в которые последовательно превращались Лондон, Нью-Йорк и Берлин. Образ древней Вавилонской башни прекрасно вписался во многие концепции вместе с вавилонской блудницей, изначально, видимо, храмовой девой, представлявшей супругу Мардука, Царпанит.

Поиски идеального города – часть естественного становления творческого человека, обладающего способностями поэта, архитектора или писателя. Если поэт может написать проникновенный гимн о Иерусалиме, то император или градоначальник мог оставить памятник, в создании которого участвовала значительная часть социума. Большей частью представления о Иерусалиме в Европе до крестовых походов не отличались четкостью. Впрочем, исторический Иерусалим неоднократно разрушался задолго до римлян.

Иевусейский Иерусалим X в. был, вероятно, построен на руинах неизвестного нам города [11, с. 23–28]. Мы не знаем, насколько царь Давид занимался вопросами реконструкции, но руины его дворца только несколько лет назад были обнаружены археологами. Разрушение Иерусалима вавилонянами вошло в историю. Его реконструкция во времена Ездры была в сущности строительством нового города, подобным попыткам несчастных жителей Владимирской или Киевской Руси возродить свои города после Батыева нашествия. Если какие-то города и начинали функционировать заново, прошлое было безвозвратно утеряно. Мы встречаемся с историческим аналогом корабля Тесея, в котором заменяли доски, пока не стало совершенно непонятно, остался ли он тем же. В случае с Иерусалимом уподобление античному кораблю кажется справедливым. По мере пожаров, бедствий и последующих перестроек он остался идеей, население в нем поменялось полностью

и много раз, но тем больше было желающих сказать: «Я – это Иерусалим». Принадлежность философской идеи сложнее оспорить, чем историческое наследие, и Иерусалим был вознесен в столь чистую область духа, что каждый народ получил возможность на него претендовать

Как справедливо писал А. М. Лидов, мы имеем дело с многократными попытками «пересоздания и перенесения сакрального пространства Святой земли» [12, с. 5–10]. Попытки воспроизведения элементов Святой Земли, Иерусалима в первую очередь, начинаются с IV в., и сам Иерусалим был собственно первым в череде подобных реконструкций. В результате походов крестоносцев отсылка к Иерусалиму становится в разы больше. Пизанцы даже организовали массовый вывоз тонн земли с Голгофы, создавая Кампо Санто. Осуществлялось строительство комплексов, воплощающих определенные аспекты географии Святой Земли в Тоскане и Ломбардии. Особую активность проявляли при этом францисканцы, непосредственно связанные с Палестиной. Впоследствии идеальный город станет доминантой интеллектуального ландшафта Европы. Проекты Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы и Френсиса Бэкона (литературные) будут выстроены во многом вокруг их представлений о Иерусалиме. В Польше строятся города, явно перекликающиеся своей внутренней топографией с иерусалимской действительностью (знаменитый город Замосць [13, с. 195–201]). Попыткой создания Небесного Иерусалима была деятельность ордена иезуитов, образовавших государство в Парагвае.

Воссоздание Иерусалима могло предприниматься вне пределов Римской империи, причем почти одновременно с деятельностью св. Елены в Иерусалиме. Если исходить из того, что святой город иудеев и Христа был уничтожен по приказу императора Адриана, а восстановленный Константином великий Иерусалим был принципиально новым явлением, то Эчмиадзин и Мцхета могут претендовать на первенство. В 20 км от современного Еревана находится город Вагаршапат – царская резиденция царя Вагарша, современника императора Адриана. В городе располагается основной духовный центр армян Эчмиадзин, в честь которого несколько десятилетий назывался и сам Вагаршапат. Языческая составляющая здесь еще более очевидна, чем в Мцхете. Вероятно, в древности здесь располагался храм Артемиды или одной из ее ипостасей (Белой богини, по выражению Р. Грейвза). Тут же находился и дворец армянского царя, что позволяет говорить об обычной для Ближнего Востока схеме Храм+Дворец, вполне напоминающей Иерусалим (Дворец-Давид, Храм-Соломон).

Кафедральный собор был заложен на руинах античных объектов и сохраняется возможность

трактовать Армянское государство как квазиэллинистическое. В IV в. здесь разворачивается деятельность святого Григория Просветителя. Св. Григорию явился ангел и указал ему на колонну из огня, на которой был водружен крест, испускающий сияние, низ же колонны был из золота. Предполагалось, что здесь должен быть построен собор, на месте, где приняли мученичество девы. Имеются в виду 37 монахинь, бежавших от гонения императора Диоклетиана в Египет, а затем в Армению. 35 из них были казнены после того, как царь неудачно посватался к одной из них, 2 бежали, одна из них – та самая св. Нино, по молитве которой будет крещена Грузия. А. Ю. Казарян указывает на другую легенду, согласно которой сам Иисус Христос спустился на землю и ударил по ней золотым молотом, указывая место для строительства собора [7, с. 128]. Собственно, Эчмиадзин значит «Сошел Единородный». Отсылка к армянской мифологии довольно очевидная. Как Крест Господень соединил небо и землю, так же объясняется и золотой молот, в рамках священного мостостроительства.

В IV в. собор да и весь город подверглись полному разрушению, хотя в начале V в. начинается его восстановление, в котором активную роль играл Месроп Маштоц. При этом Армения скоро теряет независимость. В 484 г. здание собора пришлось восстанавливать заново, что свидетельствует о тяжелых временах. Строительство в Вагаршапате продолжается, появляется первая епархиальная библиотека, в VII в. католикос возводит дворец для Патриарха на месте, где св. Григорий убедил царя Трдата принять христианство. Тогда же был возведен Звартноц (храм Бдящих сил).

Не исключено, что великие армянские храмы, сохранившиеся до нашего времени, несут в себе следы древней гностической традиции. Все же интересно было бы провести параллель между ролью св. Елены, св. Нино и св. Гаянэ.

Отметим, что сам Крест Господень был обнаружен св. Еленой (или, как отмечают другие историки, без ее участия). После находки она разделила Крест на две части, одна из которых была оставлена в Иерусалиме, а другая увезена ею, причем была разделена на множество частей. Основная из них хранилась в Константинополе, при этом ряд хронистов сообщают, что многие даже не слишком знатные паломники приобретали его кусочки и носили в ладанках.

Оставшийся в Иерусалиме фрагмент был поделен на множество частей при нашествии персов, а, по другим сведениям, увезен ими и потом выкуплен императором Ираклием. Окончательно он был утерян крестоносцами в ходе Хаттинской битвы, когда один из его хранителей закопал святыню в землю, а впоследствии не смог найти. Французским королем Людовиком IX Святым [14, с. 211] был куплен другой фрагмент, хранившийся в Константинополе. Разумеется, к этой

истории можно отнести критически. Крест как будто приумножается делением подобно хлебу. Фрагментов креста столько, что теоретически можно предположить их присутствие и в неожиданных местах, т. е. при оптимистичном взгляде на дело Крест производит своего рода экспансию, распространяя свое влияние на новые земли, не исключая и Эчмиадзина, где хранилась частица Древа Господнего.

Собственно, мы видим, что в условиях единой религии, которая охватила огромную территорию, Европу, значительную часть Азии и в итоге Америку санкции на политическую власть оказались неразрывно связаны с религиозной основой. Но основа эта наиболее понятно выраженной оказалась в сумме артефактов, связанных с пребыванием на земле Бога.

Как видим, наступление велось с двух сторон, с одной из них наличие в собственности правителя вещей, связанных с жизнью Иисуса Христа, подтверждало мощь этой страны, особый статус, составляло, так сказать, томос на существование. С другой стороны, можно было предпринять попытку воспроизвести фрагмент Иерусалима, например, храм Гроба Господня на совершенно новой территории. В перспективе такой объект мог уже считаться в чем-то равноправным с изначальным или даже превосходящим изначальный, как загрязненный иноверчеством.

Французский король Людовик IX, единственный канонизированный король этой страны, провел грандиозное строительство капеллы Сент-Шапель, первой по красоте в Европе из сакральной архитектуры для того, чтобы хранить фрагмент Честного Креста и Терновый Венец, еще одно важнейшее свидетельство мук Иисуса Христа. Эти артефакты он купил у лагинского императора, испытывавшего серьезные финансовые и военные трудности. Необычайно даже по средневековым меркам религиозный человек, Людовик дважды ходил в крестовые походы, закончив в Тунисе свою жизнь, был наиболее авторитетной фигурой европейской политики на протяжении десятилетий. Он не мог не сопоставлять себя с Карлом Великим, совершенно архетипической личностью, образцом для любого европейского правителя. У Карла Великого были планы на Италию и Византию (неосуществленные в последнем случае). Связывало ли что-то Карла с Иерусалимом?

Ответ на этот вопрос попыталась дать Nicolette Izard, исследовавшая средневековые песни о Карле и его посещении Иерусалима [15, с. 313–337]. Это отчасти юмористическая шансон-дюжест XII в. повествует о странствиях императора, крайне благочестивого и стремящегося найти реликвии, которые можно использовать в политических целях. Людовик IX видится нам более искренним человеком, для которого религиозный

аспект по значимости намного превосходил политические выгоды.

Коронация Карла в 800 г. не была попыткой узурпировать трон византийских императоров, а скорее шагом в сложной политической игре. Вероятно, инициатором мероприятия был Папа Лев III. Отсюда сетования у Эйнхардта о том, что он не посоветовался предварительно с Карлом [16, с. 25–26]. Ряд историков считают, что усиление Франкского государства было реакцией на наступление ислама подобно тому, как выборы испанского короля Карла императором стало реакцией на наступление Сулеймана Великолепного. Выгодополучателем коронации был вовсе не Карл, а Папа Лев, сделавший его императором по своей воле и утвердивший Рим в качестве столицы, что городу после столетий главенства Константинополя, безусловно, требовалось. Может быть, вследствие этого акта Ахен был обречен стать рядовым немецким городком. Собственно, Папа Лев подтвердил курс покровительства своего института династии Арнульфingов-Пипинидов. Характерно, что исторической путь этой династии оказался действительно недолог в отличие от папского института. Получается, что Рим преодолел иерусалимскую идею Карла, существование которой мы пока не доказали?

В конце VIII в. у Карла были все основания для политического оптимизма. Его советник по культуре Алкуин подчеркивал в своем послании, что из трех носителей власти (византийский император был тогда отстранен от власти по указу своей мамы, а влияние Папы даже в Риме было под большим вопросом) Карл является основным актором, и все дело христианства находится в его руках. Характерно, что Алкуин называет Карла Давидом в своих письмах (наконец, мы подошли к иерусалимской теме). Папа Лев превращался в таких обстоятельствах в пророка Самуила, а себя Алкуин именовал (Горацием) Флакком. Лесть Флакка была тонкой, он намекал, что они оба поэты и претендовал на равное обхождение. В то же время Карл любил произведение Августина «О граде Божьем» и, видимо, ориентировался на него в некоторых проектах.

Патриарх Иерусалимский Георгий отправил к Карлу посольство, которое передало ему ключи от Храма Гроба Господня и, по одной сомнительной добавке в источнике, от самого града Иерусалима. Характерно, что посольство прибыло накануне римских событий (один из многих аргументов против спонтанности рождественской коронации). Впрочем, даже про самого Патриарха и обстоятельства его правления известно крайне немного. А вот то, что Карл поддерживал на удивление тесные контакты с аббасидским халифом Харуном аль-Рашидом хорошо известно. Высказывалось даже мнение, что Харун мог передать некую форму суверенитета над Иерусалимом Карлу в силу малой

значимости города для багдадского правительства и некоторой сомнительности самого факта контроля города. Впрочем, в таком случае Алкуин нашел бы возможность гораздо выразительнее подчеркнуть это событие.

Карл всю жизнь достраивал Ахен, унаследованный им от отца Пипина Короткого. У него было много дворцов и он много времени проводил в походах. Ахенский дворец превосходил остальные по значению. Не случайно его называли Вторым Римом, параллели проводились также между ним и Константинополем. В Палатинской часовне Ахена хранится канделябр, подаренный Фридрихом Барбароссой и его женой Беатрисой, яркое свидетельство развития идей советников Карла этим германским императором. Именно Фридрих смог развить в своем кельнском проекте, реализованном уже в начале XIII в. после его смерти, новые культы, которые должны были носить имперский характер, но практически стали собственностью города, культ трех волхвов-королей и сменивший его культ 11 тыс. дев-урсулинок [17, с. 162–166].

Московский Патриарх Никон попытался воспроизвести образы Иерусалима и Святой Земли на довольно значительном пространстве. Проект Нового Иерусалима должен был подчеркнуть и представить зримый образ того, что Москва является Третьим Римом и Вторым Иерусалимом. Ранее подобный проект был известен царю Борису Годунову, но тот не смог его осуществить. В Палестину была направлена своего рода научная экспедиция. Она провела исследовательскую работу в иерусалимском храме Гроба Господня, который предстояло скопировать (перенести) на московскую землю. Выдержки из «Проскинитария» монаха Арсения (Суханова) были выгравированы на каменных плитах Воскресенского собора в Новом подмосковном Иерусалиме.

Сам Никон после оставления патриаршего престола переехал в Ново-Иерусалимский монастырь и провел здесь 8 плодотворных лет, пытаясь максимально приблизить создаваемый им объект к первообразу. Очередное ухудшение отношений с царем Алексеем Михайловичем привело к ссылке Патриарха Никона и его последующей смерти по время этапирования.

За эти годы Никон попытался в максимальной степени воспроизвести известные из Нового Завета объекты на подведомственной ему территории. В символические рамки Святой Земли Подмосковья включались и сакральные объекты, возведенные боярами, которые часто не приветствовали инициативы Никона. Так, с. Сафатово получило название Вифании. Село Котельниково стало Вознесенским, с. Никулино – центром Галилеи. Увы, финансовый аспект строительства, вероятно, также повлиял на последующие трагические события и судьбу Патриарха. Фигура царя, очевидно, имеет здесь большое значение,

кажется, что именно он должен был стать главным Зрителем, но сам Никон, мысливший себя отцом царя, василеопатором, пытался добиться того же положения, которое имел Патриарх Филарет при своем сыне Михаиле [5, с. 18–25].

Сложности возникли с поиском Вифлеема, а ось Вифлеем–Иерусалим, безусловно, напрашивалась. Роль Вифлеема должно было играть с. Петровское-Рождествено. Особое значение имел тот факт, что эти пункты в определенной очередности должна была посещать царская семья. Надо ли говорить, что в таком случае совершалось определенное театральное действие, вдохновителем которого выступал Никон?

Голгофский крест и Кувуклия, как и образ Спаса Нерукотворного, были важнейшими святынями нового Града Господня. Письмо Алексея Михайловича с подтверждением аутентичности Нового Иерусалима было положено под святой престол Никоном.

С патриотической точки зрения, выигрыш был также очевиден. Сам факт нахождения Иерусалима под контролем Османского государства не мог не смущать многих паломников, не говоря о наличии мечети Аль-Акса в стратегически важном месте. Русский паломник, привыкший к моноконфессиональной среде, сталкивался (или мог столкнуться) с огромным числом самых разных исповедований, о которых ранее мог и не слышать. То, что должно было стать важнейшим духовным опытом на личном уровне, могло стать и соблазном. Не случайно ко многим паломникам и особенно паломницам во всех странах относились с большим подозрением.

В некоторых случаях воспроизведение Палестины было связано со скупкой артефактов, мощей и реликвий и становилось одной из основных целей ранненационального государства. Отметим крах крестовых походов, когда невозможность возвращения Иерусалима начала провоцировать христиан на символический его перенос в свои земли. Патриарх Никон, безусловно, преследовал разноплановые цели. Предположим, что Новый Иерусалим был своего рода не сработавшей ловушкой для Алексея Михайловича, театральным лабиринтом, где тот должен был потеряться, выполняя предписанные Никоном действия. Нет сомнений в том, что Никон желал сделать царя Алексея частью своей мир-системы, обжить его, приобщив к созданному им священному иконическому пространству. В конечном итоге Новый Иерусалим Никона постигла печальная участь, он остался кратковременным памятником того, что Иерусалим может быть только один.

Но правильно ли говорить о неудаче подобных проектов? Такой вопрос обсуждал еще Х. Л. Борхес. Идеальное воспроизведение Святой Земли невозможно по многим причинам. Палестина времен Иисуса Христа отличалась

от Палестины царя Давида. Выбирая одно, пришлось бы отказаться от многого другого. Выбор местности также превращался в непростую задачу [цит. по: 18, с. 51–62].

Подводя итоги, отметим, что священная топография Иерусалима стала образцом как для восстановленного св. Еленой Иерусалима, так и для схожих проектов Эчмиадзина и Мцхеты. На иерусалимское наследие ориентировался в ряде отношений Карл Великий, пытавшийся стать покровителем этого города и использовавший иерусалимские мотивы в Ахене. Позже Иерусалим служил ориентиром для ряда князей Владимирской Руси, в Германии – для Фридриха Барбароссы, во Франции – для Людовика Святого, за время своего долгого правления, организовавшего Сент Шапель и проведшего две крестовых похода скорее в направлении Иерусалима. В XV в. мы наблюдаем последнюю попытку реставрации Сербского королевства в белградском проекте Стефана Лазаревича, наиболее известный проект Нового Иерусалима в России был осуществлен Патриархом Никоном.

Список литературы

1. Ардер И., Барталь А., Дрори Й., Кацир Я., Нир Р., Розен М., Халамиш А. Иерусалим в веках: в 10 ч. Курс академической программы Открытого университета Израиля. Ч. 3 : Иерусалим под властью Рима. Тель-Авив : Издательство Открытого Университета Израиля, 1997. 208 с.
2. Армстронг К. Иерусалим: Один город, три религии / пер. с англ. Е. Лалаян; 2-е изд. М. : Альпина нон-фикшн, 2012. 790 с.
3. Тантлевский И. Р. Царь Давид и его эпоха в Библии и истории. СПб. : Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2016. 422 с.
4. Бивен Э. Династия Птолемея. История Египта в эпоху эллинизма / пер. с англ. Т. Шуликовой. М. : Центрполиграф, 2011. 447 с.
5. Зеленская Г. М. Новый Иерусалим. Путеводитель. М. : Радуга, 2003. 384 с.
6. Чхартушвили М. Мцхета как Новый Иерусалим: иеротопия «Жития св. Нино» // Лидов А. М. Иеротопия. Исследование сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Радуница, 2004. С. 15–33.
7. Казарян А. Ю. Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М. : Lokus Standi, 2007. 216 с.
8. Гребеничиков Б. Г. Песни. М. : Эксмо, 2018. 800 с.
9. Москва – Петербург: pro et contra. Антология. М. : Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2000. 712 с.
10. Сагс Г. Величие Вавилона: история древней цивилизации Междуречья / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2012. 461 с.
11. Монтефьоре С. Иерусалим. Биография / пер. с англ. И. Павлова. М. : Corpus, 2017. 720 с.
12. Лидов А. М. Новые Иерусалимы. Перенесение Святой Земли как порождающая матрица христианской культуры // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Индрик, 2009. С. 5–10.
13. Дмитриева М. Э. Польский город Замостье как архитектурно-театральная утопия эпохи Ренессанса // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2011. № 2. С. 195–217.
14. Гарро А. Людовик Святой и его королевство / пер. с фр. Г. Цыбулько. СПб. : Евразия, 2002. 256 с.
15. Isar N. Celica Iherusalem Carolina: Imperial Eschatology and Light Apocalypticism in the Palatine Chapel at Aachen // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов М. : Индрик, 2009. С. 313–337.
16. Эйнхардт. Жизнь Карла Великого / пер. с лат. М. С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М. : РОССПЭН, 1999. С. 7–34.
17. Редькова И. С. Духовные и мирские аспекты жизни кельнского духовенства в начале XIII в. // Общество : философия, история, культура. 2022. № 6. С. 162–166.
18. Ардер И., Барталь А., Дрори Й., Кацир Я., Нир Р., Розен М., Халамиш А. Иерусалим в веках: в 10 ч. Курс академической программы Открытого университета Израиля. Ч. 1 : От Иевусейского города к столице Израиля. Тель-Авив : Издательство Открытого Университета Израиля, 1997. 188 с.

Поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 08.09.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 10.11.2022

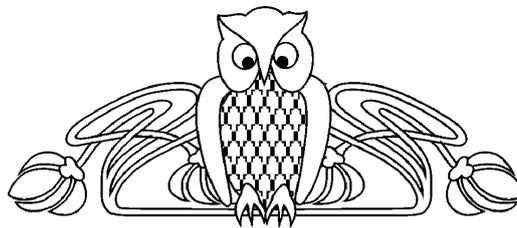

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 61–70
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 61–70
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-61-70>, EDN: ZTOURK

Научная статья
УДК 323.269.6(735.7)|1822|+929Визи

Заговор Денмарка Визи: причины и предпосылки

А. А. Шумаков

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, 300000, г. Тула, пр. Ленина, д. 53

Шумаков Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, takamori@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-6232>, Author ID: 1040139

Аннотация. В статье рассматривается одно из самых знаковых событий афроамериканской истории – Чарлстонский заговор рабов 1822 г. Акцентируется внимание на анализе причин и предпосылок указанного события, которые разделяются на 5 групп (политические, социокультурные, социально-экономические, демографические и личные). Формулируется вывод о невозможности отнесения заговора Денмарка Визи к типичным восстаниям рабов на Юге США. Источниковой базой исследования послужили материалы судебного разбирательства, свидетельства и газетные публикации того времени.

Ключевые слова: Денмарк Визи, Габриэль Проссер, Гаитянская революция, рабство, аболиционизм, методизм, Африканская методистская епископальная церковь (АМЕ), Чарлстонский заговор рабов 1822 г., Заговор Денмарка Визи, восстания рабов, афроамериканская история (Black History)

Для цитирования: Шумаков А. А. Заговор Денмарка Визи: причины и предпосылки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 61–70. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-61-70>, EDN: ZTOURK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The conspiracy of Denmark Vesey: Causes and prerequisites

A. A. Shumakov

Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, 53 Lenin Ave., Tula 300000, Russia

Andrey A. Shumakov, takamori@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-6232>, Author ID: 1040139

Abstract. This article considers one of the most significant events in African–American history – the Charleston slave Conspiracy of 1822. The author focuses on the causes and prerequisites of this phenomenon, which are divided into 5 groups (political, socio-cultural, socio-economic, demographic and personal motives). Subjecting each of them to a critical analysis, he comes to the conclusion that it is impossible to attribute the Denmark Vesey conspiracy to typical slave uprisings. The source base of the research is the materials of the trial, testimonies and newspaper publications of that time.

Keywords: Denmark Vesey, Gabriel Prosser, Haitian Revolution, slavery, abolitionism, methodism, African Methodist Episcopal Church (AME), Charleston Slave Conspiracy of 1822, Denmark Vesey conspiracy, slave revolts, Black History

For citation: Shumakov A. A. The conspiracy of Denmark Vesey: Causes and prerequisites. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 61–70 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-61-70>, EDN: ZTOURK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В 2022 г. исполнилось 200 лет с момента раскрытия знаменитого заговора рабов под предводительством Денмарка Визи, считающегося одним из ключевых событий в афроамериканской истории. Согласно материалам дела в ночь на 16 июня 1822 г. несколько тысяч чернокожих невольников планировали захватить крупнейший центр Трансатлантической работорговли – Чарлстон, а затем – после разграбления города

и расправы над местными жителями – покинуть пределы США и отправиться на Гаити. Однако в результате доноса раба Джона Уилсона – Джорджа, который предупредил своего господина за 2 дня до выступления, замысел был раскрыт. Власти Чарлстона в лице интенданта Джеймса Гамильтона и губернатора Томаса Беннета поспешили принять меры по недопущению мятежа. В частности, в срочном порядке было создано

ополчение, усилены патрули и охрана наиболее важных объектов, общественное оружие собрано в городском арсенале. Почти сразу начались задержания и дознания предполагаемых организаторов и участников восстания, и вскоре все лидеры повстанцев оказались на скамье подсудимых.

Всего по делу Денмарка Визи был арестован 131 чел., из которых 35 – казнены, 2 – умерли в заключении, 37 – проданы за пределами штата, 3 – подвергнуты порке, 23 – оправданы, 1 – оправдан при условии, что навсегда покинет пределы Южной Каролины, 30 – освобождены до суда.

Весть о раскрытии столь грандиозного и дерзкого заговора вызвала небывалый резонанс в американском обществе, впервые осознавшем свою уязвимость перед массовым вооруженным выступлением со стороны чернокожих невольников. В отличие от несостоявшегося Вирджинского восстания 1800 г. под предводительством Габриэля дело Денмарка Визи получило широкую огласку и имело заметные последствия как во внутренней, так и во внешней политике США.

Можно сказать, что широкий общественный резонанс, вызванный событиями 200-летней давности, не утихает и по сей день, провоцируя ожесточенные споры в академической среде и не только. Так, например, громким скандалом обернулась дискуссия по поводу установки памятника Денмарку Визи в Чарлстоне, продолжавшаяся почти четверть века [1]. Еще более знаковыми являются постоянные споры ведущих американских историков по вопросу: имел ли вообще место сам факт подготовки восстания или все же речь идет о масштабной фальсификации?

За последующие с момента событий два столетия вышло несколько десятков исследований, посвященных теме рабского заговора 1822 г. Среди них можно выделить работы Дугласа Эгертона [2], Роберта Пакетта [3], Томаса Хиггинсона [4], Джона Лофтона [5], Дэвида Робертсона [6], Эдварда Пирсона [7], Ричарда Уэйда [8], Майкла Джонсона [9], Лейси Форда [10] и Джеймса О'Нила Спейди [11]. Все перечисленные авторы пытались разобраться в непростых перипетиях тех событий и дать им оценку. Отдельное место в этом списке занимает труд «Дело Денмарка Визи: документальная история» [12] под редакцией американских профессоров Д. Эгертона и Р. Пакетта, который представляет собой «исчерпывающий перечень документов» по указанному заговору. Именно он будет использоваться в данной работе в качестве основной базы.

Однако, несмотря на столь высокий интерес к указанной теме, не теряющей свою актуальность, можно констатировать, что до настоящего момента исследователи, как правило, обходили вниманием проблему анализа причин и предпосылок, зачастую ограничиваясь лишь общей информацией и предысторией заговора 1822 г.

А между тем этот вопрос имеет принципиальное значение, так как позволяет понять саму природу рассматриваемого явления.

В указанной работе автор пытается восполнить данный пробел и предложить собственную типологизацию причин и предпосылок Чарлстонского заговора рабов. Цель исследования состоит в установлении каузальных связей с событиями 1822 г. и выявлении истинной мотивации участников готовящегося вооруженного выступления.

Как и в случае с Вирджинским заговором Габриэля 1800 г., в американской историографии принято выделять минимум 3 знаковых события, в той или иной мере повлиявших на складывание условий для массового восстания рабов на Юге США и в определенной степени даже служивших наглядным примером для жаждущих освобождения невольников. Речь, конечно же, идет об Американской, Великой Французской и Гаитянской революциях.

Эти события обычно рассматриваются как важнейшие триггеры и катализаторы, запустившие и ускорившие социально-политические процессы в конце XVIII – первой трети XIX в., которые в числе прочего приведут к подъему негритянского освободительного движения в США. Их прямым следствием стала серия попыток организации массовых вооруженных выступлений рабов, таких как: Вирджинские заговоры 1800 г.¹ и 1802 г., восстание на Немецком побережье 1811 г., Чарлстонский заговор 1822 г. и Вирджинское восстание 1831 г. Все эти события, несомненно, имеют во многом схожие политические предпосылки, но в то же время и ряд существенных отличий, которые необходимо учитывать при обобщении и выявлении аналогий. Например, при проведении параллелей с Вирджинским заговором Габриэля нужно понимать, что к 1822 г. внешне- и внутривнутриполитическая ситуация в США заметно изменилась, и прежние стимулы и идеи утратили былую привлекательность для большей части негритянской общины. Если Гаитянская революция по-прежнему воспринималась значительным количеством рабов и аболиционистов как поистине эпохальное событие, открывшее путь к освобождению, то в отношении Американской и Великой Французской революций их мнение было уже не столь однозначным. Это можно наблюдать на примере изменения аболиционистской риторики.

В рассуждениях Денмарка Визи и его ближайших соратников подобная динамика также нашла свое отражение. С одной стороны, идеи организатора несостоявшегося мятежа отмечены явной идеализацией общественно-политического режима на Гаити, с другой – не менее явным разочарованием в идеалах Американской и Великой Французской революций, а также в общественно-политическом устройстве указанных стран.

В материалах дела сохранилось немало свидетельств о том, что лидер заговора и его

ближайшие сподвижники постоянно обращались к опыту своих карибских собратьев, побуждая соплеменников к вооруженному выступлению. К примеру, участник мятежа Джесси Блэквуд признавался, что Визи часто призывал их быть «единными и мужественными как жители Сан-Доминго» [12, р. 178], а, обсуждая сценарий восстания, настаивал на необходимости поголовного истребления всех белых, так как «именно этот план был воплощен на Гаити». В официальном отчете и в стенограмме судебного заседания сохранились показания свидетелей на судебных процессах над Джеком Причардом и Роллой Беннетом, из которых следует, что верхушка повстанцев всерьез рассчитывала на поддержку своего выступления со стороны черных собратьев с Сан-Доминго и побережья Африки, обещанную якобы самим Денмарком Визи [12, р. 162–164, 287]. По мнению автора, речь, скорее всего, шла просто о побуждении рабов к выступлению, а под «собратьями из Сан-Доминго и Африки» вполне могли подразумеваться и местные рабы соответствующего происхождения.

Вообще многое в показаниях свидетелей указывает на то, что карибский остров был выбран местом нового прибежища не случайно. Визи внимательно следил за происходящим на Сан-Доминго, используя это едва ли не как основной аргумент в своих аболиционистских «проповедях». Участник заговора мулат Джек Перселл заявлял: «Если бы не хитрость этого старого злодея Визи, я бы не оказался сейчас в таком положении. Он использовал все уловки, чтобы убедить меня присоединиться к нему. В частности, у него была привычка читать мне все отрывки из газет, касающиеся Сан-Доминго, и, по-видимому, всех брошюр, попадавших ему в руки, которые имели хоть какое-то отношение к рабству» [12, р. 214].

Примечательно, что Визи был не одинок в восхвалении режима Жана-Пьера Буайе, являвшегося на тот момент президентом островного государства. Его ближайшие сподвижники также постоянно апеллировали к опыту гаитянских рабов, которые успешно боролись против белых угнетателей. Например, один из «лейтенантов» Визи Мондэй Гелл, по словам Смарта Андерсона, призывал восстать и сражаться с белыми по примеру жителей Сан-Доминго [12, р. 301]. В то же время сам Гелл в своих признаниях утверждал, что по просьбе Саби Гаилларда читал статью о сражении Жана-Пьера Буайе с испанцами, чтобы проникнуться идеей восстания [12, р. 220].

В показаниях также встречаются сведения о непосредственных попытках Визи установить связи с правительством Гаити. Мондэй Гелл в своих признательных показаниях отмечал, что являлся непосредственным свидетелем передачи письма некому повару Уильяму, чей дядя должен был доставить его на Гаити и передать лично в руки президенту Буайе [12, р. 335].

Любопытно, что издания New Orleans Louisiana Gazette и Salem Gazette называли инициатором подобного рода дипломатических сношений самого Мондэя Гелла [12, р. 486, 498]. При этом совершенно неизвестно о какой-либо ответной реакции со стороны гаитянского правительства.

Как бы то ни было, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что Гаитянская революция выступала в роли главного побудительного фактора для организаторов заговора, а сам остров рассматривался как надежное прибежище для восставших рабов. Причем подобная связь просматривается гораздо более отчетливо, чем во время Вирджинского заговора 1800 г., организаторы которого находились под сильным идеологическим влиянием Великой Французской революции и планировали осуществление революционного переворота, рассчитывая заключить мир с белыми жителями сразу после признания ими своего освобождения [13].

Примечательно, что некоторые авторы на данном основании делают вывод, согласно которому Денмарк Визи сам вполне мог являться свидетелем, а возможно даже участником гаитянского восстания [12, р. 729; 14, р. 165–166]. Однако прямых подтверждений этому не существует. Согласно биографической справке интенданта Джеймса Гамильтона будущий лидер заговора действительно прожил на Сан-Доминго около полугода, пока в апреле 1782 не был возвращен капитану Джозефу Визи [12, р. 2]. Столь непродолжительный период проживания на острове и относительно юный возраст (14–15 лет) не позволяют говорить о том, что Денмарк мог быть глубоко вовлечен в происходившие там общественно-политические процессы, тем более что само восстание на Гаити начнется только в 1791 г.

Другим отличием заговора Денмарка Визи от несостоявшегося бунта рабов под предводительством Габриэля, названного «черным якобинцем» [15, р. 65], являлось отсутствие каких-либо отсылок к Великой Французской революции и идеям французского Просвещения. Несмотря на то, что большое количество участников заговора в Южной Каролине были франкоговорящими рабами – по большей части выходцами из Сан-Доминго – эта тема ни разу не возникала в материалах дела, при том, что сам Визи прекрасно владел французским, умел бегло читать и писать. Однако в отличие от Габриэля, называвшего французов «друзьями свободы» и на этом основании даже запретившего их уничтожение во время восстания [16, р. 109], Денмарк никогда не был галлофилом. Это объясняется в первую очередь произошедшими за 22 года изменениями в системе международных отношений. Последовавшая после термидорианского переворота реакция привела к разочарованию в идеалах Великой Французской революции, продажа Луизианы ослабила позиции страны в указанном регионе,

закрыв тем самым возможность играть сколько-либо существенную роль в американской политике, а восстановление рабства и военная экспедиция Шарля Леклерка на Гаити и вовсе сделали Францию крайне непопулярной среди аболиционистов и рабов, превратив французов из «друзей свободы» в ее «душителей». Кроме того, нормализация отношений между двумя странами после 1815 г. также способствовала ослаблению профранцузских настроений среди цветного населения. Иначе говоря, Францию перестали рассматривать в качестве альтернативы американскому правлению и местному общественно-политическому устройству. Тем не менее нельзя не отметить, что в рядах заговорщиков были те, кого идентифицировали как «французов», хотя, очевидно, имелись в виду франкоговорящие рабы [12, р. 303]. В ряде случаев речь даже шла о вооруженном «французском отряде» численностью от 100 [12, р. 281] до 300 чел. [12, р. 173], на который делалась основная ставка при атаке на Чарлстон.

Влияние Американской революции просматривается еще менее отчетливо. В отличие от заговора Габриэля в деле Визи нет прямых отсылок к событиям 1775–1883 гг., Декларации независимости и авторитету отцов-основателей, к чему, стоит отметить, в то время часто прибегали многие аболиционисты и рабы, добивавшиеся освобождения. Единственным исключением является загадочная фраза «Конгресс освободил нас» [12, р. 163], приписываемая Денмарку Визи со слов свидетелей, но ее значение до конца не понятно.

Так же, как и в случае с Французской революцией, данные изменения объясняются последовательным наступлением на права чернокожего населения и принятием мер по недопущению восстаний на Юге США и конкретно в Южной Каролине. К примеру, в 1805 г. принимается «Закон о наказании» за определенные преступления против штата Южная Каролина, предусматривающий распространение высшей меры на свободных граждан за участие в восстании [17, р. 15], в 1806 г. – закон, запрещающий рабам проживать за пределами дома своего хозяина без письменного разрешения, а также арендовать участки и дома, а 20 декабря 1820 г. – «Закон об ограничении освобождения рабов». Последний, стоит отметить, вызвал особо негативную реакцию в местных афроамериканских общинах, так как фактически закрыл возможность выкупа для многих невольников.

То же самое можно сказать и о знаменитых дебатах 1819 г. в Конгрессе по поводу статуса штата Миссури, которые завершились сложным политическим компромиссом 5 марта 1820 г. Рабовладение было распространено на данную территорию, несмотря на то, что это являлось прямым нарушением Постановления 1787 г., запрещающего распространение

рабства северо-западнее р. Огайо. Визи, регулярно читавший газеты и находившийся в курсе политической повестки, просто не мог не знать о проходящих дебатах и достигнутом компромиссе. Ряд исследователей настаивают, на том, что Денмарк придавал этим событиям особое значение. Данная версия строится на рассказе судебных магистратов Лайонела Х. Кеннеди и Томаса Паркера, в котором говорится: «Количество подстрекательских брошюр о рабстве, привезенных в Чарлстон из некоторых наших родственных штатов за последние четыре года (и один раз из Сьерра-Леоне) и распределяемых среди цветного населения города (...); и выступления в Конгрессе тех, кто выступал против приема Миссури в Союз, возможно, искаженные, дали ему достаточно оснований для воспламенения умов цветного населения этого штата. Искажая некоторые части этих речей, или выбирая из них отдельные отрывки, он слишком многих убедил в том, что Конгресс фактически объявил их свободными, и что они содержались в рабстве вопреки законам страны» [12, р. 75].

Еще одним важным отличием событий 1822 г. от несостоявшегося восстания Габриэля является ключевая роль религиозного и этноконфессионального факторов в мотивации чарлстонских мятежников. Если в случае с Вирджинским заговором 1800 г. социокультурные предпосылки имели второстепенное значение, то в Чарлстоне оно было определяющим. Достаточно отметить, что ядро заговора составляли прихожане Африканской методистской епископальной церкви, а сам Визи, несмотря на отсутствие рукоположения, был известен среди местной негритянской общины как проповедник.

Участник заговора Джесси Блэквуд утверждал, что в своих речах Визи апеллировал к закрытию церкви в качестве главного побудительного мотива: «Он сказал, что белые люди лишили нас наших прав и привилегий, и что наша церковь закрыта, чтобы мы не могли ею пользоваться, и что нам давно пора добиваться своих прав, и что мы вполне способны победить белых, если будем такими же единомышленными и мужественными, как жители Сан-Доминго» [12, р. 178].

Вообще в материалах дела Денмарк Визи характеризуется как человек крайне набожный и при этом прекрасно знающий Священное Писание. Нет никаких прямых свидетельств, но серьезная вовлеченность значительной части заговорщиков в происходящие общественно-религиозные процессы в своем городе допускается почти всеми исследователями. Данные предположения строятся на сложной истории утверждения Африканской методистской церкви в Чарлстоне и Южной Каролине.

Дополнительно неизвестно, когда именно Визи присоединился к методистской общине. Однако

подавляющее большинство исследователей считают, что произошло это после 12 апреля 1817 г. Именно в тот день согласно сохранившимся записям Денмарк и еще двое свободных негров были впервые допущены к причастию Второй пресвитерианской церкви [12, р. 25]. Данный факт может указывать на то, что изначально он принадлежал к этой общине, а затем уже перешел в методистскую церковь, хотя некоторые авторы допускают и одновременную принадлежность Денмарк сразу к двум указанным конфессиям.

Мотивы перехода очевидны. Методистская церковь пользовалась особой популярностью у рабов Чарлстона, составлявших большую часть паствы. Однако в начале 1817 г. община раскололась. Глубинной причиной, по всей видимости, стал сознательный отход от активной аболиционистской и эгалитаристской риторики, который начался еще в 1785 г. с принятием соответствующей резолюции [16, р. 27]. Инициаторами раскола в Южной Каролине выступили свободный мулат по имени Моррис Браун и бывший раб Генри Дрейтон, отправившиеся еще в 1816 г. в Филадельфию для встречи с первым епископом и основателем Африканской методистской церкви Ричардом Алленом. Последний рукоположил их в сан священников. Вернувшись в Чарлстон в начале 1817 г., Браун и Дрейтон основали там новую методистскую церковь, которая располагалась на Энсон-стрит, а затем появилась вторая – на Коу-Эллей, в «черном» районе Хэмпstead. Собственно, она-то и стала площадкой для радикальных аболиционистских проповедей. Сразу после обособления в объединенной церкви начался массовый отток чернокожих прихожан, усилившийся после решения о строительстве усыпальниц на месте старого негритянского кладбища. Согласно сохранившейся записи одновременно общину покинули 4376 рабов и свободных негров [2, р. 124]. Исход был настолько ощутим, что в 1830 г. местный рабовладелец, являвшийся епископом методистской церкви, Джеймс Осгуд Эндрю писал: «В галереях, некогда переполненных вежливыми и набожными слушателями, теперь находилось лишь несколько человек; и вместо полного хора счастливых голосов, воспевавших хвалу Господу, проповедник был вынужден засвидетельствовать лишь молчаливое и скорбное одиночество» [16, р. 34].

Разумеется, все это не могло не вызвать ответной реакции со стороны белых прихожан и местного духовенства. Так, 8 ноября 1817 г. методистский священник Соломон Брайан написал письмо в городской совет Чарлстона, в котором выразил серьезную обеспокоенность массовым выходом «цветных» из его церкви [12, р. 178]. Жалобы на новые общины следовали одна за другой. И вскоре власти перешли к активным действиям. 3 декабря 1817 г. городская стража совершила налет на африканскую церковь, арестовав 469 чернокожих прихожан по обвинению

в хулиганстве [6, р. 58]. 7 июня 1818 г. ситуация повторилась. На сей раз задержанию были подвергнуты «143 человека африканского происхождения» [6, р. 59]. 13 священнослужителей, включая епископа Морриса Брауна, получили обвинительные приговоры. Брауну, в частности, было предложено навсегда покинуть штат или отправиться в тюремное заключение сроком на месяц. Историк Дэвид Робертсон полагает, что среди осужденных находился и сам Денмарк Визи, хотя никаких документальных подтверждений этому не сохранилось [6, р. 58]. Тем не менее большинство исследователей настаивают на том, что именно указанный эпизод послужил последней каплей, переполнившей чашу терпения будущего организатора заговора и ряда его ближайших сподвижников, таких как Мондэй Гелл и Питер Пойас, и направившей их на путь подготовки вооруженного выступления. Примерно тогда Визи начал читать проповеди у себя дома на Булл-стрит и на прочих негритянских собраниях. Историк Дуглас Эгертон предполагает, что одним из слушателей Визи вполне мог являться автор знаменитого памфлета Дэвид Уокер [18; 2, р. 130–131].

Нападки на Африканскую церковь продолжались и в дальнейшем. Так, 16 октября 1820 г. свыше 140 белых граждан обратились в Палату представителей Южной Каролины с петицией о запрете «черной церкви Чарлстона» [12, р. XXXI].

Что касается традиционных африканских верований, то они, по всей видимости, также имели определенное влияние и рассматривались как дополнительный фактор мотивации. Примером служит фигура раба корабельного плотника Пола Причарда – «Гуллы» Джека, ключевого участника заговора ангольского происхождения, прибывшего с восточного побережья Африки (порт Зингебар) в апреле 1806 г. Работарговец Софония Кингсли впоследствии отмечал, что Джек был колдуном, который пронес на корабль инструменты для магических ритуалов [12, р. 17]. В Южной Каролине он продолжал свои оккультные практики, чем снискал себе среди рабов славу неуязвимого колдуна [12, р. 76]. По мнению ряда исследователей, за счет своего авторитета среди приверженцев традиционных африканских верований Джек играл важнейшую роль в организации заговора, сумев объединить вокруг себя многих выходцев с Черного континента. В материалах дела сохранились упоминания о страхе, который испытывали рабы перед его колдовскими чарами [12, р. 199]. Впрочем, несмотря на это, нужно понимать, что связь евангелистской теологии с традиционными африканскими верованиями весьма характерна для негритянской общины того времени, воспринимавшей сюжеты Библии в свете традиционной религии. Доказательством этому служит тот факт, что Джек

Причард и сам был в числе прихожан Африканской методистской церкви на Коу-Эллей.

Большинство участников восстания относились к так называемым городским наемным рабам. Д. Эгертон в своем исследовании делает на этом особый акцент: «Визи предпочитал таких людей, как Мондэй Гелл, рабов, которые получали от своих хозяев возможность самостоятельного найма, и тем самым достигали уровня психологической и экономической автономии. Вообще список тех, кто позже был заключен в тюрьму, читался как справочник чернокожих ремесленников города: извозчиков, плотников, поваров, грузчиков, гончаров, каменотесов и механиков» [2, р. 151]. Последнее, по мнению американского исследователя, является принципиально важным отличием и свидетельством разрушения патриархальной системы управления и постепенного перехода к более мягкому патернализму.

Атмосфера торгового города сама по себе затрудняла традиционную эксплуатацию рабов, которая выглядела финансово невыгодной в свете иной структуры производственных отношений. Несмотря на то, что Чарлстон оставался крупнейшим импортером «живого товара» в США, он все же рассматривался большинством работоторговцев всего лишь как перевалочный пункт для его последующей перепродажи на плантации в сельских районах. При этом, конечно, значительное количество чернокожего населения оседало в городе, превратив «столицу американского рабства» в один из самых «черных» городов на Юге США. Увеличение количества городских невольников усиливало и экономическую конкуренцию, заставляя местных ремесленников и предпринимателей адаптироваться к новым условиям и прибегать к активному использованию наемной силы из числа рабов.

В этой связи многие хозяева оказались заинтересованы в обучении своих невольников и предоставлении им возможности получения более высокой квалификации, так как это автоматически повышало их рыночную стоимость и позволяло увеличивать свой доход за счет сдачи таких невольников в аренду. Последнее приводило к переизбытку рабочей силы и создавало существенные трудности для свободных негров. История Денмарка Визи в данном отношении весьма показательна. Грамотный полиглот, побывавший во многих странах, имевший огромный опыт в торговле, являвшийся доверенным лицом своего господина, и, очевидно, приносивший ему солидный доход, после освобождения был вынужден перейти на более низкоквалифицированную работу плотником.

Занять достойное их квалификации место свободным чернокожим, как правило, мешали расовые предрассудки и законодательные ограничения. Например, для ведения предпринимательской деятельности свободным неграм

требовалась специальная лицензия, а ежедневный заработок был ограничен Городским советом суммой в 1 доллар. Кроме того, все свободные негры и мулаты должны были платить специальный налог [2, р. 101–102]. Столкнувшись с откровенной дискриминацией, Визи не мог не сделать соответствующих выводов. То же самое можно сказать и о его ближайших сподвижниках – Питере Пойасе, Мондэе Гелле, Ролле и Неде Беннетах, социальное положение которых было еще ниже, несмотря на то, что во всех случаях речь идет о высококвалифицированных рабочих. Братья Беннетты, к примеру, являлись личными рабами и доверенными лицами самого губернатора [2, р. 145].

Экономика Южной Каролины базировалась на добыче коротковолокнистого хлопка, который был главной статьей экспорта. Этим обстоятельством обуславливалась зависимость местных плантационных хозяйств от колебаний цен на данный товар на внешнем рынке. После того как в 1794 г. Эли Уитни изобрел хлопкоочистительную машину, цена на этот экспортный товар неумолимо росла, что привело к расширению плантационных угодий и увеличению спроса на рабов. С целью удовлетворения последнего в 1803 г. властями штата даже был снят временный запрет на Трансатлантическую работорговлю, действовавший с 1787 г. Это привело к увеличению потока «живого товара». Ежегодно через Чарлстон проходило порядка 10 тыс. рабов [2, р. 58]. Это продолжалось до 1807 г., когда Трансатлантическая работорговля была запрещена на федеральном уровне. Впрочем, количество рабов продолжало увеличиваться уже за счет естественного прироста.

В 1818 г. цены на хлопок достигли пика – 35 центов за фунт [6, р. 70], после чего стали снижаться из-за расширения сельхозугодий в Алабаме и Миссисипи, что привело к усилению эксплуатации и спешному избавлению от лишней рабочей силы. Разумеется, это также способствовало и росту недовольства со стороны рабов. Примечательным фактом является то, что, несмотря на снижение цен в мире, производство хлопка в регионе продолжало расти [6, р. 70]. Этот парадоксальный эффект как раз и объясняется усилением эксплуатации.

Другим важным моментом стало распространение практики найма и самонайма невольников, за счет которой рабовладельцы пытались восполнить финансовые потери. Чарлстон в этом отношении выделялся среди американских городов. Если в других городах составляло около 6%, то в столице Южной Каролины – 31% [6, р. 69]. Большинство чарлстонских плотников прибегали к такому найму. Это позволяло последним получать определенный денежный доход и одновременно создавало условия для развития теневой экономики.

Именно в городских рабах Визи видел основную социальную базу готовящегося восстания. Будучи сам свободным, он, по всей видимости, не доверял этой группе населения. Исключение составили Сэби Гайллард, Принс Грэм, Куош Харлестон, Сэмюэл Гайффорд и Роберт Хадден, впоследствии также представшие перед судом, но, очевидно, игравшие в заговоре второстепенную роль. Последние два были оправданы, остальные – выдворены за пределы США. Столь незначительное количество свободных негров в числе арестованных, а всего по делу проходил 131 чел. [12, р. 775], говорит о том, что Визи и его соратники планировали опереться именно на массы рабов. Об этом также свидетельствует и выбор конечной цели – побег на Гаити, который едва ли мог заинтересовать свободных негров и мулатов. В отличие от своего предшественника Габриэля Визи и его «лейтенанты», по всей видимости, не делали ставку на пробуждение чувства некоей классовой или этнической солидарности. Ограниченность цели предполагает, что спастись должны были лишь активные участники заговора.

Демографический фактор также принципиально важен в рассмотрении причин и предпосылок указанного явления. Опережающий рост численности чернокожего населения, несомненно, учитывался Визи и его соратниками при планировании захвата города и использовался в качестве аргумента в пользу успеха восстания. К примеру, согласно свидетельским показаниям Питер Пойас в ответ на опасения участника заговора о неизбежном подходе к белым подкреплениям из других районов и Вирджинии отвечал: «Чернокожих соберется так много со всей страны, что нам не нужно бояться белых из других ее частей. Потому что, когда мы захватим город, то сможем не пускать их всех» [12, р. 171–172]. Любопытно, что именно Питера Пойаса в показаниях называют хранителем списка из 9 тыс. имен участников заговора [12, р. 211], который так и не был найден. Данная цифра ставится под сомнение всеми исследователями, тем не менее именно такое количество указано в официальном отчете [12, р. 173].

Еще одним важным моментом, демонстрирующим осознание участниками заговора своего количественного превосходства, являются их опасения по поводу того, что белые прекрасно понимают опасность и не упустят возможность «проредить» местное чернокожее население. Согласно свидетельским показаниям Питер Пойас заявлял: «Разве не слышали, что 4 июля белые поднимут ложную пожарную тревогу, и всех черных, которые выйдут на улицу, убьют, чтобы их проредить?» [12, р. 172]. Вне зависимости от того, верил ли сам Пойас в эти слухи или нет, данное свидетельство демонстрирует то, что рабы не только осознавали свое численное превосходство, но и вызываемый данным фактом

страх белого меньшинства. А последний действительно присутствовал. Власти города и штата в частности предпринимали постоянные попытки ограничить рост цветного населения. Многие законы были откровенно направлены на выдавливание свободных афроамериканцев, а одним из самых распространенных наказаний стала высылка за пределы штата без права на возвращение. Однако переломить общую тенденцию данные меры не могли, так как источником роста чернокожего населения являлись именно рабы. Динамика увеличения его численности выглядела следующим образом: согласно первой переписи 1790 г. в Южной Каролине насчитывалось 107094 раба и 140178 белых, в 1800 г. – 146151 раб и 196255 белых, в 1820 г. – 258475 рабов и 237440 белых [19]. Значительная часть черных невольников приходилось на Чарлстон. По данным первой переписи 1790 г., в указанном округе проживали 51585 черных рабов и 15402 белых, по данным 1800 г. – 63615 рабов и 18768 белых [6, р. 42]. Непосредственно в г. Чарлстон накануне восстания находились 13054 раба, 10653 белых и 623 свободных негров и мулатов [2, р. 141–142].

Итак, демографическая ситуация вполне позволяла Визи и его сподвижникам рассчитывать на поддержку значительной части населения. Вот как описывает демографическую ситуацию, сложившуюся к 1822 г., Д. Робертсон: «Чернокожие приближались к своей наибольшей численности в округе, в то время как белые становились все более неспособными в финансовом отношении прокормить или предоставить жилье своему рабскому населению. Таким образом, время для нового восстания черных было особенно благоприятным» [6, р. 61].

Что касается свободных цветных, то их процент также увеличивался, но оставался незначительным. В 1790 г. в Южной Каролине проживал 1801 свободный негр, что составляло 0,7% от общего количества населения штата, в 1820 г. – 6826, что составляло – 1,4% от общей численности населения. В округе Чарлстон процент был выше: в 1790 г. 586 свободных цветных составляли 3,6% от общей численности населения города, в 1820 г. 1475 свободных цветных – около 6%. Разумеется, будучи свободным негром, Визи не мог опереться на эту категорию, тем более что большинство из них были натурализованы, ассимилированы, а главное – социально разобщены, некоторые и вовсе являлись рабовладельцами. Но самое главное – идея покинуть Соединенные Штаты и отправиться на Гаити едва ли могла привлечь их внимание.

Важное отличие от демографической ситуации накануне Вирджинского восстания 1800 г. заключалось в том, что в Чарлстоне фиксировался более высокий процент рабов африканского происхождения. Это было связано со снятием вышеупомянутого запрета на Трансатлантическую

работорговлю в период с 1787 по 1807 г., когда доля уроженцев Черного континента вновь выросла до 20% [2, р. 58]. Подобные изменения свидетельствуют о том, что процесс креолизации среди рабов в Чарлстоне не был столь глубок, как в Вирджинии. Многим удалось сохранить свою африканскую идентичность. Визи, несомненно, учитывал этнический фактор, выделив из числа своих ближайших сподвижников представителя племени игбо Мондэя Гелла, ангольца Джека Причарда и 26-летнего мандинго Минго Харта [2, р. 145–146], которые занимались вербовкой. Целью, очевидно, являлось привлечение как можно большего количества сторонников из числа коренных африканцев, так как многие из них еще не успели ассимилироваться и мечтали о возвращении на родину или о свободной жизни за пределами США.

Самым сложной для анализа является проблема определения личных мотивов участников заговора 1822 г. Этим вопросом задавались еще члены Коллегии адвокатов Чарлстона и председательствующие судебные магистраты Лайонел Х. Кеннеди и Томас Паркер, опубликовавшие в октябре 1822 г. «Рассказ о предполагаемом восстании рабов». Помимо всего прочего, там сообщалось: «Трудно понять, по какому мотиву он ввязался в этот заговор (если только это не тот мотив, о котором упоминал один из свидетелей, рассказавший, что у Визи было несколько детей-рабов, и что он сказал однажды, что желал бы видеть их свободными) (...). Ролла был доверенным лицом своего хозяина; настолько, что, когда общественные обязанности требовали его отсутствия в семье, они оставались под защитой этого раба; и тем не менее этот самый человек взялся возглавить группу, первым делом которой должно было стать убийство того самого хозяина, так доверявшего ему и относившегося с большой добротой. Нед также являлся доверенным слугой, и его поведение в целом было похвальным. Питер был очень ценным рабом и, судя по всему, первоклассным корабельным плотником. Он пользовался доверием своего хозяина в значительной степени, и с ним обращались со снисхождением, щедростью и добротой. Мондэй наслаждался всеми существенными удобствами свободного человека; (ему) очень потворствовал и доверял его хозяин; его время и большая часть прибыли от его труда находились в его собственном распоряжении. Он даже хранил оружие своего хозяина, а иногда и его деньги» [12, р. 85].

Действительно, в материалах дела крайне сложно найти какую-либо информацию о личных мотивах заговорщиков. К примеру, упоминание Мондэя Гелла о детях Визи как основной причине организации заговора не выдерживает критики. У Денмарка Визи действительно было 7 сыновей, двое из которых – Сэнди и Полидор – принимали участие в заговоре. Сэнди позже

предстал перед судом и был приговорен к казни, которую заменили высылкой за пределы США [12, р. 219]. Полидор по крайне сомнительному свидетельству Бахуса Хеммета тоже мог участвовать в заговоре [12, р. 302], но в материалах дела его имя не значилось. Остальные же не могли принимать активного участия в силу малолетнего возраста. В этой связи остается совершенно неясным, почему Визи прибег к столь радикальному способу освобождения своей семьи и не попытался их выкупить или, что было проще всего, организовать побег на Север, тем более что деньги у него имелись, так как после выплаты Джозефу Визи в конце 1799 г. суммы в 600 долл. у Денмарка еще оставалось 900 долл. Также совершенно неясно, как организатор заговора планировал вывести свою большую семью на Гаити.

Мотивы личной мести хозяину также не просматриваются, так как само планируемое восстание должно было произойти уже спустя 22 года после освобождения. К тому же не стоит забывать, что будущий лидер мятежа даже взял фамилию своего «массы». Этот факт, вероятно, свидетельствует об их теплых и доверительных отношениях. То же самое можно сказать и о других ключевых участниках заговора. При этом, конечно же, нужно понимать, что судьи едва ли были заинтересованы выставлять напоказ внутренние конфликты и обнародовать факты проявления жестокости рабовладельцев по отношению к своим невольникам, а последние едва ли могли рассчитывать на снисхождение суда на подобном основании.

Очевидным мотивом являлась жажда наживы. В материалах судебного дела содержится немало упоминаний о том, что восставшие планировали разграбить город.

Еще одним мотивом присоединения к заговору мог стать страх перед собратьями. Раб Джордж Вандерхерст заявлял, что очень боялся Гуллы Джека как колдуна, и даже просил суд выслать его из города из-за опасений за собственную жизнь [12, р. 194]. Другим мотивом был страх мести в загробной жизни, намеки на который также присутствуют в материалах дела. Тем не менее доверять подобным заявлениям вряд ли стоит, так как для многих рабов это могло быть обычным способом ухода от ответственности.

Таким образом, если опираться на представленные материалы дела, можно прийти к однозначному выводу, согласно которому наибольшее влияние на участников мятежа оказала Гаитянская революция, во многом воспринимавшаяся как некий эталон успешного восстания рабов, сценарий которого планировалось воплотить в жизнь в Чарлстоне, а сам остров рассматривался как надежное убежище. При этом в отличие от вирджинских событий 1800 и 1802 гг. Визи и его сподвижники не преследовали целью изменение социально-политического уклада на Юге

США, а планировали покинуть пределы данной страны.

Вторыми по значимости можно назвать социокультурные причины. Этноконфессиональный фактор имел решающее значение в мотивации участников заговора. Обособление Африканской методистской епископальной церкви в Чарлстоне, репрессии властей и невозможность защитить свою общину послужили одним из основных триггеров радикализации части местного негритянского населения, толкнувшего фигурантов дела на путь подготовки восстания. Кроме того, методистские собрания давали прекрасную возможность для коммуникации, вербовки и распространения аболиционистских идей.

Социально-экономические причины в первую очередь выражаются в изменении характера производственных отношений, выделении и укреплении отдельного социального слоя городских наемных рабов, многие из которых являлись грамотными и квалифицированными рабочими, а главное – пользовались существенной автономией и свободой передвижения. Собственно, именно эти люди составили ядро заговора и выступили в качестве его главной движущей силы. При этом нужно понимать, что опереться они планировали на широкие массы сельских рабов.

Демографический фактор также имел важное, хотя и не решающее значение, как считают некоторые исследователи. Визи и его соратники, несомненно, осознавали свое численное превосходство над белыми, однако конечная цель мятежа свидетельствует о том, что массовое восстание на всем Юге или же создание из Чарлстона долговременного центра сопротивления не входило в их планы. Фактически шанс на спасение предоставлялся лишь непосредственным участникам заговора.

Сложнее всего было выявить личные мотивы. Содержащиеся в материалах дела разрозненные сведения не дают оснований для однозначных выводов по данному вопросу, так как являются по большей части интерпретацией и могут восприниматься как попытки некоторых рабов уйти от уголовной ответственности.

В итоге можно прийти к выводу о том, что в случае с заговором Денмарка Визи речь идет не о классическом восстании рабов, а скорее о попытке организации массового побега. В этом, пожалуй, и заключается ее основное отличие от знаменитых Вирджинских восстаний 1800, 1802 и 1831 гг. [20]. В остальном можно наблюдать все тот же комплекс причин и предпосылок, свидетельствующий о складывании социально взрывоопасной ситуации в Южной Каролине, которая способствовала поиску новых форм организованного сопротивления рабов.

Примечания и комментарии

¹ Вирджинский заговор 1800 г. под руководством Габриэля является вторым по значимости и первым по масштабу явлением такого рода в американской истории. По имеющимся данным в него было вовлечено до 10 тыс. рабов. Поэтому в дальнейшем автор будет использовать его в качестве основного примера для сравнения с заговором 1822 г.

Список литературы

1. Row Over Statue to Bermudian's Slave, January 3, 2011. URL: <http://bernews.com/2011/01/row-over-statue-to-bermudians-slave/> (дата обращения: 01.08.2020).
2. Egerton D. R. He Shall Go Out Free: The Lives of Denmark Vesey. 2nd ed. Lanham : Rowman and Littlefield, 2004. 286 p.
3. Paquette R. L. From Rebellion to Revisionism: The Continuing Debate About the Denmark Vesey Affair // Journal of the Historical Society. 2004. № IV. P. 291–334.
4. Higginson T. W. Denmark Vesey // Atlantic Monthly. 1861. № VII. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1861/06/denmark-vesey/396239/> (дата обращения: 01.08.2020).
5. Lofton J. Insurrection in South Carolina: The Turbulent World of Denmark Vesey. Yellow Springs, Ohio : The Antioch Press, 1964 (Reissued 1983 as Denmark Vesey's Revolt. Kent, Ohio : Kent State University Press. 294 p.)
6. Robertson D. Denmark Vesey: The Buried History of America's Largest Slave Rebellion and the Man Who Led It. New York : Knopf, 1999. 234 p.
7. A Designs against Charleston: The Trial Record of the Denmark Vesey Slave Conspiracy of 1822 / ed. by E. Pearson. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1999. 414 p.
8. Wade R. C. The Vesey Plot: A Reconsideration // Journal of Southern History. 1964. Vol. 30, № 2. P. 143–161.
9. Johnson M. P. Denmark Vesey and His Co-Conspirators // William and Mary Quarterly. 2001. № 58 (4). P. 915–976.
10. Ford L. An Interpretation of the Denmark Vesey Insurrection Scare // The Proceedings of the South Carolina Historical Association. 2012. P. 7–22.
11. Spady J. O. Power and Confession: On the Credibility of the Earliest Reports of the Denmark Vesey Slave Conspiracy // William and Mary Quarterly. 3rd. ser. 2011. № 68. P. 287–304.
12. The Denmark Vesey Affair: A Documentary History / ed. by D. R. Egerton, R. L. Paquette. Gainesville: University Press of Florida, 2017. 859 p.
13. Testimony in the Trial of Gabriel (October 6, 1800). URL: <https://encyclopediavirginia.org/entries/testimony-in-the-trial-of-gabriel-october-6-1800/> (дата обращения: 01.08.2020).
14. Morgan P. D. Conspiracy Scares // William and Mary Quarterly. 2002. № 59. P. 165–166.
15. Egerton D. R. Gabriel's Rebellion: The Virginia Slave Conspiracies of 1800 and 1802. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1993. 281 p.
16. Raboteau A. J. African-American Religion. New York : Oxford University Press. 1999. 142 p.

17. Schipper J. Denmark Vesey's Bible: The Thwarted Revolt That Put Slavery and Scripture on Trial. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2022. 175 p.
18. Walker's Appeal, with a Brief Sketch of His Life, by David Walker and Henry Highland Garnet, 1848. URL: <https://www.gutenberg.org/files/16516/16516-h/16516-h.htm> (дата обращения: 01.08.2020).
19. Trinkley M. South Carolina – African-Americans – Slave Population. URL: <https://www.sciway.net/afam/slavery/population.html> (дата обращения: 01.08.2020).
20. Шумаков А. А. Причины и предпосылки восстания Ната Тернера в американской историографии // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2 (52). С. 154–163.

Поступила в редакцию 01.08.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 01.08.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 71–78
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 71–78
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-71-78>, EDN: WWCSEI

Научная статья
УДК [008:398.22](417)|18/19|+821.111.09(417)+929Йейтс

Образ Кухулина в исторической памяти Ирландии в Эпоху Гэльского возрождения рубежа XIX–XX веков

Н. Ф. Шестакова

Уральский государственный педагогический университет, Россия, 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26

Шестакова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин, shestakovanf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2129-6325>, Author ID: 847201

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации образа национального героя Кухулина в исторической памяти Ирландии в эпоху Гэльского возрождения. Раскрывается образ мифического персонажа, запечатленный в Ольстерском цикле, выявляется значение его фигуры в творчестве писателя У. Б. Йейтса. Формулируется вывод о том, что Кухулин был возведен в пантеон национальных героев и стал символом ирландской идентичности, а сказания послужили идеологической основой для развития национализма и борьбы ирландцев за независимость страны.

Ключевые слова: Гэльское возрождение, Ирландия, национализм, Кухулин, идентичность, У. Б. Йейтс, историческая память

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00038, <https://rscf.ru/project/21-78-00038/>.

Для цитирования: Шестакова Н. Ф. Образ Кухулина в исторической памяти Ирландии в Эпоху Гэльского возрождения рубежа XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 71–78. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-71-78>, EDN: WWCSEI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of Cu Chulainn in the Irish historical memory in the Gaelic revival in the 19th–20th centuries

N. F. Shestakova

Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov St., Yekaterinburg 620017, Russia

Nadezhda F. Shestakova, shestakovanf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2129-6325>, Author ID: 847201

Abstract. This article is devoted to the analysis of the representation of the image of Cu Chulainn in the Irish historical memory in the Gaelic revival. The author reveals the image of a mythical character from the Ulster cycle. The researcher revealed the meaning of the hero in the works of W. B. Yeats. Cu Chulainn became a national hero and became a symbol of Irish identity. And the legends served as an ideological basis for the development of nationalism and the struggle of the Irish for the independence of the country.

Keywords: Celtic revival, Ireland, nationalism, Cu Chulainn, identity, W. B. Yeats, historical memory

Acknowledgments: The research was supported financially Russian Science Foundation as part of a scientific project № 21-78-00038, <https://rscf.ru/project/21-78-00038/>.

For citation: Shestakova N. F. The image of Cu Chulainn in the Irish historical memory in the Gaelic revival in the 19th–20th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 71–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-71-78>, EDN: WWCSEI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Кто рядом с Пирсом и Коннолли
Почтамт мятежный защищал?
Кто выйдет из горы, когда-то
Залитой кровью человечей?
Кто вспомнил Кухулина, прежде
Чем встал он с нами в муке вечной?
Йейтс У. Б. Смерть Кухулина

В Дублине 24 апреля 1916 г. началось Пасхальное восстание, организованное ирландскими

республиканцами во главе с Патриком Пирсом и Джеймсом Коннолли. Целью восставших являлась борьба против британского господства и провозглашение Ирландии независимым государством. В здании главпочтамта, ставшего штаб-квартирой повстанцев, была зачитана Прокламация о создании республики. Казалось, как заметил в своей пьесе У. Б. Йейтс, что на стороне

ирландских республиканцев сражался восставший мифический герой Кухулин, вселяющий в сердца соотечественников смелость и стойкость духа [1, с. 336]. Самопожертвование этого персонажа Уладского цикла, павшего в сражениях за свой народ, послужило примером для ирландцев. В память о погибших участниках Пасхального восстания в 1935 г. в здании главпочтамта была установлена бронзовая скульптура «Умирающего Кухулина», созданная О. Шеппардом в 1911 г. [2]. Считается, что эта скульптура является не только воплощением мифологического персонажа, но и современного ирландского героя Патрика Пирса [3], который в свое время адаптировал сказание «Похищение быка из Куальнге» для театральных постановок «Деяния юного Кухулина» в 1909 г. и «Защита Форда» в 1911 г. в школе Св. Энды [4, р. 3]. Лидер повстанцев был представителем Гэльского возрождения (1890–1921), вобравшего в себя идеи культурного и политического национализма. Его видение дальнейшего пути развития Ирландии было закреплено в конституции 1937 г., в которой республика объявлялась не только свободным государством, но и гэльским по своему характеру. В связи с этим, по мнению Дж. Лирссена, своего рода анахронизмом выглядит использование термина «тишек» (Taoiseach), которым в древности называли вождя, а в настоящее время – премьер-министра [5, р. 139].

Как видим, борьба ирландцев за независимость от Великобритании была обусловлена ростом их национального самосознания и формированием национализма, толчком для которых послужило движение за восстановление гэльской культуры в рамках третьего этапа так называемого Кельтского возрождения. Характерной особенностью этого культурного феномена является формирование пантеона национальных героев Ирландии, венцом которого стал Сетанта, больше известный как Кухулин («пес Кулана»). В данной статье мы обратимся к проблеме репрезентации образа этого мифического героя в исторической памяти Ирландии в период Кельтского возрождения.

К сожалению, эта проблема не получила должного освещения в зарубежной и отечественной историографии. Тем не менее, несмотря на то, что Кухулиновский цикл в большей степени служит объектом изучения филологов, нежели историков, можно выделить несколько работ по данной тематике. В труде Дж. У. Фостера «Художеественные произведения Ирландского литературного возрождения: искусство подмены» есть глава, посвященная культурной интерпретации Кухулиновского эпоса и использованию его сюжетов писателями рубежа XIX–XX вв. для создания своих литературных произведений, вдохновляющих борцов за независимость Ирландии [4].

Ф. Хантер в книге «Кельты: искусство и идентичность» обращается к эпохе Кельтского возрождения и отмечает, что формированию национальных идентичностей народов Британских островов способствовало также оформление пантеона национальных героев, в рамках которого наиболее выделялись Теудорих Маур, Кухулин и Каратак [6, р. 255]. Голландский ученый Дж. Лирссен в статье «Кухулин на Главпочтамте: Гэльское возрождение и ирландское восстание» оценивает значение гэльского языка для развития культурного национализма до и после Пасхального восстания 1916 г. [5]. Он определяет образ древнего героя как источник вдохновения для ирландцев, а также как связующее звено между литературным возрождением и сепаратистским национализмом. В свою очередь, статьи Х. Мак Кракена [7], В. Васконселоса [8] и магистерская диссертация Ж. Ван [9] посвящены анализу произведений У. Б. Йейтса, основанных на сюжетах древних саг о Кухулине, которые он использовал в том числе для выражения политических мотивов. В академическом исследовании П. Мэтьюса, в частности на примере подвигов уладского героя, рассматривается пропаганда героических повествований о маскулинности в ирландской культуре Викторианской и Эдвардианской эпох [3]. Наконец, среди работ российских исследователей стоит отметить ряд трудов Т. А. Михайловой [10–12], в которых значительное место отводится анализу древних сказаний о Кухулине, изучению же интерпретации мифа об этом ирландском герое в произведениях писателей Гэльского возрождения посвящены статьи А. А. Ольковой [13, 14].

В Ирландии к концу XIX в. политический национализм уступает место культурному. После провала попытки продвинуть в парламенте «Билль о гомруле» в 1886 г. и краха политической карьеры Чарльза Стюарта Парнелла в 1890 г. энергия жителей острова была направлена в русло возрождения ирландской культуры [4, р. 4]. Одним из основоположников Кельтского Ренессанса являлся поэт, фольклорист, один из основателей Гэльской лиги, первый президент Ирландской республики Дуглас Хайд, который в 1903 г. объявил войну англизации и заявил о необходимости восстановить связь современных ирландцев с их древними и почти исчезнувшими литературной традицией и языком. Социальный состав участников этого движения был довольно пестрым. «Культурных генераторов», как назвал их Дж. Лирссен, независимо от социального, религиозного или этнического происхождения, объединяла идея сохранения кельтского наследия [5, р. 143]. В связи с этим они много времени уделяли сбору фольклора, занятию литературным творчеством, изобразительным искусством и музыкой, поиском древних текстов и сказок.

Историк Джон Хатчинсон выделил три этапа Кельтского возрождения в Ирландии (середина XVIII – начало XX в.), которым соответствуют три волны культурного национализма [15]. Первый этап, датируемый второй половиной XVIII в., был связан с публикацией Дж. Макферсоном поэзии Оссиана, которая способствовала романтизации и окультыванию истории древних гэлов дымкой таинственности [16]. Вторым этапом возрождения – 1820–1845 гг. – носил филологическую направленность и подготовил почву для изучения ирландскими интеллектуалами топонимов, древних текстов, фольклора и данных археологии. На третьем этапе, хронологические рамки которого приходятся на рубеж XIX–XX вв., сторонники движения смогли придать проблеме сохранения гэльского языка острый социальный оттенок. Для решения этой проблемы в 1893 г. была основана Гэльская лига. Таким образом, реинкарнированная в период Кельтского возрождения древняя культура и ее герои стали источником вдохновения для националистического движения, которое теперь могло опереться на истинную движущую силу ирландской нации: язык, культуру и традиции.

Гэльская древность для интеллектуалов рубежа XIX–XX вв., таких как У. Б. Йейтс и Стэндиш Джеймс О’Грейди, являлась «золотым веком» ирландской истории. Они не желали ничего иного, кроме как возвращения к доренессансной, догреческой, доримской культуре. «Ни одна другая арийская цивилизация (за исключением гэльской), – утверждал Альфред Натт, – не развивалась так независимо от сформировавшихся современный мир эллинского и древнееврейского влияний [цит. по: 4, р. 10].

Писатели Гэльского Ренессанса претендовали на звание законных наследников древней нарративной традиции, а также являлись ее искусными подражателями. По мнению Дж. У. Фостера, эти интеллектуалы, избегая литературного самовыражения, использовали безликие и шаблонно выстроенные повествования древних сказаний в качестве образцов для своих собственных произведений [4, р. 18]. Для некоторых писателей привлекательность древней литературы заключалась в том, что она позволяла маскировать и трансформировать свою собственную расовую, социальную и культурную идентичность. Во введении к своей антологии «Переводы сказаний о Кухулине» Э. Халл (1898) писала следующее: «Патриотизм основывается не на национальной гордости за красоту страны, которая нас породила, и даже не на ее коммерческой ценности или промышленном процветании. Чувство любви к Родине базируется на том, что мы можем назвать историческим воображением, которое вобрало в себя прошлое и события полупоэтического характера, запечатлевшиеся в сознании нации» [17, р. XI]. Несмотря на то, что Кухулин являлся героем Улада (Ольстера), выступившим

в одиночку против многочисленной ирландской армии, националисты XIX в. усмотрели в нем олицетворение всей Ирландии, которая была вынуждена в одиночку сражаться против империализма Англии. В свою очередь, П. Пирс видел в этом персонаже саг воплощение ничтожного меньшинства повстанцев, выступивших против мощи британской имперской армии в 1916 г. [цит. по: 4, р. 3]. Тем не менее в древних ирландских сагах Кухулин позиционируется как храбрый сын Ольстера, плодородие и процветание которого связаны с собственным благополучием героя.

В сказании «Похищение быка из Куальнге» обозначен культурный раскол между восточной и западной частями острова, который существовал и на рубеже XIX–XX вв., даже несмотря на то, что сторонники движения за возрождение кельтской культуры стремились устранить его, заставив восток Ирландии подчиниться влиянию запада. Поэт и романист Джеймс Стивенс, однако, больше видел различие между севером и югом, утверждая, что «восток страны – это просто продолжение севера, а запад, соответственно, юга» [цит. по: 4, р. 9]. Возможно, подозрительность и неприязнь между жителями Ольстера и населением других частей острова послужили предзнаменованием будущего отделения этого региона от территории Ирландской Республики. Стоит отметить, что культурные националисты также проводили параллели между, с одной стороны, оцепенением ольстерцев (в том числе периодическим бессилием Кухулина), упоминаемым в древних сказаниях, а, с другой стороны, ослабленным состоянием Ирландии, находящейся под английским господством.

Связь героя с конкретной местностью являлась яркой чертой Гэльского литературного возрождения, сохранившейся благодаря ирландским мифам и сагам. Поклонение месту (топонимия), представленное в саге о Кухулине, трансформировалось для культурных националистов конца XIX – начала XX в. в любовь к месту (топофилия). Как ольстерский герой Кухулин превратился в ирландского героя, так и привязанность к местности переросла в любовь к Ирландии [4, р. 15]. Саги предоставили писателям эпохи Кельтского возрождения целый фонд фольклорных выражений и топонимов, которые они могли использовать с целью придать своим литературным произведениям местный колорит и выделить их из массы образцов английской литературы.

Мифологический, Ольстерский (Уладский), Фенийский и Исторический циклы, сохранившиеся в таких рукописях, как «Книга бурой коровы» (XII в.), «Лейнстерская книга» (XII в.), «Желтая книга Лекана» (XIV в.) представляют собой древнюю народную литературу Ирландии, которой сознательно подражали писатели рубежа XIX–XX вв. Из четырех циклов наиболее полным и однородным является Уладский цикл,

известный также как «Героический цикл» или «Красная ветвь». «Он превосходит другие гэльские циклы по своей полноте и упорядоченности замысла, отточенности стиля и чувств», – отмечала Э. Халл, которая вместе с леди И. О. Грегори выступала стойким защитником и популяризатором древних героических сказаний. Они изучали, переводили и публиковали саги о Кухулине. Благодаря Э. Халл вышли в свет такие работы, как «Сага о Кухулине в ирландской литературе» (1898) [17], «Мальчики Кухулин» (1904) [18], «Кухулин, собака Ольстера» (1911) [19] и др. В свою очередь, И. О. Грегори подготовила к публикации сборник «Кухулин из Мюртемне» (1902), ставший для многих современников писательницы дверью в героический мир древних гэлов [20].

Кухулин, или Сетанта, как его звали в детстве, является главным героем Ольстерского цикла ранней ирландской литературы. Несколько сказаний этого цикла посвящены его подвигам и путешествиям. О его происхождении рассказывается в саге «Рождение Кухулина». Он был сыном Дехтире, сестры (или дочери) короля Улада Конхобара. Его божественным отцом был бог солнца Луг, а земным – Суалтайм. В силу своего происхождения Кухулин был наделен многими талантами, которых не было ни у одного другого человека его времени: он был совершенен в красноречии, плавании, верховой езде, играх в шахматы и нарды, а также в бою. Однако герой не фигурирует в сагах в качестве бога; он одновременно является сверхчеловеком и полубогом, застрявшим между жизнью и смертью [4, р. 8].

Сказание «Похищение быка из Куальнге», вероятно, написанное в VIII в., но повествующее о более раннем периоде, является произведением европейской литературы, которое отражает картину жизни людей в железном веке. Сага рассказывает о противостоянии юного героя королеве Коннахта Медб, которая, пытаясь получить быка Донна Куальнге, пошла войной против Улада [21]. Сюжет сказания рассматривается как повествование, во-первых, о борьбе между классами жрецов и воинов; во-вторых, о конфликте между кельтско-арийским патриархатом и докельтским матриархатом; в-третьих, о вторжении в Ольстер захватчиков из Коннахта и, наконец, как замаскированный миф о солнечном возрождении. Националисты Гэльского Ренессанса предпочитали рассматривать историю Кухулина как воплощение патриотизма ирландского народа.

В сборнике «Кухулин из Мюртемне» леди Грегори опубликовала целый ряд сказаний о жизни и подвигах героя. В сказании «Деяния юного Кухулина» сообщается, что он, убив чудовищную гончую Куланна, которую можно уподобить монстру из потустороннего мира, получил свое прозвище «пес Куланна». После

сватовства к Эмер, дочери Форгала Манаха Хитреца, Кухулин отправляется в восточную часть Альбана поучиться военному мастерству у девы-воительницы Скатах [20]. Она произносит пророческое стихотворение об убийстве героем в схватке своего единственного сына от амазонки Айфе. Стоит отметить, что сюжет убийства сына отцом встречается в сказаниях многих народов, в том числе и в Артуриановском эпосе. Доказать, что он является самым честным, храбрым и сильным воином Ольстера, Кухулину удается в ходе соревнования, организованного Брикреу между ним, Коналом Кearnаху и Лойгайром Буадахом. Он действительно становится самым выдающимся героем на всей территории острова. Даже Медб из Коннахта в сказании «Борьба за первенство в Уладе» характеризовала Кухулина следующим образом: «Он – как шум разгневанного моря, как огромная волна, в которой безумие дикого зверя, поднятого охотниками. Во время битвы он мчится прямо на врагов, и в его крике они слышат свою смерть. Он совершает подвиг за подвигом и кладет одну голову на другую, не считая. Его имя славят в песнях. Как на мельнице растирают солод в порошок, так нас разотрет по земле Кухулин» [20, с. 325].

Герой умирает молодым, поддавшись чарам ведьмы Баув в образе прекрасной Ниав [20, с. 360]. Действительно, ахиллесовой пятой Кухулина являлась его неспособность устоять перед красивыми женщинами. В то же время защитник Ольстера не смог сидеть сложа руки, когда гибли его соотечественники под ударами вражеской армии, которая на самом деле являлась всего лишь колдовством, сотворенным дочерью сестер Галатина.

В XIX в. сказания о Кухулине стали известны благодаря переводу их рукописных версий, без которых возрождение ирландской литературы оказалось бы невозможным. Многие ирландские и даже зарубежные ученые обратились к их изучению. Среди этих интеллектуалов был немецкий кельтолог К. Мейер [22], ирландский филолог Ю. О'Карри [23], немецкий языковед, санскритолог и кельтолог Эрнст Виндиш [24], ирландский юрист и кельтолог У. Стоукс [24], французский историк и археолог М. д'Арбуа де Жюбенвиль [25], швейцарский кельтолог Р. Тернейсен [26] и др. Саги о Кухулине стали образцами подражания для многих ирландских писателей. В творчестве одного из основоположников Гэльского возрождения У. Б. Йейтса современные филологи даже выделяют целый «Кухулиновский цикл».

С самого начала карьеры этот англо-ирландский писатель черпал вдохновение из легенд и мифов дохристианской Ирландии. Легенда о Кухулине являлась главной темой в творчестве У. Б. Йейтса, начиная с поэмы «Смерть Кухулина» 1892 г. [1] и заканчивая стихотворением «Кухулин Примиренный», написанным в 1939 г.

[25, р. 450]. Причины обращения писателя к сказаниям о древнем ольстерском герое связаны непосредственно с его личной жизнью и патристическими устремлениями. В смелом и сильном Кухулине Йейтс видел полную противоположность себя (антитезу), а также идеал, к которому необходимо стремиться в ходе становления личности. Слабость, которую ощущал в себе писатель, была обусловлена строгим воспитанием отстраненного и бессердечного отца, а также вызвана нападками, которым юный У. Б. Йейтс подвергся со стороны сверстников в Лондоне [9, р. 2]. Воспоминания о юности, проведенной в Англии, были наполнены чувством одиночества и враждебности и резко контрастировали с впечатлениями от пребывания в родовом доме его матери в Слайго. Он пытался стать героем, о котором мечтал, а также вселить в Ирландию дух героизма и вдохновить ее народ на борьбу. Поэтому в своих произведениях У. Б. Йейтс изображает Кухулина максимально приближенным к обычному человеку, который имеет свои недостатки, совершает ошибки и в конечном итоге умирает [8].

Дело в том, что на рубеже XIX–XX вв. Ирландия продолжала страдать от жесткого гнета англичан, а неоднократно предпринимаемые ранее ирландцами восстания заканчивались поражением. Невзгоды вызвали у соотечественников писателя ощущение разобщенности, утраты ими культурной самобытности. Актуализация же в памяти народа подвигов Кухулина, который в воображении жителей острова мог стать живым примером человеческого достоинства, силы и героизма, в итоге способствовала росту их национального самосознания.

Одна из первых попыток Йейтса возродить ирландскую литературу была связана с публикацией в 1892 г. стихотворения «Битва Кухулина с морем», первоначально называвшегося «Смерть Кухулина». Именно в этом произведении автор изображает героя Улада падшим человеком, который, сам того не зная, убивает собственного сына от воительницы Айфе [27]. Узнав, кем являлся погибший юноша, Кухулин, обезумев от горя, пошел войной на море. Сражаясь с водной стихией, герой как будто бы сражается с самим собой и обрекает себя на гибель.

Первую попытку драматизировать историю Кухулина Йейтс предпринял в пьесе «На берегу Бейла», написанной на основе сказки «Помощь Шенфхир Айфе» и продемонстрированной публике на торжественном открытии театра Аббатства в 1904 г. [28]. Когда писатель начал работать над этим произведением, прогресс ирландцев в борьбе за независимость был незначительным. Это было связано с неудачной попыткой Парнелла продвинуть в парламенте законопроект

о гомруле [7, р. 152]. Поэтому в пьесе «На берегу Бейла» от лица Кухулина автор выразил личное и общественное разочарование неудачами Ирландии в антиколониальном движении. Он считал, что вдохновить соотечественников и поднять их боевой дух можно посредством постановки собственных пьес в театре.

В пьесе «На берегу Бейла» Кухулин считает себя равным Конхобару, но последний напоминает герою, что он не наделен той мудростью, которой обладает король Улада. Верховному правителю удается убедить Кухулина преклонить колено перед ним, утверждая, что герой нуждается в его покровительстве, чтобы сдержать свою опасную физическую силу. За эту присягу великому воину приходится заплатить высокую цену: в дальнейшем он не только лишится жизни, но невольно убьет своего единственного сына. Таким образом, связь между Кухулином и Конхобаром олицетворяет собой угнетающие отношения между Англией и Ирландией [7, р. 153]. В представлении писателя Кухулин, как и ирландцы, принял ложную власть короля и тем самым предал собственную природу и уничтожил потомков в интересах своего сюзерена. Примечательно, что Кухулин не винит себя за то, что попался на уловки Конхобара. Вместо этого он винит Верховного короля и полностью теряет контроль над собой. Его поступки представлены слишком хаотичными и неорганизованными, обреченными на провал, как и многочисленные восстания в колониальной истории Ирландии.

С другой стороны, стоит отметить, что в пьесе «На берегу Бейла» также отражен внутренний конфликт Кухулина, возникший в связи с поставленным перед ним выбором между собственной свободой и политическими интересами страны [9, р. 18]. В этом конфликте скрыто двойственное отношение автора к национализму, приверженность к которому, по мнению писателя, может представлять опасность для Ирландии. В произведении причиной трагедии Кухулина является то, что толпа вынуждает его принести клятву верховному королю Улада Конхобару и убить своего сына. Недовольство Йейтса националистами было связано с тем, что в его восприятии они отождествлялись с неуправляемым скопищем народа.

В драме «Зеленый шлем», опубликованной в 1910 г., действие происходит до событий, о которых повествует пьеса «На берегу Бейла» [29]. Образ Кухулина в этом произведении служит воплощением уверенности У. Б. Йейтса в себе и своей нации. Считая, что ирландцы приходят в себя после неудач, связанных с падением Ч. С. Парнелла, писатель предпринял попытку представить в своем творчестве идеал единства народа.

В основу произведения «Зеленый шлем» лег сюжет, в котором бог моря Мананнан разжигает спор между тремя воинами: Коналлом, Лаэгом

и Кухулином. Он передает им зеленый шлем, отмечая, что его может надеть только самый сильный воин Ирландии. Кухулин предлагает своим соперникам следующее: «...Я отдам его (шлем) всем – нам троим или никому» [29]. Он предлагает другим претендентам испить из шлема и владеть им вместе. Несмотря на это, спор продолжился из-за вопроса о том, кто достоин первым из него испить и забрать все почести. Кухулин, будучи не в силах уладить разногласия, в отчаянии бросает шлем в море и упрекает окружающих за их бессмысленные препирательства. Он пытается не только примирить своих противников, но и объединить весь народ, осознавая, что Мананнан специально подкинул им шлем, послуживший «яблоком раздора». Ссора между воинами в пьесе может также указывать на критику писателем тривиальной борьбы внутри ирландских националистических группировок, которая вносила разлад в их ряды и мешала предпринимать согласованные действия [9, р. 21].

Повторно явившееся божество моря, требующее уплаты долга в виде отрезанной головы, ставит Кухулина перед выбором: либо он отдает свою жизнь, либо его народ погрозится в междоусобной кровопролитной войне. Кухулин идет на самопожертвование, выражая готовность отдать жизнь ради Улада и положить конец конфликту. За это он и удостоивается шлема Мананнаном.

Можно сделать вывод о том, что пьеса «Зеленый шлем» воплощает призыв писателя к сплочению нации, которая после смерти Ч. С. Парнелла была сильно разобщена [7, р. 155]. Также в ней делается акцент на необходимости полагаться на собственный интеллект и избегать насилия. В отличие от трагического завершения предыдущей пьесы в «Зеленом шлеме» У. Б. Йейтс вселяет в читателя и зрителя оптимистичный взгляд на будущее и призывает подражать древнему герою.

На создание пьесы «У ястребиного колодца», опубликованной в 1917 г., автора вдохновил японский драматический театр «Но» [30]. Первая ее постановка состоялась за 3 недели до Пасхального восстания 2 апреля 1916 г. в лондонской гостиной для узкого круга зрителей. Писатель, убежденный в том, что ирландцы отвергли его творчество, а культурное возрождение потерпело крах, направил все недовольство и разочарование на своего героя. У. Б. Йейтс подверг критике ирландскую публику и регресс антиколониального движения, изобразив Кухулина глупым, невежественным и незрелым.

Подавление Пасхального восстания 1916 г. и казнь его лидеров заставили У. Б. Йейтса задуматься о цене борьбы за независимость. Несмотря на то, что писатель больше не принимал непосредственного участия в движении, он по-прежнему стремился внести свой вклад в поддержание культурной самобытности ирландской на-

ции, которая, по его мнению, являлась средством достижения единства общества. После восстания У. Б. Йейтс осознал, что публика действительно была вдохновлена его творчеством, но она неправильно восприняла образ воскрешенного им героя. В частности, лидер повстанцев П. Пирс восхищался безрассудным мужеством Кухулина и его готовностью умереть молодым в погоне за честью [7, р. 160]. В свою очередь писатель, наоборот, отверг эту мученическую интерпретацию. Несмотря на то, что восприятие образа героя П. Пирсом и У. Б. Йейтсом отличалось, они разделяли одно и то же желание – видеть Ирландию свободной.

В 1919 г. была опубликована драма «Последняя ревность Эмер», которая является продолжением пьесы «На берегу Бейла». В данном произведении автор снова обращается к сюжету борьбы Кухулина с бессмертным морем, в результате которой он тонет. Эмер, жена героя, отрекается от своей любви к мужу, пытаясь его спасти, вернувшись из потустороннего мира [31].

Сюжет о возрождении Кухулина должен был вселить в ирландцев надежду на светлое будущее. Однако, как и Эмер пришлось заплатить за воскрешение мужа высокую цену, так и Ирландии предстояло многим пожертвовать ради свободы. Таким образом, писатель вновь обращается к мотиву самопожертвования, который проходит красной нитью через все его творчество.

После того как в 1921 г. Ирландия обрела независимость, а Кухулин окончательно утвердился в качестве национального героя, Йейтс не обращался к циклу о мифическом персонаже до 1939 г. В этом году была опубликована последняя пьеса писателя «Смерть Кухулина», в которой описывается мужественная кончина великого воина [1]. В сказании Кухулин, защищая Улада, в ходе битвы получает смертельные раны. Ослабев, он привязывает себя к камню-колонне, чтобы умереть, стоя на ногах, а не на коленях, после чего Лугайд отрубает ему голову [20, р. 366]. В произведении У. Б. Йейтса герой, смирившись с неминуемой смертью, ничего не делает, чтобы ее избежать. Кухулин настаивает на том, что он скорее умрет в сражении, чем сбежит с поля боя. Движимый новой целью и чувством оптимизма, Йейтс позволяет своему герою погибнуть. Однако эта кончина является не столько концом, сколько началом нового пути. После угасания жизни душа героя должна превратиться в птицу. Он будет жить в памяти потомков благодаря своему наследию.

В конце пьесы певец рассказывает зрителям, как герой вдохновил народ и поднял его на Пасхальное восстание. Таким образом, складывается впечатление, что Йейтс проводит параллель между последней битвой древнего героя и волнениями 1916 г. Пасхальное восстание,

организованное небольшой группой, из-за недостатка сил было обречено на провал, так же, как и Кухулин, который выступил против войска Коннахта. Несмотря на поражение восставших и кровопролитие, они продемонстрировали порыв ирландского национального духа.

В 1939 г., незадолго до своей кончины, писатель опубликовал стихотворение «Кухулин Примиренный», за основу которого был взят сон, приснившийся Йейтсу 11 января. В нем он увидел беседу раненого воина с саваном. В стихотворении Кухулину, бывшему герою при жизни, после смерти приходится делить мир с душами трусов, «осужденными на смерть Родней – или погибшими в изгнании» [32, с. 450]. Нахождение великого воина среди них показывает, что у трусов и героев одинаковый конец. При жизни Кухулин должен был убить собственного сына, сразиться с неуязвимым морем и претерпеть бесполезную смерть; и все же, как напоминает ему один из саванов:

«Жизнь для тебя отрадней станет, право,
Как только саван ты себе сошьешь» [32].

Возможно, это стихотворение послужило предвестием скорой кончины писателя.

Подводя итог, стоит отметить, что эпоха Гэльского возрождения явилась важным периодом в истории Ирландии, которая восстановила в памяти ее народа древние сказания и героев, ставших для ирландцев образцом для подражания. Фольклор был источником вдохновения нации, а также идеологической основой для борцов за независимость страны. Центральным персонажем Гэльского возрождения стал великий герой Кухулин, который посредством творчества писателя У. Б. Йейтса был возведен в пантеон национальных героев и явился олицетворением сильной и независимой Ирландии. Писатель с помощью этого мифического персонажа, наделенного символическим значением, воссоединил жителей «изумрудного острова» с их прошлым, а также сделал героя гарантом сохранности ирландской культуры и ее ценностей для будущего постколониального государства.

Список литературы

1. Йейтс У. Б. Смерть Кухулина // Земля друидов, снов и струн : поэмы, стихотворения, пьесы. СПб. : Азбука, 2021. 432 с.
2. Sheppard O. The Dying Cuchulain. Broadsheet. URL: <https://cf.broadsheet.ie/wp-content/uploads/2014/12/cugpo.jpg> (дата обращения: 27.02.2022).
3. Mathews P. J. The Art of Popular Culture: From “The Meeting of the Water’s to Riverdance”. URL: https://www.ucd.ie/scholarcast/transcripts/The_Boy_As_National_Hero_Elaine.pdf (дата обращения: 28.02.2022).
4. Foster J. W. Fictions of the Irish Literary Revival: A Changeling Art. Syracuse: Syracuse University Press, 1993. 428 p.
5. Leerssen J. Cuchulain in the General Post Office: Gaelic revival, Irish rising // Journal of the British Academy. 2016. Vol. 4. P. 137–168.
6. Hunter F., Farley J. Celts: Art and Identity. London : British Museum Press, 2015. 304 p.
7. Mc Craken H. Reviving and Revising Cuchulain: W. B. Yeats’s Struggle to Create a Postcolonial Culture Hero // The Journal of the Midwest Modern Language Association. 2018. Vol. 51, № 1. P. 147–172.
8. Vasconcelos V. Yeats and Cuchulain. URL: <https://writing.colostate.edu/gallery/phantasmagoria/vasconcelos.htm> (дата обращения: 28.02.2022).
9. Wang Z. William Butler Yeats and the Cuchulain Cycle. Charleston : Eastern Illinois University, 1998. 40 p.
10. Михайлова Т. А. Похищение быка из Куальнге как памятник литературы // Шаги-Steps. 2015. Т. 1, № 2. С. 86–112.
11. Михайлова Т. А. Похищение быка из Куальнге – книжный эпос? // Valla. 2015. Т. 1, № 6 (2). С. 38–54.
12. Михайлова Т. А., Ганина Н. А. Кухулин – пес Уладов // Атлантика / отв. ред. Т. А. Михайлова. М. : Макс Пресс, 2012. С. 47–64.
13. Олькова А. А. Миф о Кухулине в драматургии периода борьбы Ирландии за независимость // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность / отв. ред. : Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова. Н. Новгород : ДЕКОМ, 2018. С. 336–342.
14. Олькова А. А. Интерпретация мифа о Кухулине в драматургии У. Б. Йейтса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1–2. С. 380–383.
15. Hutchinson J. The dynamics of cultural nationalism the Gaelic revival and the Creation of the Irish Nation State. London : Allen and Unwin, 1987. 343 p.
16. Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Мистификация Манферсона / изд. подгот. Ю. Д. Левин ; отв. ред. М. П. Алексеев. Л. : Наука, 1983. 589 с.
17. Hull E. The Cuchullin Saga in Irish Literature: Being a Collection of Stories Relating to the Hero Cuchullin. London : D. Nutt, 1898. 416 p.
18. Hull E. The boys’ Cuchulain; Heroic legends of Ireland. New York : T. Y. Crowell, 1910. 31 p.
19. Hull E. Cuchulain: The hound of Ulster. London : G. G. Harrap, 1911. 300 p.
20. Кельтские мифы: Валлийские сказания; Ирландские сказания / сост. В. Харитонов. Екатеринбург : У-Фактория, 2006. 496 с.
21. The Ancient Irish Epic Tale Tain Bo Cualnge. London : D. Nutt, 1914. 444 p.
22. Meyer K. The Wooing of Emer: An Irish Hero-Tale of the 11th Century // The Archaeological Review I. London : David Nutt, 1888. P. 259–266.
23. O’Curry E. The Sick-bed of Cuchulainn and the Only Jealousy of Eimer. Dublin : Printed, J. F. Fowler, 1858. 27 p.
24. Windisch E., Stokes W. Irische texte. Leipzig : Verlag Von S. Hirzel, 1880. 886 p.

25. *De Jubainville H. A. Cours de litterature celtique* : in 12 vols. Paris : E. Thorin, 1892. Vol. 5. 386 p.
26. *Thurneysen R. A Grammar of Old Irish: Old Irish reader.* Dublin : Dublin Institute for Advanced Studies, 1949. 725 p.
27. *Yeats W. B. Cuchulain's Fight with the sea.* URL: <http://www.csun.edu/~hceng029/yeats/yeatspoems/CuchulainsFight> (дата обращения: 28.02.2022).
28. *Yeats W. B. On Baile's Strand // The King's Threshold: And On Baile's Strand* : in 3 vols. London : A. H. Bulen, 1904. Vol. 3. URL: <https://www.gutenberg.org/files/41102/41102-h/41102-h.htm> (дата обращения: 28.02.2022)
29. *Yeats W. B. The Green Helmet and Other Poems.* URL: <https://www.gutenberg.org/files/30488/30488-h/30488-h.htm> (дата обращения: 28.02.2022).
30. *Йейтс У. Б. Последняя ревность Эмер // Земля друидов, снов и струн. Поэмы, стихотворения, пьесы.* СПб. : Азбука, 2021. С. 285–297.
31. *Йейтс У. Б. Ястребиный источник // Земля друидов, снов и струн. Поэмы, стихотворения, пьесы.* СПб. : Азбука, 2021. С. 298–313.
32. *Кружков Г. М. У. Б. Йейтс. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 676 с.*

Поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 07.05.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 07.05.2022; accepted for publication 10.11.2022

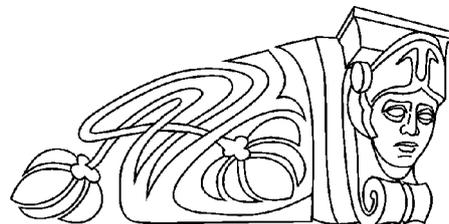

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 79–87
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 79–87
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-79-87>, EDN: XDTLKA

Научная статья
УДК 94(460+460.41)|1940/1942|

Фактор Канарского архипелага в контекстах пацификации франкистской Испании и гегемонистской конкуренции (1940–1942)

Д. М. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 41012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Денис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, krelenkden@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-1725>, Author ID: 356276

Аннотация. Данная статья посвящена демонстрации международных проблем начального периода Второй мировой войны, возникших вокруг статуса Гибралтара и Канарских островов. Испания сохраняла в войне военно-политический нейтралитет. Страны-участницы вооруженного конфликта (США, Великобритания, нацистская Германия) старались использовать принадлежащие Испании территории в своих интересах. В 1941–1942 гг. британское руководство разработало несколько вариантов захвата Канарских островов Соединенным Королевством. Рассматриваются операции «Горнист» (Bugler), «Чатни» (Chatney), «Пума» (Puma) и «Пилигрим» (Pilgrim); анализируются особенности этих проектов и причины, которые помешали их осуществлению. Внимание автора сосредоточено на различии позиций США и Великобритании относительно статуса Испании и Канар. Противоречия между союзными державами позволили Испании сохранить Канарский архипелаг. Формулируется вывод, согласно которому британская стратегия была порочной, потому что отвлекала крупные силы, необходимые на других фронтах мирового противостояния.

Ключевые слова: Вторая мировая война, испанский нейтралитет, Гибралтар, Канарские острова, Рузвельт, Черчилль, Франко, Гитлер

Для цитирования: Креленко Д. М. Фактор Канарского архипелага в контекстах пацификации франкистской Испании и гегемонистской конкуренции (1940–1942) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 79–87. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-79-87>, EDN: XDTLKA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The factor of the Canarian archipelago in the contexts of pacification Francoist Spain and hegemonic competition (1940–1942)

D. M. Krelenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis M. Krelenko, krelenkden@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-1725>, Author ID: 356276

Abstract. This article is devoted to highlighting the international problems of the initial period of World War II that arose around the status of Gibraltar and the Canary Islands. Spain maintained military-political neutrality in the war. The countries participating in the armed conflict (USA, Great Britain, Nazi Germany) tried to use the territories belonging to Spain to their advantage. In 1941–1942 the British leadership developed several options for subordinating the Canary Islands to the UK. The article deals with operations Bugler, Chatney, Puma and Pilgrim. The author analyzes the features of these projects and the reasons that did not allow them to be implemented. The attention is focused on the different positions of the USA and Great Britain on the status of Spain and the Canaries. The contradictions between the allied powers allowed Spain to save the Canary archipelago. The article concludes that the British strategy was flawed because it diverted large forces needed on other fronts of the world confrontation.

Keywords: World War II, Spanish neutrality, Gibraltar, Canary Islands, Roosevelt, Churchill, Franco, Hitler

For citation: Krelenko D. M. The factor of the Canarian archipelago in the contexts of pacification Francoist Spain and hegemonic competition (1940–1942). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 79–87 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-79-87>, EDN: XDTLKA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Характерная для начального периода Второй мировой войны напряженная обстановка вокруг стратегической британской позиции на Гибралтарской скале регулировалась не только силовым балансом на месте, но и положением в иных периферийных районах военно-политического противостояния. Планируя собственные акции против ключевого британского пункта в регионе или оценивая последствия чужих мероприятий, Ф. Франко должен был учитывать вероятные последствия, порожденные гневом Альбиона.

Наиболее вероятным объектом возмездия за попытку поменять статус «Скалы» являлись Канарские острова. Судьба архипелага зависела от воли адептов морской мощи, к каковым Испания, отнюдь, не относилась, в то время как наиболее вероятный английский противник, напротив, выступал эталоном. В Мадриде понимали неотвратимость размена значимых пунктов и верно оценивали последствия такого для национальной внутренней и внешней политики. Менять «шило на мыло» генералиссимус Франко считал занятием бесперспективным, потому всегда увязывал собственное и партнерское военное проектирование в адрес Гибралтара с необходимостью гарантий неприкосновенности Канар. Уже на этапе предварительного согласования нацистского плана «Феликс» испанские представители соотнесли акцию против «Скалы» с комплексом мер, необходимых для укрепления обороны архипелага. Данная позиция Испании была оглашена непосредственно на старте испано-германского диалога о совместных действиях в послании Франко Гитлеру от 3 июня 1940 г. [1, р. 121].

Реакция А. Гитлера оказалась невнятной. Полноценного комплекса оборонительных мероприятий Берлин не предложил и тем самым резко ослабил заинтересованность потенциального союзника в единстве антибританских начинаний. Франко начал закономерный саботаж германских намерений, предпочитая действовать лишь по собственному усмотрению и наверняка. Проблема, однако, усугубилась иным обстоятельством. Канары были настолько лакомой добычей, что перманентно существовала вероятность упреждающих действий англичан против архипелага. Исторические прецеденты британской заинтересованности островной грядой имелись и закономерно настораживали Мадрид. Как следствие началась слаженная военно-политическая игра, приведшая в итоге к сохранению статуса Испании во Второй мировой войне.

Данная статья посвящена британским замыслам в отношении Канар в контексте событий крупнейшего конфликта мировой истории.

В годы былого величия гордый Альбион реагировал на любые попытки испанцев укрепить окрестности Гибралтара решительно и жестко. Когда во время испано-американской войны

1898 г. английские наблюдатели зафиксировали строительные работы по возведению вблизи Альхесираса единственной новой береговой батареи, Лондон немедленно отреагировал запросом о причинах столь агрессивного шага. Испанское правительство вежливо пояснило, что намеривается обезопасить ключевые пункты национального побережья от поползновений американцев, для чего реализует комплекс стандартных военных мер, возводя укрепления на собственной суверенной территории. Соответствующий министр указал, что мера носит вынужденный характер, коль скоро Испания только что утратила потребные для обеспечения целостности элементы морской мощи и теперь возлагает надежды на сугубо оборонительные средства прикрытия побережья. Ответив таким образом, министр Х. Санчес-и-Гутьеррес герцог Альмодовар полагал вопрос исчерпанным, но ошибся. Британские стервятники сразу усмотрели в инциденте повод для соучастия в разделе наследства терпящей поражения от США Испании. Мадриду оперативно предложили свернуть военные приготовления, срыть возведенное и опереться в деле защиты уязвимых пунктов на британский авторитет [2, с. 32].

Затем, спустя время, англичане, не мудрствуя лукаво и спеша управиться до подписания Парижского мира, предложили партнерам обеспечить на основе постоянного военного присутствия безопасность Альхесирасской бухты, а заодно Балеарских и Канарских островов. За обеспечение обороноспособности англичане просили подписать договор о союзе, разрешить вербовку солдат на испанской территории и попутно не строить оборонительных сооружений ближе 13 км от Гибралтара [2, с. 45]. Одновременно компетентные туристы-квартиреры начали демонстративно проявлять интерес к достопримечательностям и инфраструктурным особенностям испанского африканского анклава в Сеуте.

Изумившись настойчивому предложению превратить страну в протекторат, мадридское правительство попыталось привлечь к происходящему внимание прочих участников европейского концерта. Оно свернуло чреватую бедой строительную деятельность на побережьях и попыталось дипломатично уклониться от предложенной помощи. Однако последнее ввиду отвлеченности прочих субъектов международных отношений от собственных проблем и снизившегося внимания «мореплавателей» к вопросам испанской фортификации, получалось с большим трудом. Желание поживиться за счет разбитых американцами «в пух и прах» незадачливых фортификаторов оставило британский кабинет лишь в следующем 1899 г., когда всемерно униженный Мадрид полностью удовлетворил

потенциального протектора по всем вспомогательным пунктам, включая обновленный контур безопасности для Гибралтарской скалы. Переведя дух и решив, что дешево отделались, в Мадриде тем не менее усвоили британскую империалистическую аксиому, в соответствии с которой судьба «Скалы» теснейшим образом переплеталась с вопросом о принадлежности двух важных для испанской национальной самоидентификации архипелагов, а также остальных заморских владений.

На рубеже 30–40 гг. XX в. одряхлевшая, в одиночку ведущая тяжелую войну и вследствие этого попавшая под опеку США, Британская империя была вынуждена терпимее относиться к поведению сопредельных сторон на подступах к «Скале» в иных местах, но не избавилась от влечения к чужим, но значимым в контексте морской стратегии пунктам. Пробный шар был запущен 16 апреля 1940 г., когда Королевский флот и батальон морской пехоты поменяли юрисдикцию Фарерских островов, экстренно изъятых у сдавшихся нацистам датчан [3, р. 17].

Утром 10 мая 1940 г. «мореплаватели» провернули бескровную операцию по захвату Исландии [4, р. 114]. По итогам гитлеровцы-агрессоры получили контроль над Данией и ответственность за пропитание взыскательных местных потребителей, привыкших к завезенным деликатесам и сырью для экономики метрополии, но лишились ключевого ресурсного источника. Тем временем рациональные англичане «обеспечили безопасность» немногочисленных, но трудолюбивых исландских островитян, чей рыболовецкий промысел создавал крайне полезные в военное время товарные излишки. Война в формате, позволяющем совместить приятное (стратегическая важность острова в Североатлантической акватории) с полезным (избыток промыслового продукта, добываемого вдали от угроз, создаваемых противником), вселяла в «мореплавателей» оптимизм и уверенность в завтрашнем дне. Однако именно эти обстоятельства, укреплявшие ветшающую империю гегемона, не только бесили гитлеровцев, но и обеспокоили американских опекунов-ликвидаторов. В результате примеряющий роль строгого, но справедливого куратора демократий, последовательный противник чужого и старомодного империализма Ф. Рузвельт попросил недавно приступившего к исполнению премьерских обязанностей У. Черчилля более не дискредитировать формирующийся союз захватами самопровозглашенных стран и как можно скорее передать Исландию нейтральным и мало причастным к эксцессам империализма американцам, «невзначай» овладевшим датской Гренландией. Для контроля над обстановкой в Рейкьявик отправился наделенный широкими интендантскими полномочиями американский

консул, аккредитованный при самостоятельном исландском правительстве, добывший у автохтонов просьбу о нейтральной опеке силами США [5, р. 46].

По прошествии времени англичан и все уведомили о смене караула и назначении на остров американского гарнизона. Вариантов у Черчилля не было и пришлось уступить, тем более, что войска требовались в других районах теряющей устойчивость империи.

Первый неудачный опыт не обескуражил эталонного империалиста Черчилля, хорошо осведомленного о наличии на планете великого множества других любопытных пунктов, расположенных в более ласковых водах и имевших не меньшее значение для политики и стратегии Великобритании, нежели приполярный спорный пункт и база снабжения в Исландии.

Неспешно, но неотвратимо разворачивающаяся по мере роста германских сил битва за Атлантику настоятельно требовала внимания к южным пространствам задействованной акватории. Экваториальные воды, омывающие западную часть африканского континента, летом 1940 г. приобрели не просто стратегическое, а геополитическое значение. Вступление в войну Италии перерезало средиземноморскую артерию британской империи и обусловило активизацию кругоафриканского маршрута: индийские порты – Кейптаун Сьерра-Леоне – Гибралтар – британские порты западного побережья. В абсолютных цифрах объем грузоперевозок формирующегося англо-саксонского партнерства, осуществляемых данным путем, составлял примерно 21–23% от общего объема перемещенных в Британию ресурсов [6, с. 109]. Однако эта неполная четверть являлась, безусловно, британской и позволяла англичанам сохранять высокий удельный вес и субъектную роль в составе зреющей коалиции. Защищать столь важные факторы следовало надежно, но не забывая при этом об экономии более чем когда-либо ограниченных сил и средств. В данном контексте особую ценность обретали нечастые островные гряды, как назло, принадлежавшие не особенно лояльным иберийцам. При наличных средствах вооруженной борьбы контроль над Азорами, Мадейрой, Канарами и островами Зеленого Мыса означал формирование безопасного и экономного с точки зрения задействованных сил коридора для суверенной четверти имперских перевозок. Утрата контроля и переход такового к противнику влекли катастрофу, как минимум, для обособывающейся существования империи океанской логистики.

Долго и подчас эффективно проработавший морским министром У. Черчилль знал аксиомы морской войны и уделял вулканическим архипелагам должное внимание. Переживая бифуркационный момент Второй мировой, только что избавивший Атлантику от наваждения

«Бисмарка», Черчилль 29 мая 1941 г. соблазнял Рузвельта свежими планами. Премьер писал следующее: «Сейчас Гитлер в любое время может получить испанские или французские воздушные базы на юге Испании или в Северной Африке и тем самым лишить наш флот возможности пользоваться гаванью Гибралтара. Когда это случится, а мы уверены в том, что это случится, мы направим наши экспедиционные силы, которые давно подготовлены и находятся возле кораблей для захвата Канарских островов, Зеленого Мыса и одного из Азорских островов. Кодовые наименования этих трех операций мы сообщим телеграммой отдельно...» [7, с. 170]. Далее «бывший военный моряк» извещал президента, что будет рад американскому соучастию в акциях на островах и в Дакаре, но, видимо, переборщил с откровенностью. Рузвельт, сам когда-то «состоявший по морской части» в воюющей команде Белого дома, неплохо разбирался в морской стратегии и наверняка обратил внимание на оговорку о том, что Гитлер может парализовать Гибралтар сейчас, а английские войска находятся близ кораблей «давно». Не забывая о приоритетном «бесноватом» противнике, Рузвельт всегда держал в уме главного, исторически обусловленного врага, чей руководитель любил сигары и коньяк. Потому, не желая усиления позиций британских империалистов, президент убедительно попросил доблестного союзника повременить с Азорами и прочим португальским достоянием до исчерпания дипломатических мер воздействия на Лиссабон. Однако, умерив пыл англичан по поводу ключевой азорской позиции, президент США не счел нужным отговаривать партнеров от акций против испанских владений. В результате британские замыслы в адрес потенциального партнера стран оси прогрессировали без ограничений и обретали конкретные формы.

Черчилль не кривил душой, когда уведомил заокеанского партнера о давней готовности к захвату Канарских островов. Впервые распоряжение о планировании соответствующих операций «британский бульдог» отдал 13 апреля 1940 г., будучи еще Первым лордом Адмиралтейства [8, р. 1047]. Интересно, что на данном этапе внезапное выступление Испании на стороне нацистов было маловероятным, а следовательно, операции против Канар, Сеуты и прочих уязвимых пунктов иберийцев носили превентивный характер.

Отвечая на инициативу стремительно шагавшего по карьерной лестнице потомка Мальборо, Комитет начальников штабов презентовал разработку, подразумевавшую удар в сердце Канарского архипелага, безусловно, находившегося на о. Гран-Канария. Выбор данного острова в качестве приоритетного объекта для сил вторжения обосновывался следующими обстоятельствами. Во-первых, размещавшийся именно

на этом острове порт Ла-Лус располагал самой обширной и глубоководной гаванью среди всех прочих аналогичных пунктов Иберийских архипелагов и западного побережья Африки. В акватории Ла-Луса могли базироваться и безопасно маневрировать даже линкоры и авианосцы. Во-вторых, портовое хозяйство морских ворот Гран-Канарии по праву считалось наиболее оснащенной среди портов упомянутой зоны и по ряду параметров превосходило возможности Гибралтара. Следовательно, при должной оперативности, исключавшей разрушение портовой инфраструктуры, британские десантники могли овладеть действующей военно-морской базой, пригодной для обслуживания мощных корабельных соединений и организации бесперебойного грузооборота в данной части Атлантики. Причем, квалифицированный портовый персонал имелся в наличии и при грамотной оккупационной политике мог незамедлительно использоваться в британских интересах.

Несколько южнее лучшего в регионе портового терминала располагался аэродром Гандо, имевший самую длинную взлетно-посадочную полосу на архипелаге. Благоприятным для десанта являлось то обстоятельство, что аэродромные сооружения и полоса находились буквально в нескольких сотнях метров от береговой линии с подходящим пляжем и могли сменить хозяина через несколько минут после успешной высадки. При таком положении вещей оперативность перехвата инициативы в воздухе, а значит повсеместный успех вторгавшихся практически гарантировались.

Вообще восточный берег потухшего вулкана Гран-Канарии в отличие от западного представлял из себя эталонный и даже уютный полигон для амфибийных операций, изобилуя протяженными пологими пляжами с разным типом грунта, перманентно теплой водой и приемлемой величиной приливов и отливов. В совокупности данные обстоятельства сулили успех и высокий темп достаточно подготовленного вторжения, сдержать которое могла лишь упорная и поддержанная должной материальной базой оборона испанцев. Между тем никаких предпосылок для эффективной обороны на острове не имелось. Предшествующие правительства Испании единодушно полагали, что лучшей защитой архипелага являются добрая воля великих держав и польза, извлекаемая иностранными бенифициарами из бесперебойной работы открытого для всех перевалочного пункта. Подобный идеализм привел к тому, что укрепления Гран-Канарии последний раз ограничительно соответствовали назначению в период Испано-американской войны 1898 г. и с тех пор почти не совершенствовались. Будучи извещенными о подобном обстоятельстве, англичане полагали испанское сопротивление меньшим

из препятствий на пути к овладению центром стратегической позиции.

Прочие острова архипелага, включая даже Тенерифе, ценности не представляли и угроз не несли. Обеспечив господство в воздухе и на море, можно было отложить овладение соседними фрагментами суши до подходящих времен. Зато после аннексии архипелага на Гран-Канарии формировалась универсальная база, превосходящая Гибралтар по таким параметрам как размер полезного пространства, площадь контролируемой акватории, упрощенная оборона и самообеспечение гарнизона продовольствием и отчасти пресной водой. Упускать такой лакомый кусок было не в обычаях обитателей Туманного Альбиона, поэтому Комитет начальников штабов при военном кабинете без устали составлял аннексионистские планы разной степени мотивированности и реализуемости.

Первый и наименее известный, вероятно, в силу превентивного характера действий проект получил кодовое наименование «Bugler» («Горнист») [9, р. 457]. План операции был представлен весной 1940 г. и отличался явной провокативностью, предвосхищая любые риски, способные возникнуть для англичан с испанской стороны. Именно превентивность проекта, способного дискредитировать усилия «демократий», привела к его отсрочке. Кроме того, на данном этапе у англичан напрочь отсутствовали инструменты для реализации амфибийных операций. Помимо этого, Лондон все еще определялся относительно приоритетности атлантических архипелагов, отдавая временное предпочтение португальским Азорам. Вследствие перечисленного «Горнист» не стал поводом для формирования соответствующего контингента и постановки задач, оставшись примером штабного бумажного творчества.

Летом 1940 г. существенные изменения претерпела не только военно-стратегическая и политическая обстановка на планете. Оставшись в одиночестве, Британская империя стала абсолютно зависима от американской помощи и как никогда склонна соответствовать пожеланиям Вашингтона относительно имиджа и параметров военного планирования. Ради улучшения репутации правительство его величества 22 июля 1940 г. обязало военных проводить активные наступательные операции лишь в ответ на состоявшиеся действия противников империи [10, р. 432]. Тем самым военных ограничили в осуществлении упреждающих действий по исландскому сценарию. Кроме того, акции против португальских владений стали окончательной прерогативой США. Комитет начальников штабов данной невоюющей державы определил необходимость перевода архипелага под американский контроль в качестве плацдарма для проекции силы в направлении Европы и Северной Африки. Был составлен соответствующий

«Серый» план со сроком реализации в июне 1941 г., подразумевавший силовой захват Азор американским контингентом, о чем англичан просто поставили в известность [11, р. 49–50]. Пораженный но не сломленный премьер применил контрприем. Он оповестил Вашингтон об англо-португальских консультациях, инициированных в начале марта 1941 г. миссией полковника Баррос-Родригеса [12, р. 85]. В ходе зондажа эмиссары А. Оливейры Салазара упомянули Азоры как укрытие лиссабонского правительства в случае гитлеровской агрессии на полуострове и назвали британцев вероятными защитниками данного пристанища [10, р. 433]. Таким образом, планирование военной операции в направлении Азор утратило смысл, ибо вторжение туда, куда могут пригласить, выглядело несколько нелепо. Политический маневр британского бульдога strenuously определен судьбы азорского приза, но сами англичане отныне не смели посягать на приглянувшийся партнеру архипелаг. По неволе пришлось вынашивать замыслы а также концентрировать силы и средства преимущественно против испанцев.

Конкретизировавшаяся цель и растущие возможности вооруженных сил Соединенного Королевства позволили приступить к формированию контингента, нацеленного на Канары и иные привлекательные пункты, принадлежащие Испании. Весной 1941 г. частично на Британских островах, а частично на западе Африки в Сьерра-Леоне в готовности к действиям было сосредоточено до 5 тыс. чел. личного состава частей командос, морской и линейной пехоты, более или менее обученных азам амфибийных действий. В окрестностях африканского Фритауна, избранных исходным рубежом операции, развертывались лагеря, куда накануне событий надлежало прибыть из Англии основному составу десанта. Окончательной концентрации сил на исходных позициях, ближайших к цели, теперь мешали лишь неопределенность обстановки вокруг Испании и эпидемиологическая опасность, проистекавшая из жестких природно-климатических условий на избранном плацдарме [13, р. 52–54].

Сложилась крайне неприятная для англичан двусмысленная ситуация. Испанская пассивность, не создававшая поводов для вторжения, и угроза растерять контингент под воздействием малярии тормозили операцию, но выделенные силы оставались скованными относительно других направлений, где британские дела шли далеко не блестяще. Взятые обязательства по отказу от превентивных действий, продиктованные хитрым американским морализаторством, препятствовали целенаправленным военным усилиям Великобритании и мешали эффективно использовать наличные силы. Впрочем, дополнительными факторами, ослабляющими

решительность Черчилля, выступали личный негативный опыт, почерпнутый в Дарданеллах и случившаяся накануне дакарская неудача. События 23–25 сентября 1940 г. во Французском Сенегале продемонстрировали, что безусловная удача десантам сопутствует лишь при отсутствии сопротивления, как в Исландии, но, если атакуемые решаются противодействовать, случаются досадные казусы.

Авторитетные мнения соратников, как водится, разделились. К активности подталкивали моряки, рассчитывающие сэкономить силы за счет улучшения системы базирования флота, и старый приятель Роджер Кейс, возглавлявший силы комбинированных операций [14]. Адмирал Кейс, прославленный в прошлой войне дерзкими набегами на Зеебрюгге-Остенде, желая тряхнуть стариной, всячески торопил кабинет, подчеркивая, что отказ от инициативных действий приведет к опозданию и утрате возможности овладеть Канарами. До марта 1941 г. Черчилль держался, соблюдая реноме, но позже деградация обстановки в Средиземноморье и Атлантике подвигла премьера к реализации планов, сулящих любые реабилитирующие успехи. Весной 1941 г. овладение иберийскими островами считалось настолько насущной задачей, что данные намерения нашли отражение в нобелевском литературном труде У. Черчилля [15, р. 81].

В тот момент основным руководящим документом являлся деноминированный 27 марта 1941 г. из «Горниста» проект «Chutney», поименованный в честь пряного соуса, характерного для индийской гастрономии [16].

Замысел операции основывался на внезапности. В подходящую ночь, следующую за чьей-либо акцией против Гибралтара, силы, эквивалентные двум пехотным бригадам на 4-х быстроходных транспортах в сопровождении авианосца, одного–двух крейсеров и соответствующего количества кораблей экспорта выдвигались в район Гран-Канарии [17, р. 109]. Затем авиагруппа авианосца бомбила Гандо и аэродром Лос Родео на Тенерифе и переключалась на позиции выявленных береговых батарей на восточном берегу Гран-Канарии. Далее на пляжах у Гандо и Аринаги высаживались командос и пехота, брали намеченный аэродром и, приступив к его эксплуатации под прикрытием оснащенной «Харрикейнами» 232-й истребительной эскадрильи, прибывающей с гамбийской базы Батерст, десант выдвигался на север к Лас Пальмасу [18]. Через 48 ч город и порт Ла Лус, по расчетам Комитета начальников штабов, перешли к англичанам, и распланированная часть операции победоносно завершалась.

Претворению «Чатни» в жизнь помешали два обстоятельства. Во-первых, апрель 1941 г. знаменовался возобновлением интенсивных

действий субмарин в акватории, разделяющей исходные позиции и канарский архипелаг [6, р. 184]. Во-вторых, план задействовать всего 5 тыс. десантников не отвечал новым реалиям испанской обороны, выстроенной на островах. Англичане имели в интересующем их районе качественных информаторов, трудившихся сразу в двух консульствах на Тенерифе и Гран-Канарии, а также в многочисленных коммерческих фирмах, связанных с туристической и транзитом грузов. Богатая агентурная сеть, с одной стороны, подбадривала командование сообщениями о проанглийских симпатиях канарских аборигенов, а с другой, сообщала о целенаправленных мерах властей по повышению обороноспособности островов [19, р. 524].

Донесения свидетельствовали о необходимости значительно усилить контингент вторжения и ускорить захват портовых сооружений Ла Лус во избежание разрушения таковых защитниками Гран-Канарии. В апреле 1941 г. канарский проект в очередной раз переименовали, присвоив плану код «Puma» [10, р. 433]. Новая редакция плана учитывала возможности вероятного противника, и наряд британских сил возрос до 10–11 тыс. бойцов, объединенных в специальную структуру «Force 110» («Соединение 110»), отданную под командование «временному» генерал-майору Роберту Стерджесу, ранее руководившему захватом Исландии [17, р. 111]. То ли прибывая в уверенности, что Гитлер с минуты на минуту подвигнет Франко к войне, либо сам вторгнется на Иберийский полуостров, то ли решив пренебречь формальным поводом к желательной экспансии, англичане начали переброску на африканский плацдарм выделенных сил.

Интересно, что «Пума» в очередной и последний раз выступала лишь звеном в цепи английских атак на весь массив атлантических островов, а заодно и марокканскую цитадель Испании в Сеуте. Согласовать подобный шаг с США было трудно, ибо Азоры и Кабо-Верде американцы относили к своей зоне влияния столь очевидно, что это поняли даже в лагере противника [20, с. 433]. Графики выдвижения сорвал «Атлантический кризис» [5, р. 110–116]. Обстановка мая 1941 г. абсолютно не располагала к осуществлению масштабных войсковых перевозок.

«Пума» забуксовала, и завершить выдвижение на плацдарм можно было в июне 1941 г., когда стратегическая картина мира кардинально видоизменялась. Отныне и впредь инициативы нацистов на всех направлениях, кроме восточноевропейского, полностью сковывались дефицитом ресурсов и воли. Планы «Феликс»–«Генрих» еще модернизировались ради предания штабной деятельности видимости работы на перспективу, но практического наполнения созданные проекты более не имели. Теперь на повестке дня

скорее стояло претворение инспирированной Гитлером в апреле и утвержденной 4 мая директивы «Изабелла», призванной не допустить британского вторжения на Иберийский полуостров [20, р. 500].

Испанский генералиссимус, тоже смекнувший, что к чему, пообещал Гитлеру миллионы испанских сподвижников, но, отправив 17 тыс. самых рьяных поборников «нового порядка», на этом свернул политическую активность, ожидая прояснения обстановки. И без того эвентуальные с ноября 1940 г. угрозы Гибралтару теперь и вовсе приобрели гротескный характер. Однако британское планирование по поводу иберийских архипелагов, призванных заместить «Скалу», которую никто не спешил отторгать, отнюдь не прервалось, а, напротив, обрело недостающую ранее масштабность, оперативный лоск и безапелляционное американское одобрение. На этот раз британские проектировщики старались за двоих, поскольку планировали удар объединенных англо-американских сил, адресованный Канарам и Азорам одновременно [21, р. 128].

Получив свободу рук и возможность вольготнее распоряжаться резервами, англичане в сентябре 1941 г. спроектировали операцию «Pilgrim» [22, р. 792]. На сегодняшний день это единственная, имеющаяся в открытом доступе директива относительно атлантических островов, где на восьми страницах без оперативных подробностей изложен общий план операции против Гран-Канарии и перечислены ответственные лица вместе с перечнем привлекаемых сил [23]. Всего в состав «Соединения 110», сведенного под руководством генерал-лейтенанта Г. Александера, входило порядка 24 тыс. военнослужащих из канадской пехотной дивизии, 1-й английской гвардейской бригады, двух бригад английской морской пехоты и шести отдельных групп командос численностью до батальона каждая. Для транспортировки экспедиции было выделено 14 транспортов, среди которых в отличие от предыдущих планов имелись тихоходные суда и упоминаемые в документе танкодесантные корабли типа «Моракайбо».

Охранение и поддержку с моря осуществляло специально собранное «Соединение Р» («Fogse R») под командованием контр-адмирала Л. Гамильтона. Состав эскадры в документе не уточнен, ибо, вероятно, зависел от текущей оперативной обстановки, но в тексте упоминается о размещении 232-й эскадрильи Королевских ВВС на авианосцах с номерами «3» и «4» в общем порядке. Таким образом, к «Пилигриму» привлекались как минимум 2 корабля данного класса. Комментатор документа в сети полагает, что речь идет сразу о 4-х авианосцах, задействованных у Гран Канарии [23]. Но гораздо вероятнее, что предыдущие номера выделялись

под флагманский линкор и судно управления высадкой, либо нумерация плавучих аэродромов имела в основе общую группировку союзников, выделенную для синхронного удара по Канарам и Азорам. В любом случае привлечение к операции сразу двух авианосцев свидетельствует о серьезности британских намерений в отношении Канар. Впрочем, учитывая ограниченные возможности британских авиагрупп палубного базирования, упомянутый наряд сил, принимая во внимание рассредоточенность целей, следует считать только достаточным. Кроме авианосцев, под флагом Гамильтона планировалось собрать линкор, 2 крейсера, 11 эсминцев, 6 тральщиков, субмарину, призванную сыграть роль маяка при разворачивании соединения и еще 10 вспомогательных кораблей и судов [16].

Состав впечатляющей армады контрастировал с компактным отрядом, характеризующим стремительную «Пуму», и свидетельствовал о ставке, сделанной на безусловное превосходство над противником в силах и средствах. Интересно, что, оценив состав «Соединения Р», некая светлая голова в Комитете начальников штабов сочла, что простая демонстрация собранных сил может подвигнуть испанцев к капитуляции. Так, в 1941 г. появился на свет декабрьский план «Breezy» («Бриз»), подразумевавший захват Канар исключительно посредством морального давления [9, р. 458]. Экзотический замысел, дискредитированный событиями недалекого прошлого в Дарданеллах и свежайшими в Дакаре, впрочем, остался без реализации, тогда как «Пилигрим» в 1941 г. совершенствовался и готовился к осуществлению.

Существенный рост задействованных ресурсов позволял не использовать все силы в первом броске, а организовать вторую волну. В случае, если силам, захватившим Гандо, не удавалось за день овладеть городом Лас Пальмас, ночью следовал повторный десант непосредственно на волноломы терминала. Так, появлялся шанс захвата неповрежденного оборудования будущей морской базы. Закончить дело предполагалось утром дня «D-2», когда оттесненным на восточный склон вулкана испанцам надлежало сдать. Варианты с продолжением сопротивления или краткосрочной партизанской борьбой на компактном острове, лишенном природных запасов пресной воды и живущем за счет работы портовых опреснителей, англичанами не рассматривались. А вот начать операцию следовало сугубо по-английски. В разделе «policy» на первом листе документа красовался тезис, поясняющий, что к началу акции состояния войны между Соединенным Королевством и Испанией может не существовать, при этом инструкция предписывала ожидать серьезное сопротивление ошеломленного противника [23]. Именно этот второй политический

пункт, вскрывавший британские намерения за-получить контроль за логистическим центром региона вне зависимости от поведения прежних хозяев, как раз и привел к отказу от исполнения вполне реализуемого плана. Параметры подписанной 14 августа 1941 г. Атлантической хартии препятствовали подобным начинаниям. Скрепя сердце, подписавший хартию Черчилль, нуждавшийся в американской опеке, поставил крест на любых планах немотивированных мер по совершенствованию своей классической империи. Рузвельт прямо указал, что его новый империализм воспрещает методы XVIII в., отверженцами которых выставляли себя англичане [24, с. 52]. Какое-то время разработка по операции развивалась, но, поскольку Рузвельт был бдителен, а Франко благоразумен, «Пилигрим» постепенно угасал, превращаясь в классическую штабную разработку для купирования маловероятных угроз. Официально проект отменили лишь 31 января 1942 г., когда руководящим планом стал англо-американский «Adroit» («Ловкач»), подразумевавший высадку на острова лишь в рамках защиты иберийских государств от нацистской агрессии [25]. Франкистская Испания в подобной ситуации трактовалась как союзник.

На основании вышеизложенного следует констатировать, что на протяжении второй половины 1940-го и всего 1941-го годов невоюющая Испания оказывала реальное воздействие на военно-политическую обстановку, возникшую в ходе мирового конфликта. В указанный период значительные контингенты британских сил были скованы миражом вероятной канарской операции [26, р. 180]. Сводная группировка частей командос численностью от дивизии до корпуса, управляемая Командованием Сил Комбинированных Операций, простаивала, не оказывая какого-либо воздействия на ключевые для Британии ТВД [17, р. 111]. Контингент, способный откорректировать ход событий на Крите или создать нестерпимое для нацистов напряжение вдоль побережья оккупированной Европы, полностью бездействовал в ожидании неосуществимой цели. Осуществлению иллюзорных замыслов английского командования на первом этапе в период между октябрём 1940-го и маем 1941-го препятствовали германские операции в Атлантике и дефицит наличных средств. Позже руки имперского руководства оказались связанными позицией ключевого союзника Великобритании. Администрация США в условиях наметившейся конкуренции между классическим британским империализмом и американским неокOLONИализмом выступала против немотивированной испанскими либо нацистскими действиями акции против Канар. В таких условиях осторожная линия поведения Мадрида отменила английские проекты

и сделала бессмысленной существование пассивной группировки, объединявшей наиболее боеспособные части британских вооруженных сил. Осознание англичанами данного факта сильно запоздало и последовало лишь весной 1942 г., когда часть накопленного контингента вопреки первоначальным намерениям была задействована на Мадагаскаре в ходе операции «Броненосец».

Список литературы

1. *Suarez Fernandes L.* Francisco Franco y su tiempo: Fundacion Nacional Francisco Franco : in 8 vols. Vol. 3. Madrid : Azor, 1984. 460 p.
2. Испано-британский конфликт 1898–1899 // Красный архив. 1933. Т. 5 (60). С. 3–60.
3. *Rohwer J., Hummelchen G.* Chronology of the War at Sea 1939–1945. Annapolis : Naval institute Press, 1992. 432 p.
4. *Bertke D. A., Kindell D., Smith G.* World War II Sea War : in 2 vols. Vol. 2 : France Falls, Britain Stands Alone. Dayton : Bertke Publications, 2009. 527 p.
5. *Conn S., Fairchild B.* United States army in World War II. The Western Hemisphere. The framework of Hemisphere Defense. Washington : Center of military history, 1989. 470 p.
6. Блокада и контрблокада / под ред. В. П. Боголепова. М. : Наука, 1966. 767 с.
7. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / под ред. Ф. Лоуэнхейна, Г. Ленгли, М. Джонаса. М. : Terra, 1995. 800 с.
8. *Gilbert M.* The Churehill War Papers. At the Admiralty : in 3 vols. Vol. I : September 1939 – may 1940. New York : Norton, 1993. 1370 p.
9. *Diaz Benitez J.* La defense de la Palma durante la Segunda Guerra Mundial // Anuario de Estudios Atlanticos. 2014. № 60. P. 451–463.
10. *Butler J.* Grand Strategy : in 6 vols. Vol. 2. London : Her Majesty's Stationery Office, 1957. 603 p.
11. *Matloff M., Snell E. M.* Strategic Planning for Coalition Warfare: 1941–1942. Washington : Center of military history, United states army, 1999. 454 p.
12. *Warner G.* Atlantic Linchpin. The Azores in Two World Wars. Barnsley : Seaforth Publishing, 2021. 160 p.
13. *Dunning J.* The Fighting Fourth. Commando at War 1940–45. London : The History Press, 2010. 224 p.
14. *St. John-McAlister M.* The Keyes Papers at the British Library // Electronic British Library Journal. 2007. Article 5. P. 1–5. URL: <https://bl.iro.bl.uk/concern/articles/d79945cd-73a1-4d52-a11c-73e52afbfa48?locale=en> (дата обращения: 25.09.2021).
15. *Черчилль У.* Вторая мировая война : в 6 т. Т. 3–4. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 734 с.
16. *Diaz Benitez J.* Los proyectos británicos para ocupar las islas atlánticas durante la no beligerancia española (1940–1943) // Hispania Nova. Revista electrynica de Historia Contemporánea. 2013. № 11. P. 93–120. URL: <http://hispanianova.rediris.es> (27.09.2021).

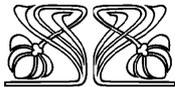
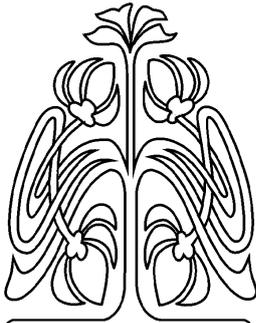

17. *Manrique Garsia J.* Canarias; en el ojo del Huracan // Revista Española Militar. Valladolid : Alcañiz Fresno's, 2002. Septiembre. № 27. P. 109–117.
18. *Rickard J.* No. 232 Squadron (RAF): Second World War. URL: http://www.historyofwar.org/air/units/RAF/232_wwII.html (дата обращения: 17.09.2021).
19. *Garcia Cabrera M., Diaz Benitez J.* Organización y contenidos de la propaganda de guerra británica en Canarias durante la Segunda Guerra Mundial // *Vegueta. Anuario de la Facultad de Geografía e Historia.* 2019. № 19. P. 520–540.
20. *Гальдер Ф.* Военный дневник: в 3 т. Т. 2. М. : Военное издательство Министерства обороны, 1969. 628 с.
21. *Butler L. R. M.* Grand strategy : in 6 vols. Vol. 3 : June 1941 – August 1942. London : Her Majesty's Stationery Office, 1964. 401 p.
22. *Ordovás Barro A.* Operation Pilgrim, el plan militar británico para capturar Gran Canaria, 1941 // *Revista General de Marina.* 2015. № 6. P. 787–797.
23. Operation Pilgrim. URL: <http://ww2talk.com/index.php?threads/operation-pilgrim.19110/> (дата обращения: 21.08.2021).
24. *Рузвельт Э.* Его глазами. М. : Издательство иностранной литературы, 1947. 254 с.
25. Operation Adroit. URL: <https://codenames.info/operation/adroit/> (дата обращения: 21.09.2021).
26. *Crossley J.* Churchill's Admiral in Two World Wars: Admiral of the Fleet Lord Keyes of Zeebrugge & Dover GCB KCVO CMG DSO. Barnsley : Pen and Sword Books, 2020. 224 p.

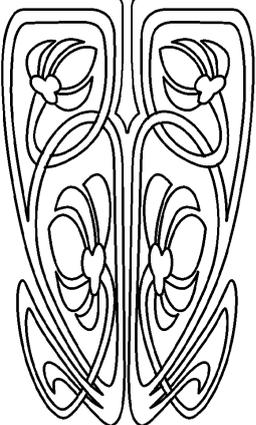
Поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 10.11.2022

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 88–100

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 88–100

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-88-100>, EDN: TYCRWM

Научная статья

УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929Нелединский

Воевода Саратова Василий Васильевич Нелединский (1655–1657)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена подробная биография воеводы Саратова Василия Васильевича Нелединского. Этот служилый человек по отечеству в юные годы стал жильцом при дворе Михаила Романова, а через 20 лет был переведен в московские дворяне. Первое воеводское назначение он получил в Кетский острог в Сибири, затем участвовал в подавлении восстания в Новгороде и Пскове, служил воеводой в Рылъске. В начале русско-польской войны в 1654 г. Василий Нелединский сражался на северо-западном направлении в полку боярина В. П. Шереметева, а в 1655 г. был отправлен воеводой в Саратов. Особое внимание в статье уделено именно саратовской службе В. В. Нелединского.

Ключевые слова: Смутное время, сибирские воеводы, Печатный приказ, дьяк, Костромская четверть, боярские списки, Саратов, родословные росписи

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Саратова Василий Васильевич Нелединский (1655–1657) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 88–100. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-88-100>, EDN: TYCRWM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Governor of Saratov Vasily Vasilevich Neledinsky (1655–1657)

Ya. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Abstract. The article for the first time presents a detailed biography of the governor of Saratov, Vasily Vasilevich Neledinsky. This serviceman from the fatherland in his youth became a tenant at the court of Mikhail Romanov, and after 20 years he was transferred to the Moscow nobles. He received his first voivodship appointment in the Ket prison in Siberia, then participated in the suppression of the uprising in Novgorod and Pskov, and served as governor in Rylsk. At the beginning of the Russian-Polish war in 1654, Vasily Neledinsky fought in the north-western direction in the regiment of the boyar V. P. Sheremetev, and in 1655 was sent as governor to Saratov. Particular attention in the article is paid to the Saratov service of V. V. Neledinsky.

Keywords: Time of Troubles, Siberian governors, Printed order, clerk, Kostroma quarter, boyar lists, Saratov, genealogical paintings

For citation: Rabinovich Ya. N. Governor of Saratov Vasily Vasilyevich Neledinsky (1655–1657). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 88–100 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-88-100>, EDN: TYCRWM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Воевода Саратова Василий Нелединский впервые стал известен местным краеведам благодаря А. А. Голомбиевскому, который привел его имя («Вас. Нелединский») в своей критической статье на труд местного «любителя старины» А. И. Шахматова [1, с. 212; 2]. Отчество Нелединского указано Голомбиевским не было, поэтому в труде Ф. Ф. Чекалина и в Саратовской летописи этот воевода и упоминается так кратко «В. Нелединский» [3, с. 80; 4, с. 27]. О саратовском периоде жизни воеводы Василия Нелединского мы узнаем из документов Печатного приказа, опубликованных А. А. Голомбиевским [5]. Однако в них отсутствует отчество воеводы Нелединского, поэтому исследователь в начале своего труда, где поместил список воевод Саратова за период 1650–1675 гг., указал только его имя и не рассматривал его биографию (это не было целью его труда).

Однако Василию Нелединскому и всем, кто занимается изучением его биографии, «повезло». Сохранилась родословная роспись Нелединских, поданная в Палату родословных дел 20 декабря 1686 г. стольником Степаном Петровым сыном Нелединским. В отличие от большинства родословных росписей здесь приводится довольно подробная биография Василия Нелединского с указанием его подвигов [6, с. 296–301].

Эту родословную в свое время обнаружил в архиве и изучал выдающийся генеалог В. В. Руммель, который в своем труде привел много фактов из биографии В. В. Нелединского, указав его отчество («Васильевич»), а также выяснил имя и основные этапы жизни его отца – Василия Ивановича [7, с. 131].

А. П. Барсуков в своем списке воевод, используя актовые материалы, уточнил срок пребывания В. В. Нелединского на воеводстве в Кетском остроге (1643–1645). Однако этот исследователь воеводой еще в одном городе – Рыльске – в 1650–1651 гг. указал другого представителя рода Нелединских – Василия Ивановича, а не Василия Васильевича [8, с. 528]. Источником для А. П. Барсукова послужила запись в Дворцовых разрядах: «В Рыльску Василей Иванов сын Нелединской» [9, стб. 276].

А. А. Гераклитов полностью повторил все сведения, содержащиеся в труде В. В. Руммеля, указав на него как на источник информации. Насчет воеводства Нелединского в Рыльске Гераклитов принял сторону Руммеля, а не Барсукова. Что касается пребывания В. В. Нелединского в Саратове, то А. А. Гераклитов сослался на труд А. А. Голомбиевского, указав «Голомб. №№ 7–22,

71, 87, 88», при этом не добавил ничего нового в биографию этого воеводы [10, с. 67].

К информации, содержащейся в родословной росписи, не относящейся к саратовскому периоду жизни В. В. Нелединского, добавить можно очень мало. Поэтому в ряде случаев в настоящем исследовании будем ссылаться на эту роспись как на источник информации. В других случаях, где позволят источники, каждый факт, указанный в росписи, будем подтверждать документальными материалами.

Родоначальник рода Нелединских Станислав Янович Мелецкий, герба Гриф, «муж королевского рода» выехал из Польши на Русь в 1425 г. «и с ним 200 человек двора его». Он перешел в православие, принял крещение с именем Михаил. В родословной говорится, что сам великий князь был его «восприемником от святых купели». Этот Станислав-Михаил был пожалован в кормление городом Вологдой и вотчинами в Угличском, Городецком и других уездах. В роду Нелединских в 1686 г. сохранилась жалованная грамота Великого князя Василия II «6933 году, которая и ныне обретается в роде нашем» [6, с. 296].

Сын Станислава-Михаила Василий Михайлович Мелецкий за выезд отца жалован грамотой на земли в 6950 (1442) г. [6, с. 296]. В настоящее время считается, что обе эти грамоты 6933 и 6950 гг. фальсифицированы [11, с. 223–224]. Василий Мелецкий был полковым воеводой в разных походах, «и о том ведомо в розрядных книгах» [6, с. 296]. Вотчины Василия Мелецкого были на р. Нелединке, поэтому он стал писаться Нелединским. В родословной упоминаются два его сына. Старший – **Иван Васильевич Нелединский** – был предком двух будущих воевод поволжских городов – Царицына (Ивана Юрьевича Нелединского) и Саратова (Василия Васильевича Нелединского) [6, с. 297]. Младший – Афанасий Васильевич – умер бездетным; в 1461 г. он дал из своих вотчин земли в Городецком уезде монахам под пустынь, в будущем эта пустынь стала Никольским Антоньевым монастырем «близ г. Красно-Холма» [7, с. 129]. Городецк – это современный Бежецк в Тверской области, севернее его находится и Красный Холм.

У Ивана Васильевича Нелединского известен один сын – **Григорий Иванович**, который пожалован вотчинами (1507 г.) от Великого князя Василия III. У Григория Ивановича Нелединского было 3 сына. Старший – Константин Григорьевич – был у «Великого князя в комнате» [6, с. 298]. По-видимому, речь идет о Василии III. Сын этого Константина Григорьевича – Степан

Константинович Нелединский – стольник, был прадедом будущего воеводы Царицына, Ивана Юрьевича Нелединского.

Нас будет интересовать брат Константина Григорьевича Нелединского – **Михаил Григорьевич**, сын которого **Андрей Михайлович** имел вотчины в Углицком уезде, где и был пожалован грамотой на пошлыны. Он был предком будущего воеводы Саратова Василия Васильевича Нелединского (прапрадед). Старший сын Андрея Михайловича Нелединского – Василий Андреевич – умер бездетным и перед смертью в 1542 г. передал свою вотчину с. Сандово с деревнями в Городецкий Никольский Антоньев монастырь. Его младший брат – **Семен Андреевич** (прадед В. В. Нелединского) – имел двух сыновей (Иван и Игнатий Семеновичи), которые известны тем, что «*были при великих послех у государя в рындах*» [6, с. 298]. Потомки Игнатия Семеновича дожили до XIX в., приняли фамилию польского предка и стали называться Нелединские-Мелецкие.

В Дворовой тетради, составленной при Иване Грозном, записаны дворовые дети боярские по Бежецкому Верху Нелединские Ташлык Андреев сын Безсонова, а также Иванец и Игнатий Ташлыковы [12, с. 359–360]. Речь идет о Семене Андреевиче Нелединском и его детях – Иване и Игнатии.

Про **Ивана Семеновича** в родословной сказано, что у него был единственный сын Василий – отец будущего воеводы Саратова. В родословной говорится, что **Василий Иванович Нелединский** в 1611–1612 гг. был осадным и полковым воеводой в Городецке, при нем состояли помощниками Иван Филатов, губной староста Алексей Милюков, подъячий Козьма Мошков. В родословной говорится, что об этом свидетельствует грамота за приписью дьяка Петра Евдокимова. В 7120 (1611/12) г. Василий Нелединский с помощниками посылали сборщиков для высылки ратных людей (видимо, в ополчение кн. Д. М. Пожарского), приводятся имена этих сборщиков. Других сведений об отце будущего воеводы Саратова в родословной и у Руммеля нет [6, с. 298; 7, с. 130].

К этому можно добавить следующее. Впервые в одной из разрядных записей, относящейся примерно к 1582 г., «*Василей Иванов сын Нелединской*» указан среди сидящих в царском дворце «*на ступени по рундуку*», видимо, во время какого-то торжественного мероприятия [13, с. 60].

В боярском списке 1588/89 г. В. И. Нелединский записан выборным по Бежецкому Верху с окладом в 300 чети с пометой «В Новгород». Видимо, он планировался участвовать в походе царя Федора Ивановича против шведов. В списке выборных дворян по Бежецкому Верху с окладом в 300 чети он указан и в начале 1590-х гг. [14, с. 231, 347].

В разрядной записи за 1597/98 г. говорится, что во время местнического спора между воеводами Пскова боярином кн. А. И. Голицыным и кн. В. И. Буйносовым-Ростовским (который проиграл Голицыну) в марте 1598 г. бояре приговорили отправить в Псков сына боярского Василия Ивановича Нелединского. Он должен был сам отвести проигравшего Буйносова-Ростовского к Голицыну «головой» и к тому же взыскать с Буйносова-Ростовского деньги на «прогоны» от Москвы до Пскова и обратно [15, с. 535].

В боярском списке 1602/03 г. В. И. Нелединский по-прежнему записан по Бежецкому Верху с окладом 300 чети. Против его фамилии дьяки написали «Отослан от Разбойной». В это время происходило восстание Хлопка, велась борьба с разбойниками. Он также указан с этим окладом в 300 чети в росписи русского войска, посланного в 1604 г. против Лжедмитрия I. При этом В. И. Нелединский продолжал служить по Бежецкому Верху, как и его дальний родственник Ю. И. Нелединский, который все время в этих списках записан впереди В. И. Нелединского [14, с. 271, 358, 371].

В одной из сохранившихся разрядных записей за начальный период Смутного времени (до избрания Михаила Романова), опубликованной С. А. Белокуровым, имеется следующая запись, относящаяся к 1606 г.: «*Того ж году велено быть на Таре: воеводе князю Василью княж Иванову сыну Гагарину, да головам Василью Иванову сыну Нелиденскому да Беззубу Шишкову*» [16, с. 206]. Получается, что В. И. Нелединский был отправлен в далекий сибирский город Тару помощником (головой) к воеводе кн. Гагарину. Из ряда других источников известно, что воеводой Тары был не Василий, а Сила Иванович Гагарин. В дальнейшем мы увидим Силу Гагарина вместе с Василием Нелединским участниками многих событий Смутного времени.

Сохранилось несколько документов за 1607 г., адресованных воеводам Тары Силе Гагарину, Василию Нелединскому и Беззубу Шишкову. В основном они касаются отношений с калмыками, их присяги Василию Шуйскому, беспошлинной торговли. К тому времени в Москве было получено несколько грамот от тарских воевод. Одну из них воеводы Тары направили в конце 1606 г. в Тобольск, откуда местный воевода переслал ее в Москву (получена в Москве в марте 1607 г.) [17, с. 21]. Воеводы Тары Гагарин и Нелединский были первыми русскими начальными людьми, которые завязали в конце 1606 г. отношения с калмыками. В случае присяги царю речь шла о том, чтобы калмыки платили ясак «*коньми или верблюдами или коровами*» [18, с. 22–23]. Переговоры с калмыцкими тайшами по поручению воевод Тары вел служилый литвин Болдан Бойкач, пеший казак Игнаш Еманакон, служивый татарин Тонатар

Кутуков и местные ясачные татары. По возвращении послов на Тару в сентябре 1607 г. с ними вместе приехали калмыки и привезли на продажу 550 лошадей. Необходимо отметить, какие товары в обмен интересовали калмыков: «*И те они лошади продают на Таре на платье и на денги и на бумагу пишу*» [19, с. 24]. Одна из последних известных грамот воевод Тары Силы Гагарина, Василия Нелединского и Беззуба Шишкова от октября 1607 г., в которой сообщались «калмыцкие дела», была получена в Москве в феврале 1608 г. В это же время (февраль 1608 г.) были отправлены грамоты на Тару новым воеводам кн. И. В. Мосальскому, Г. Г. Желябовскому и голове А. Ф. Поленову [19, с. 24–28; 20, с. 28–30]. Видимо, эти воеводы совсем недавно были назначены на Тару, еще туда не доехали, грамота была отправлена им вдогонку. Скорее всего, прибытие новых воевод на Тару состоялось весной 1608 г.

Учитывая, что дорога из Сибири могла занимать несколько месяцев, а также происходившие события Смутного времени в центре страны, будем считать, что В. И. Нелединский вернулся из Сибири вместе с кн. С. И. Гагариным в конце 1608 г. Возможно, вместо окруженной тушинцами Москвы он предпочел ехать в свои северные вотчины, в Бежецкий Верх, где присоединился к отрядам Скопина-Шуйского и ополчению северных городов.

В. И. Нелединский сражался на стороне царя Василия Шуйского против сторонников самозванца Лжедмитрия II. В тяжелые дни мая 1609 г. Василий Нелединский защищал Ярославль вместе с воеводой Силой Гагариным и Никитой Вышеславцевым от тушинцев. В июне 1609 г. царь Василий Шуйский указал этим воеводам Ярославля оставить в городе Василия Нелединского или других воевод, а остальным идти на помощь Троице [21, с. 239].

В начале 1610 г. Василий Нелединский был вторым воеводой в Переславле Залесском вновь вместе с кн. Силой Гагариным, они сообщали в разные города о победе Скопина Шуйского над Сапегой под Дмитровом [22, с. 338].

В 1611 г. Василий Нелединский значится уже в списке московских дворян, правда, в самом конце (всего 225 дворян, он указан 214-м). Против его фамилии стоит помета «*в объезде, есть, есть*» [23, с. 94]. Этот боярский список составлен дьяками Подмосковного ополчения, пометы «*есть*» означают, что он участвовал в ополчении. Таким образом, Василий Нелединский примкнул к освободительному движению, поддерживал ополчение, будучи воеводой в Городецке, как указано в родословной.

В Боярском списке 1616 г. В. И. Нелединский также указан дворянином московским, записан уже в середине списка между кн. Романом Петровичем Пожарским и Иванисом Ододуровым [24, с. 145].

Во время похода на Москву королевича Владислава В. И. Нелединский был в столице (указан в Осадном списке 1618 г. среди дворян московских), но потом отмечен как сбежавший со службы: «*На Москве ж были, а как по государеву указу был смотр, и у смотру про них сказали дворяне, что они из осады збежали*» [25, с. 45]. Больше сведений о нем не обнаружено. К этому времени его сын В. В. Нелединский был жильцом при государевом дворе.

Впервые имя Василия Васильевича Нелединского встречается в одном из источников осенью 1614 г. Разберем этот источник подробнее. В Кормленной книге Костромской чети записано: «*Жилец Василей Нелединской – 123 году октября в 28 день, по памяти за приписью дьяка Марка Поздеева написано: за брата его за Иванову смерть и за его службу велено ему давати из четверти брата его оклад 10 рублев*» [26, с. 129].

Данная запись свидетельствует о том, что у некоего Василия Нелединского (отчество не известно) был старший брат Иван, который погиб еще до 28 октября 1614 г. Накануне своей гибели он был жильцом и четвертчиком Костромской чети с небольшим окладом 10 руб. После его смерти жильцом при дворе с октября 1614 г. стал его младший брат Василий с этим же окладом 10 руб.

В те годы известны несколько Нелединских, носящих имя Василий, к тому же еще один из них имел брата Ивана, но запись об установлении оклада в 10 руб. жильцу Василию Нелединскому относится именно к нашему герою – В. В. Нелединскому. В первой четверти XVII в., судя по родословной, только у Василия Васильевича Нелединского был старший брат Иван, который умер бездетным, как и другой старший брат Сосипатр. У еще одного представителя рода Нелединских – Василия Юрьевича Нелединского (пятиюродного дяди В. В. Нелединского), жившего в те же годы, тоже был брат Иван, но он не погиб в Смуту, а прожил долгую жизнь, был воеводой в Царицыне (1621), Брянске (1630–1631), занимался переписью земель Московского уезда (1633) и т. д. К тому же этот Василий Юрьевич Нелединский умер бездетным, а у В. В. Нелединского было два сына [7, с. 299]. Еще один Василий Семенович Нелединский, патриарший стольник в конце 1620-х гг., в 1614 г. был еще грудным ребенком.

Молодой юноша В. В. Нелединский, ставший жильцом при дворе Михаила Романова и четвертчиком Костромской чети в конце 1614 г. с окладом в 10 руб., в последующие годы длительное время не упоминается в источниках (во всяком случае сведений о нем пока не обнаружено). Если учесть, что данная Кормленная книга была переписана в 1627 г. и в ней указаны все изменения по службе и в окладах служилых людей вплоть до 1626 г., то можно сделать вывод,

что В. В. Нелединский к 1627 г. продолжал оставаться жильцом при царском дворе с неизменным окладом в 10 руб. Мирное время после Смуты в 1620-е гг. не давало служилым людям возможности особо отличиться на поле брани и получать прибавки к денежному окладу. В этой Кормленной книге такие прибавки в 1620-е гг. почти не наблюдаются. К тому же в опубликованных источниках, включая различные разрядные записи, жильцы упоминаются крайне редко.

Вновь мы встречаем жильца В. В. Нелединского в 1628 г. В этом году он отмечен «на службе в Валуйках». Обычно такая служба на Валуйках была связана с «посольской разменой». В книгах разрядных в 1628 г. указано, что на Валуйки были назначены окольных Ф. Л. Бутурлин и дьяк Воин Трескин. В этом источнике приводится количество служилых людей из разных городов, которые должны были сопровождать окольного Бутурлина. Известно, что 28 мая 1628 г. царь указал послать для посольской размены дополнительно 100 дворян московских и 100 жильцов. А далее в разрядах имеется запись: «И того году окольных Федор Бутурлин и Воин Трескин и ратные люди на Волуйке для посольские размены не были» [27, стб. 60].

Однако в сентябре 1628 г. (т. е. уже в следующем 7137 г.) в Дворцовых разрядах отмечено, что такая отправка служилых людей на Валуйки все же состоялась, но позже (указ был от 3 сентября 1628 г.) [28, стб. 824–831]. В Крым отправлены посланники Лаврентий Кологривов и подъячий Алексей Дуров, а с ними вместе возвращались домой крымские послы. Возле Валук на речке Ураеве они должны были встретить возвращавшихся из Крыма прежних послов Степана Тарбеева и подъячего Ивана Басова, а также послов нового крымского хана Джан-бек Гирея. Среди 100 жильцов, сопровождавших послов, указан с окладом 450 чети жилец В. В. Нелединский [28, стб. 830–831]. Однако «посольская размена» в то время так и не состоялась. Служилые люди стояли на Осколе до января 1629 г., а в январе были распущены по домам. Весной 1629 г. на замену им на Оскол прибыли из Москвы другие 50 дворян, 50 жильцов и 200 стрельцов (прежние стрельцы также оставались на Осколе). Размен на Валуйках состоялся только в сентябре 1629 г., но среди жильцов, остававшихся здесь до сентября, Василий Нелединский не указан, он к тому времени вернулся в Москву [28, стб. 834–838].

В «Земляном» жилецком списке 1628/29 г., составленном примерно в это же время, В. В. Нелединский также записан «На Волуйке». У него указаны поместья в Бежецком Верху 105 чети, «да вотчины старинные 300 чети, а в них крестьян и бобылей 18» человек [29, с. 123].

В качестве жильца при царском дворе В. В. Нелединский служил около 20 лет (1614–1633). Изменения в его служебном положении

произошли после начала Смоленской войны. 20 февраля 1633 г. В. В. Нелединский был «из житья» переведен в дворяне московские, о чем сохранилась запись в боярском списке [30, с. 526]. В том же году (1632/33 г.) он был «послан в приход крымских людей под государевы крайние города», как отмечено в родословной. В. В. Нелединский оборонял южную границу в то время, как основная русская армия боярина М. Б. Шеина осаждала Смоленск. Судя по родословной, В. В. Нелединский командовал отдельным отрядом, отправляя в Москву с донесениями различных служилых людей, включая дворян В. М. Безобразова, А. С. Боркова, Х. А. Юшкова, жильцов М. И. Плещеева, кн. П. Н. и И. И. Козловских и др. [6, с. 298].

В 1637 г. В. В. Нелединский, как и большинство московских дворян, был отправлен на Тулу. После того, как донские казаки взяли турецкую крепость Азов, угроза войны с Османской империей стала вполне реальной, поэтому все чины государева двора были разделены по половинам, одна часть находилась на Туле. В «Подлинном» боярском списке 1637/38 г. напротив фамилии В. В. Нелединского имеется запись «на Туле» [31, с. 76]. Она была зачеркнута и это означает, что до сентября 1638 г. В. В. Нелединский вернулся в Москву. В октябре 1638 г. он уже упоминается в документах среди лиц государева двора, находящихся в столице. У некоторых других представителей государева двора эта запись «на Туле» не была зачеркнута, они оставались по-прежнему охранять южные рубежи и лишь к началу 1639 г. эта служба для них завершилась. Среди них – московские дворяне бывший саратовский стрелецкий голова Никифор Михайлович Кошелев, будущие воеводы Саратова Аверкий Болтин, а также стольник Василий Григорьевич Феофилачев, только что вернувшийся из Саратова, где он находился несколько лет вместе с отцом [31, с. 76, 79, 51].

4 октября 1638 г., когда царь Михаил отправился в поход «для моления» по монастырям (Троица, Переславль и др.), в Москве остался боярин кн. А. В. Хилков, с которым «дневал и ночевал» на государевом дворе вместе с другими стольниками, стряпчими, дворянами и дворянин В. В. Нелединский [32, с. 118].

5 февраля 1639 г. В. В. Нелединский участвовал во встрече персидского посла за Яузой по Владимирской дороге. Этот посол шел из Персии вместе с голштинскими послами (подробно возвращение голштинцев описано у Адама Олеария). На встрече присутствовали и соратники по совместной службе на Туле – Н. М. Кошелев (записан впереди В. В. Нелединского) и А. Ф. Болтин (в конце списка дворян) [28, стб. 957, 959].

Через несколько лет В. В. Нелединский получает первое воеводское назначение в Кетский острог. Это произошло в 1643 г. В Родословной

записано: «А в 7151-м году был он, Василей, в Сибири в Кецком воеводю» [6, с. 299]. Эти слова не следует понимать буквально, будто бы воеводская служба в Кетске продолжалась только один 7151 год – 1642/43 г. Хорошо известно, что воеводы удаленных сибирских городов, как и городов Нижнего Поволжья, находились на воеводстве не один, а 2–3 года. Одна дорога из Москвы в Сибирь занимала несколько месяцев. Обычно воеводы отправлялись все вместе во главе с воеводой Тобольска в январе – феврале по зимнему санному пути до Верхотурья, а оттуда с началом навигации – по своим городам.

В Сибирском летописном своде говорится, что воевода Тобольска кн. Г. С. Куракин со своими помощниками прибыл к месту службы 23 мая 1643 г. Видимо, воеводы Нарыма (Иван Чаадаев), Кетского острога (Василий Нелединский), Томска (кн. Семен Масальский-Клубок) и Кузнецка (Афанасий Зубов), учитывая огромные расстояния от Тобольска, приехали в свои города в конце июня 1643 г.

Далее в Сибирском своде уточняется, что Куракин уехал из Тобольска в Москву еще по зимнему пути, 15 января 1646 г., через 2 месяца после присяги местных жителей новому царю Алексею Михайловичу, которая состоялась 17 ноября 1645 г. «Приводил к кресту на государево имя» всех жителей Тобольска и других городов Сибири, в том числе Кетска, посланный из Москвы кн. И. Г. Ромодановский-меньшой: «И во всех Сибирских городех велено приводить ко кресту ему ж князь Ивану Ромодановскому» [9, стб. 4].

«Досиживал» в Тобольске до смены воевод 24 мая 1646 г. второй воевода Тобольска кн. Михаил Семенович Гагарин-Турок с дьяками. В этой летописи приводятся имена других сибирских воевод, которые несли службу тогда же, когда находились в Тобольске Куракин и Гагарин: «В тех же годех Тобольскаго и Томскаго розрядов в городех и в острогах воеводы». Среди воевод 14 городов значится и имя В. В. Нелединского: «В Кетском Василей Васильев сын Нелединской» [33, с. 154].

В боярском списке 1643/44 г. Василий Нелединский указан кратко – «В Сибири» [34, с. 428]. Практически во всех боярских списках, где упоминаются сибирские воеводы, нигде не говорится, в какой город направлены эти служилые люди (исключение составляют воеводы Тобольска). О пребывании В. В. Нелединского в Кетске еще в 1645–1646 гг. свидетельствуют две царских грамоты нового царя Алексея Михайловича, отправленные в начале 1646 г. воеводе Верхотурья и таможенному голове Туринска. В них говорится, что в 7153 г. (1644/45), когда шли приказчики торговых людей гостиной сотни с р. Лены с мягкой рухлядью, то воеводы сибирских городов (Енисейска, Нарыма, Сургута, Березова), в том числе воевода Кетского острога Василий Нелединский, брали с них пошлины. После

челобитной царю торговых людей последовал царский указ: «А воеводам нашим, Нарымскому Ивану Чаадаеву и Кетскому Василью Нелединскому, в проезде торговым и промышленным людям задержанья чинить, и в пошлины, и в досмотр всяких их товаров ни во что вступаться не велели». Данная цитата повторяется слово в слово в обеих грамотах. Досмотром товаров и взиманием пошлин теперь должны заниматься таможенные головы и целовальники в Сургуте [35, с. 33; 36, с. 43].

Что касается завершения службы Василия Нелединского в Кетске, то согласно Сибирскому летописному своду новые воеводы, отправленные от царя Алексея Михайловича вместе с воеводами Тобольска боярином И. И. Салтыковым и стольником И. С. Гагариным-Ветчиной, прибыли в Тобольск 24 мая 1646 г. [33, с. 155–156]. Новый воевода Кетского острога Герасим Федотов сын Дурной, видимо, прибыл в Кетск в конце июня 1646 г. Осенью 1646 г. Василий Нелединский вернулся в Москву.

Сохранилось одно дело, связанное с родовой вотчиной Василия Нелединского, которую он утратил в июне 1648 г. Этой вотчиной в Бежецком уезде (д. Григорово в Ясеницком стане) он владел совместно со своим шестипородным братом Елизарием Матвеевичем Нелединским. Видимо, накануне отъезда в Сибирь финансовое положение братьев Нелединских было довольно сложное, и они заложили эту вотчину подьячему Ивану Протопопову (сначала в январе 1642 г. сроком на год, а потом в январе 1643 г. также на год). Видимо, пока В. В. Нелединский находился в Сибири, Елизарий Матвеевич не смог расплатиться с долгами. В итоге по возвращении из Сибири Василий Нелединский вместе с Елизарием Матвеевичем вынуждены были передать свою вотчину по просроченным закладным кабалам этому подьячему приказа Большого дворца И. И. Протопопову [37, с. 1129].

В других документах за 1647–1649 гг. имя Василия Нелединского пока не обнаружено. Можно утверждать, что в январе 1650 г. он находился в Москве. В книге продаж Соборного уложения записано, что 9 января 1650 г. московский дворянин В. В. Нелединский купил книгу Соборное уложение, заплатив за нее 1 руб. Это был уже второй тираж (первый разошелся еще в июне – августе 1649 г.) [38, с. 249]. Возможно, что в то время, летом 1649 г., когда продавался первый тираж и основными его покупателями были представители Государева двора и другие москвичи, Василия Нелединского не было в столице. Известно, что всего было 2 тиража (завода) в 1649 г., каждый по 1200 экз., причем иногородние покупатели в первом тираже купили всего около 100 книг (остальные были раскуплены москвичами). Покупателей второго тиража среди иногородних было намного больше, они купили свыше 500 книг [39, с. 82–97; 40, с. 190–221].

Весной – осенью 1650 г. Василий Нелединский участвовал в подавлении городских восстаний в Новгороде и Пскове, он указан сотенным головой в полку кн. И. Н. Хованского. Именно за эту службу В. Нелединский был награжден ценным подарком в виде серебряного ковша. Данная информация пока обнаружена только в родословной росписи: «А в 7158-м году послан подо Псков и был у дворян у выборной сотни головою в полку боярина князя Ивана Никитича Хованского, и за тою службою дан ему, Василью, ковш» [6, с. 299]. У Руммеля и Гераклитова ошибочно указано, что этот ковш пожалован за другую службу, – за воеводство в Рыльске [7, с. 131; 10, с. 67].

Далее в росписи говорится, что Василий Нелединский был на встрече какого-то «перамского посла»: «В том же году был на встрече перамскаго посла у сотни у дворян головою». Если понимать эти слова буквально, то данная встреча могла происходить только в начале 7158 г., т. е. осенью 1649 – зимой 1650 г., ведь уже весной В. В. Нелединский был в походе с кн. Хованским. Из Дворцовых разрядов известно, что за указанный период в Москве происходили встречи следующих послов: 18 декабря 1649 г. – турецкого посла Мустафы Чауша, 9 января 1650 г. – шведского и датского посланников, 19 января – «Персидскаго и Ширванскаго и Кызылбашскаго Аббас шаха» посла Махмет Кулы Бека, 5 марта – турецкого посла на отпуске и в тот же день – датского посланника. А уже 20 марта вышел указ об отправке в Новгород войска кн. И. Н. Хованского [9, стб. 144, 146–147, 150–151]. Видимо, в родословной речь идет о встрече Махмет Кулы Бека.

Руммель и Гераклитов отмечали, что В. В. Нелединский «1-й полковой и осадный воевода в Рыльске (1650–1652); пожалован ему за службу ковш» [7, с. 131; 10, с. 67]. Насчет ковша уже говорилось, а дату начала службы в Рыльске, судя по Дворцовым разрядам, видимо, следует сместить на весну 1651 г. Здесь приводятся сведения, что 9 мая (в другой записи – 23 апреля) царь указал быть воеводам «на Украине» в связи с ожидавшимся нападением крымцев и ногаев «по городам, а по полкам не быть», в том числе – «в Рыльску Васильев сын Нелединской» [9, стб. 251, 253]. К тому же вряд ли сразу после возвращения из Новгородского похода его отправили бы на новую службу в Рыльск. В родословной говорится, что «в 7159-м году и 60-м годех был он же, Васильев в Рыльску полковым и осадным воеводою» [6, с. 299]. Следовательно, он продолжал службу в Рыльске и в 7160 г., т. е. в 1652 г.

Видимо, В. В. Нелединский сначала служил вместе с воеводой Рыльска Александром Тимофеевым Измайловым, который указан в разрядах в 1649/50 г. [9, стб. 183], а потом стал единственным воеводой этого города.

Далее в родословной росписи говорится, что под началом Василия Нелединского находился стрелецкий и казачий голова Федор Оладьин. В. В. Нелединский должен был «по вестям идти в сход» к воеводе Путивля боярину кн. С. В. Прозоровскому, а в дальнейшем сходить «с окольников с князем Федором Андреевичем» [6, с. 299]. Речь идет о новом воеводе Путивля кн. Ф. А. Хилкове, указанном в Дворцовых разрядах в 1651/52 г. [9, стб. 326]. Правда, в одном из списков Дворцовых разрядов воеводой Рыльска назван Василий Иванович Нелединский [9, стб. 276], но, во-первых, такого человека, судя по родословной, в то время не было, а во-вторых, далее в Разрядах сказано, что в апреле 1652 г. послан в Яблонов в связи с ожидавшимся походом крымцев боярин кн. Г. С. Куракин, к которому должны «по вестям» сходить воеводы, в том числе из Рыльска Василий Васильев сын Нелединский [9, стб. 306].

Чтобы подчеркнуть высокое положение В. В. Нелединского, составители родословной указали, что он подчинялся только первым («большим») воеводам С. В. Прозоровскому, а потом Ф. А. Хилкову, ссылаясь на его отписки этим воеводам: «По его отпискам велено ему, Василью, быть в сходе с теми воеводами с одними большими, и писать велено ему, Василью, к одним большим воеводам, и к нему, Василью, велено писать от себя одним большим воеводам без товарищей» [6, с. 299].

Это не были пустые слова. Сохранилась в Разряде челобитная воеводы Рыльска Василия Нелединского о дозволении ему писать о всех делах в Путивль одному воеводе боярину кн. С. В. Прозоровскому, «помимо товарищей его» [41, с. 393].

В другом месте говорится о походе воеводы Рыльска Василия Нелединского в Путивль в сход к окольниковому кн. Федору Андреевичу Хилкову, что также подтверждает родословную [42, с. 79].

В начале русско-польской войны 1654–1667 гг. В. В. Нелединский принял активное участие на первом ее этапе. Руммель и Гераклитов неопределенно указывали, что он был «сотенный голова в полку боярина Шереметева 1654» [7, с. 131; 10, с. 67]. По такой записи трудно судить, где именно воевал наш герой, ведь в те годы были два боярина Шереметева: Василий Борисович оборонял южную границу от крымцев, находясь в Путивле, а Василий Петрович Шереметев возглавлял войско на северном направлении, в районе Великих Лук.

Чтобы выяснить, где воевал сотенный голова В. В. Нелединский, обратимся к родословной. В ней говорится: «А в 7162-м году в полку боярина и воеводы Василья Петровича Шереметева у дворян у первой выборной сотни головою. А хто именно у него в сотне был и в каких чинех, и то ведомо в сотенном его списке, а список о том за приписью дьяка Дмитрея Шипулина»

[6, с. 299]. Следовательно, зная маршрут движения войска боярина В. П. Шереметева, можно предполагать, что В. В. Нелединский участвовал во взятии Невеля и Полоцка. Царь получил известие о взятии Невеля 11 июня, находясь в с. Чоботово между Вязьмой и Дорогобужем (сеунщик – лучанин Григорий Хомутов) [9, стб. 429]. 29 июня царь уже был под Смоленском, где получил известие о взятии В. П. Шереметевым Полоцка (сеунщик стольник Иван Кондырев) [9, стб. 432].

24 июля царь узнал о взятии воеводами В. П. Шереметева стольником Матвеем Васильевичем Шереметевым и окольным Семеном Лукьяновичем Стрешневым Дисны и Друи (сеунщик жилец Василий Неплюев). Известен также рейд к г. Глубокому Ждана Кондырева (о взятии этого города царь получил известие 9 августа, сеунщик стольник Семен Кондырев) [9, стб. 436, 441]. Сам главный воевода В. П. Шереметев с основными силами отправился к Витебску.

20 августа царю стало известно о взятии Озерища отрядом С. Л. Стрешнева (сеунщик стольник Федор Стрешнев). 1 сентября В. П. Шереметев прислал известие о взятии отрядом С. Л. Стрешнева Усвята (сеунщик стольник Григорий Стрешнев) [9, стб. 443, 447].

Воевода В. П. Шереметев с главными силами весь сентябрь и октябрь осаждал Витебск, взятие которого стало последним успехом этого воеводы в походе 1654 г. Царь к тому времени после взятия Смоленска, оставив в занятых городах крепкие гарнизоны, отступил со своим двором в Вязьму. 22 ноября сюда прибыл в качестве сеунщика сам сын боярина В. П. Шереметева Матвей Васильевич и сообщил радостную новость о взятии штурмом Витебска [9, стб. 454–455]. На этом бои на северо-западном направлении временно прекратились.

К сожалению, пока не обнаружены документы о конкретном участии В. В. Нелединского в этих боях, в том числе сам сотенный список, о котором говорится в родословной, но сотенный голова не мог оставаться в стороне от всех этих событий. В дальнейших боях русско-польской войны В. В. Нелединский не участвовал. Моровая язва, которая охватила многие районы страны, в том числе столицу и русское войско, обошла его стороной. Возможно, что В. В. Нелединский всю зиму 1654/55 г. находился в Вязьме вместе с царским двором. Здесь он получил новое назначение воеводой в Саратов, где служил в 1655–1657 гг.

Прибытие В. Нелединского в Саратов произошло, видимо, весной 1655 г. Скорее всего, он прибыл в этот город с первым весенним караваном из Казани и сменил Алексея Пантелеевича Чирикова. Однако не исключен вариант, что в связи со сложной обстановкой он мог приехать еще зимой 1655 г. по прямому санному пути, ко-

торый в это время уже начинает использоваться не только гонцами, но и другими лицами.

В родословной приводятся некоторые сведения о службе Василия Нелединского на Саратове: «А в 7163-м году был он, Василей, на Саратове воеводою и, будучи, посылан от себя и по вестям служилыми людьми всякой поиск. А хто имяны посылан, и то ведомо в Приказе Казанскаго дворца, и за то к нему, Василью в 7164-м и 5-м годех посланы с похвалою милостивые грамоты за дьячьими приписьми Григорья Ларионова, Григорья Протопопова, Ивана Северова, Григорья Кунакова, Федора Грибоедова, Дмитрея Шубина» [6, с. 299]. Судя по родословной, похвальные грамоты к Василию Нелединскому на Саратов отправлялись в 1655/56 и 1656/57 г., когда он продолжал находиться в этом городе.

Разберем, где именно служили указанные дьяки в 1655–1657 гг., которые отправляли «милостивые грамоты» Василию Нелединскому на Саратов. Григорий Ларионов – бессменный дьяк Разрядного приказа на протяжении свыше 20 лет, вплоть до 16 марта 1655 г. Поэтому трудно сказать, какую похвальную грамоту мог отправить этот дьяк Василию Нелединскому в Саратов до середины марта 1655 г. Григорий Протопопов возглавлял в те годы (1640–1662) Сибирский приказ, в котором часто рассматривались калмыцкие дела, а ведь именно с калмыками тогда приходилось иметь дела воеводам Саратова (и воевать с ними, и вести переговоры, и участвовать в совместных походах против общих врагов). Иван Северов служил с 1650 г. в Разрядном приказе вместе с Григорием Ларионовым, но уже осенью 1655 г. прекратил службу. Поэтому он мог отправлять грамоты Василию Нелединскому только в 1655 г., в первый год его пребывания в Саратове. Грамоты за приписью дьяка Разрядного приказа Григория Кунакова сохранились только за короткое время – январь – февраль 1657 г. До этого в 1655–1656 г. он был дьяком Холопьяго приказа. Федор Грибоедов долгое время был дьяком Приказа Казанского дворца (1649–1664 гг.), ведавшего делами Поволжья. В этом приказе хранилась основная переписка с воеводами Саратова. К сожалению, вся эта документация полностью сгорела в 1701 г. Дмитрий Шубин был дьяком Печатного приказа с апреля 1655 г. до октября 1667 г. Именно в документах данного приказа сохранились в основном сведения о левобережном Саратове, которые использовал в своих трудах А. А. Голомбиевский. Д. Шубин с 30 ноября 1656 г. вплоть до сентября 1665 г. был также дьяком Посольского приказа, так что и из этого приказа вполне могли быть грамоты Василию Нелединскому [43, с. 248, 266, 267, 289, 294, 312].

По сравнению с другими воеводами Саратова, указанными в статье А. А. Голомбиевского, документов, связанных с пребыванием Василия

Нелединского в этом городе, имеется больше всего – 16 [5, с. 8, 10, 11, 18, 20]. Расшифруем фразу А. А. Гераклитова о службе В. В. Нелединского в Саратове: «Голомб. №№ 7–22, 71, 87, 88» [10, с. 67]. Номера этих документов будем указывать в скобках.

При воеводе Нелединском в 1657 г. стал сотником пеших стрельцов саратовский сын боярский Фадей Левашов вместо Родиона Протопопова (№ 7). Тогда же происходила перестройка Саратовской крепости. За это городское дело получили придачи к денежному и хлебному окладу саратовцы Семен Татьянин (№ 10), Федор Слузов (№ 11), Петр и Лука Климовы (№ 8). Придача к денежному окладу у всех служилых людей составила 1 руб. [5, с. 10].

К тому же Лука Климов получил прибыльную должность быть на заставе «на Стрелке реке» вместо выбывшего Родиона Протопопова, указанного ранее (№ 9). Правда, вскоре, уже в конце 1655 г., Луке Климову пришлось уступить это место другому саратовцу – Федору Слузову (№ 13), который в 1656 г. получил за свои заслуги (за какие именно, не указано) придачу к окладу, денежному – 1 руб., а к хлебному – по одной чети ржи и овса (№ 14). Видимо, эта награда была за Калмыцкую службу [5, с. 10–11].

Именно за эту Калмыцкую службу получил придачи к окладу почти одновременно с Федором Слузовым в 1656 г. саратовец Петр Климов (№ 15). Вместе с ним был награжден Лука Леонтьев Климов (№ 16). При этом правительство оценило заслуги Луки Климова в 2 раза выше, ему за службу была дана придача 2 руб. и по 2 чети ржи и овса [5, с. 11].

В том же 1656 г. был награжден саратовец Федор Елисеев Ахматов. Воеводе Нелединскому поступило указание из Москвы этому Федору Ахматову за службу (какую именно, не указано) «к прежней его придаче учинить денег 4 рубля» (№ 18) [5, с. 11]. Если понимать эти слова буквально, то заслуги Федора Ахматова были весьма значительны, ведь он ранее уже получал какую-то придачу к окладу, а теперь новая придача – целых 4 руб. (большинство служилых людей получали придачу в размере 1 руб.).

Жизнь в Саратове текла своим чередом, служба была нелегкая для служилых людей, были и потери среди личного состава. Вместо выбывшего сотника конных стрельцов Василия Карнаухова в 1655 г. получил назначение невестинный саратовский сын боярский Афанасий Ховрин (№ 12). В самом начале 1657 г. воеводе Нелединскому велено написать на выбылое место «в окладных книгах и в служилом списку» саратовца Аксентия Яковлева (№ 22). Этому Аксентию Яковлеву, который, видимо, впервые был верстан на службу, был учинен поместный оклад 200 чети, а денежный – 6 руб., «да хлеба против денег по указу». Как и большинство саратовских детей боярских, он получал деньги с городом,

а не из чети. Служилые люди саратовцы среди четвертчиков в это время пока не обнаружены, саратовская десятня не сохранилась, хотя большинство имен из 18 саратовцев, служилых людей по отечеству, нам известны [5, с. 11].

Были потери и среди администрации города. Не стало в Саратове подъячего съезжей избы (имя его не указано). На такую ответственную должность нужен был человек, которому бы доверяли все жители города. В итоге сами саратовцы – выборные люди стрелец Дорофейка Яковлев и пушкарь Мартынка Корсаков – от имени «всех служилых и посадских и всяких городских людей» написали челобитную в Москву с просьбой назначить на эту должность подъячего Дмитрия Васильева (№ 19). Эта просьба была удовлетворена. Жалование Дмитрию Васильеву было учинено «из выбылых окладов», т. е. такое же, как у прежнего подъячего [5, с. 11].

Однако случались и другие события, подробности которых нам неизвестны. За какие-то неблагоприятные поступки, совершенные самими саратовцами, их товарищи написали челобитную в Москву с просьбой наказать этих людей и отправить в ссылку. Причем, эту челобитную написали как дети боярские, так и посадские люди и стрельцы. В итоге воеводе Василию Нелединскому в 1656 г. поступил указ из Москвы: «Велено Саратовца сына боярского Микифора Протопопова и стрельцов Воинка Борисова, Ивашка Кочегова, Васку Пушкарева, Сенку Чема-нукина, Андронка Болдырева, Васку Трубникова с женами и детьми сослать в Астрахань, а четные деньги на них доправить» (№ 17). Итак, гарнизон Саратова лишился одного сына боярского и 6 стрельцов, все они были семейные люди [5, с. 11].

Сразу же в Москву стали поступать челобитные от служилых людей с просьбой назначить их на освобожденные места. Вместо сосланного в Астрахань Микифора Протопопова был назначен сотник пеших стрельцов Григорий Медоварцов, которому был учинен оклад Протопопова, и воевода Нелединский записал Медоварцова «в окладных книгах и в служилом списку» (№ 21). На освобожденное место стрелецкого сотника пеших стрельцов вместо Медоварцова получил назначение стрелецкий пятидесятник Василий Племянников (№ 20) [5, с. 11].

В самом конце 1656 г. воеводе Нелединскому поступило указание из Москвы: «По челобитью Андреевскаго монастыря наместника Варнава с братьею, велено всяких чинов жилиецким людем в их откупных водах про себя рыбу ловить» (№ 71) [5, с. 18]. Видимо, в районе Саратова какие-то угодья брали на откуп старцы Андреевского монастыря. Этот монастырь был основан окольничим Федором Ртищевым в 1648 г. около Воробьевых гор в Москве. В справочнике П. М. Строева нет такого наместника Варнавы, есть только игумен Феофан в 1654 г., который

уже в 1657 г. указан как бывший и жил в Донском монастыре, а в это же время в Андреевском указан игумен Петроний (1657–1660) [44, стб. 246].

В самом начале службы в Саратове в первой половине 1655 г. воеводе Нелединскому поступило указание из Москвы, чтобы снять с кадашевца Ивана Моисеева «Саратовские бани и перевозки» (№ 87). Видимо, этот Иван Моисеев раньше временно перекупал у известного богатого откупщика кадашевца Оськи Степанова эти прибыльные владения, включая перевозки через Саратовку и Волгу. Однако по неизвестной причине он отказался от дальнейшего их использования, возможно, прибыль оказалась меньше, чем он рассчитывал [5, с. 20].

Еще один документ связан с рыбными угодьями в окрестностях Саратова. В 1656 г. воевода Нелединский получил грамоту из Москвы с указанием дать на откуп саратовскому посадскому человеку Миките Дубенскому (который, видимо, еще в 1655 г. написал челобитную) «Збородинской юрт и Чардымской по старым рубежам». С какого времени Микита Дубенский получал эти угодья на откуп, неизвестно, в грамоте лишь сказано «с указных откупных сроков», вероятно, с 1655 г. Зато известно, что откуп был и на следующие 3 года без перекупки и далее, пока не будут найдены другие перекупщики. Известен также размер откупа, который, видимо, был увеличен, по сравнению со старым откупом. Сказано, что «откупу велено на нем иметь старого и с новою наддачею». Годовой размер откупа превышал 24 руб., итого за 4 года – 96 руб. 7 алт. 4 деньги (№ 88) [5, с. 20].

Летом 1655 г. Саратов стал центром сбора сил, направлявшихся через Царицын на Дон для борьбы против крымского хана. Руководили этим войском боярин Федор Никитич Одоевский и стольник Василий Богданович Волконский. Об их прибытии на Саратов сообщали посланцы донским атаманам, которые докладывали в Москву: «Боярин и наместник Псковской и воеводы, князь Федор Никитич Одоевской, с твоими государевыми ратными людьми стоит в понизовых городех, на Саратове, а приходу де ево на Царицын и к нам на Дон вскоре не чает» [45, стб. 44]. Сюда, на Саратов к воеводам в сход должны были прибыть союзные калмыцкие тайши Дайчин и Лаузан. Саратовский воевода Василий Нелединский, как и воеводы других поволжских городов, выделил для участия в этом походе часть саратовских служилых людей.

В период пребывания в Саратове воеводы Нелединского наблюдается некоторое снижение посольской активности России с Персией и со странами Средней Азии. С Персией в те годы шла необъявленная война, которую вел шах Аббас II против терских воевод силами своих подручных дагестанских князьков. После возвращения из Персии Великого посольства окольничего князя Ивана Ивановича Лобанова-

Ростовского с 1654 г. на протяжении нескольких лет неизвестно о каких-либо посольских контактах между Россией и Персией. Первое после длительного перерыва персидское посольство Хана Дакул Салтана оказалось в Саратове уже при преемнике Василия Нелединского Никите Головине и надолго запомнилось этому воеводе. Зато велись постоянные обмены посольствами между Россией и Имерети, где нашел приют у местного правителя Александра его тесть грузинский царь Теймураз. Воевода Нелединский встречал и провожал русских посланников к царю Александру – Дмитрия Горихвостова и дьяка Глеба Патрикеева, а потом Василия Жидовинова и дьяка Федора Порошина. Второе посольство везло с собой в Грузию большую казну для царя Александра. Царь Теймураз также отправлял в 1655 и 1656 гг. своих гонцов и посланников в Россию, где к тому времени нашли приют его внук Николай Давыдович с матерью Еленой. При воеводе Нелединском приехали в Россию в 1656 г. также посланцы из горной Тушетии Салтак, Григорий и Павел с «прошением о принятии земли их в Российское подданство» [46, л. 24–26].

Что касается времени завершения службы В. В. Нелединского в Саратове, то у исследователей сложилось мнение, согласно которому смена воевод произошла 25 января 1657 г. Эту дату приводит А. П. Барсуков [8, с. 202], на которого ссылается А. А. Гераклитов [10, с. 67]. Однако Барсуков взял у А. А. Голомбиевского сведения об одной из записей в пошленной книге Печатного приказа от 25 января 1657 г. [5, с. 8]. Данная запись лишь свидетельствует о том, что в этот день, 25 января 1657 г., была в Москве, в Печатном приказе, запечатана грамота на Саратов и взята пошлина 1 руб. с Никиты Головина, который отправлялся в этот город на смену Василию Нелединскому. Даже если предположить, что новый воевода решил ехать степью, а не ждать открытия навигации на Волге (водный путь для воевод был основным), то прибытие сменщика в Саратов могло произойти лишь в марте 1657 г. Более вероятен следующий маршрут. В феврале – марте новый воевода Н. И. Головин добирался из Москвы до Казани, а в апреле первым весенним караваном прибывает в Саратов.

Прежний воевода не имел права покидать город до приезда сменщика. Следовательно, обязанности воеводы Саратова В. В. Нелединский исполнял вплоть до марта – апреля 1657 г., а вернулся в Москву лишь в мае – июне 1657 г. Дальнейших сведений о нем пока не найдено. В боярской книге 1658 г. он по-прежнему указан в качестве дворянина московского, записан после Юрия Степановича Татищева [47, с. 158]. Никаких помет против его фамилии нет.

В одном из боярских списков указана дата его смерти: «171-го умре». Следовательно, он умер в период с сентября 1662 по август 1663 г.

Василий Васильевич Нелединский имел двух сыновей – Ивана и Якова. В. В. Руммель указывал, что Иван Васильевич Нелединский убит под Витебском в 1655 г. В родословной дата смерти Ивана Нелединского не приводится, возможно, что он погиб еще осенью 1654 г. во время осады и штурма Витебска боярином В. П. Шереметевым либо в то время, когда его отец начинал Саратовскую службу.

Младший сын Яков Васильевич часто упоминается в источниках, начиная с 1647 г., как стряпчий при дворе Алексея Михайловича. Во время поездок царя по монастырям он ночует на государевом дворе с боярами в 1647–1649 гг. [48, с. 366; 49, с. 416, 450, 452], в сентябре 1651 г. сопровождал царя в Троицкий поход [9, стб. 284]. В 1654 г. Яков Васильевич получил жалованную царскую грамоту на вотчину «за красною печатью» [6, с. 299]. В боярской книге 1658 г. он указан как стольник. Говорится, что еще в прошлой боярской книге 1647 г. была запись о том, что ему за службу и рану установлен поместный оклад 850 чети и денежный 42 руб. В дальнейшем за службу 1663–1665 гг. Яков Нелединский получил придачи 130 чети, денег 9 руб. В итоге в 1670-е гг. его оклад составлял 980 чети, 51 руб. [47, с. 56].

В 1675/76 г. стольник Яков Нелединский был писцом в суздальских государевых дворцовых селах. В 1678/79 г. он разбирает ратных людей «в Цареве в Санчурском, в Яранском, в Цареве в Кокшайском, и в Кокшайском». За эти службы получал «грамоты с похвалою». В 1679/80 г. Яков Нелединский разбирает ратных людей теперь уже на юге, на Орле и Кромах и с этими людьми во время набега крымского хана ходил полковым воеводой в поход к воеводе кн. Петру Ивановичу Хованскому. За эту службу ему вновь были присланы «грамоты с похвалою и впродь государевою милостию обнадеживал». Последняя информация о нем в родословной относится к 1680/81 г., когда он был назначен воеводой в Кевроль и на Мезень, там же занимался писцовым описанием. Наказ ему дан «за приписью дьяка Василья Посникова» [6, с. 299].

Видимо, во время пребывания на воеводском посту в Мезени произошли трагические события 1682 г. в Москве (стрелецкий бунт), в ходе которых были утеряны многие документы Нелединских. В том же году умер единственный сын Якова Нелединского Федор – бывший стольником царя Федора Алексеевича. Еще до 1686 г. при жизни Якова Васильевича умер и его малолетний внук Петр Федорович. В родословной сказано: «Умре мал». В. В. Руммель указывал, что сам Яков Нелединский умер в 1690 г. [7, с. 133]. С его смертью прервалась эта ветвь Нелединских.

Как видим, биография В. В. Нелединского была типичной, как и у многих других представителей государева двора. Никакой спокойной

жизни при дворе с выполнением обычных дворцовых обязанностей мы не наблюдаем. Начав службу в качестве жильца при дворе Михаила Романова в последние годы Смуты, за почти полвека службы московский дворянин Василий Нелединский успел побывать воеводой в ряде городов страны – от далекого сибирского Кетского острога до южного Рыльска, а также в Саратове. Кроме того, он принял активное участие во многих походах и войнах, включая Смоленскую войну 1632–1634 гг. и русско-польскую войну 1654–1667 гг., в защите южных рубежей страны (служба на Валуйках и Туле), в подавлении восстания в Новгороде и Пскове.

Список литературы

1. Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова и его округа, составленные А. И. Шахматовым / под ред. Вл. Г. Вучетич. Саратов : Типо-лит. П. С. Феокритова, 1891. Вып. 1. [4], XII, 206, 17 с., 3 л. ил., карт.
2. Гоздаво-Голомбиевский А. А. История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М., 1892. С. 210–217.
3. Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. / [Соч.] Ф. Ф. Чекалина ; С рис. старого Саратова Олеария. Саратов : Пар. скоропеч. Губ. правл., 1892. [2], 81 с., 1 л. фронт. (ил.).
4. Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов : Саратов. о-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. 1893. [2], 372, V с. С. 19–104.
5. Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова: записки книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. 26 с.
6. Родословная роспись Нелединских. 1686, декабря 20: Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII века. Дополнение (Б, Г, Е, К–Я)/публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 11 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2022. С. 296–301.
7. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1887. Т. 2 (М–Я). 918 с.
8. Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. X, 611 с.
9. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные 2-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 4 т. СПб. : в Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.
10. Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. 1913. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 61–82.

11. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2002. Т. 3. 680 с.
12. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимин ; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. 456 с.
13. *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства: Список дворовых, приказных и служилых людей разных чинов последней четверти XVI века // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1909. № 3 (230). С. 55–72.
14. *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 506 с.
15. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, введ. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 616 с.
16. *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907 год. Кн. 3 (222). С. 81–311.
17. Грамота из Приказа Казанского дворца тарскому воеводе С. И. Гагарину о посылке служилых людей в калмыцкие улусы для приведения к шерти калмыцких тайшей. 1607, марта 30 // Материалы по истории русско-монгольских отношений : Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. / сост. Л. М. Гаутаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук ; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов (далее – Материалы...). М. : Издательство восточной литературы, 1959. № 1. С. 21.
18. Грамота из Приказа Казанского дворца тарскому воеводе С. И. Гагарину о посылке служилых людей в калмыцкие улусы к тайшам Изеню и Далаю-Богатырю, а также к Хо-Урлюку и Курсугану, для приведения их к шерти. 1607, октября 18 // Материалы.... № 2. С. 22–23.
19. Грамота из Приказа Казанского дворца тарскому воеводе И. В. Мосальскому об условиях приведения к шерти калмыцких тайшей, о торговле с калмыками и о посылке тарского головы А. Ф. Поленова для выбора места под постройку города. 1608, февраля 27 // Материалы.... № 3. С. 24–28.
20. Грамота из Приказа Казанского дворца тарскому воеводе И. В. Мосальскому о посылке к калмыцкому тайше Хо-Урлюку казака Т. Алексева, о приведении к шерти калмыцких тайшей и о разрешении бухарским купцам торговать в сибирских городах. 1608, марта 5 // Материалы.... № 4. С. 28–30.
21. Царская грамота Ярославским воеводам, об изгнании из разных городов Литовцев и мятежников, о поражении неприятелей под Москвой на Ходынке, о намерении Самозванца бежать в Литву, и о разбитии Литовцев под Торжком, с повелением прислать ратных людей на помощь Троицкому Сергиеву монастырю и неослабно содействовать к укрошению мятежей. 1609, июня 28 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук : в 4 т. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1836. Т. 2 (1598–1613), № 128. С. 236–240.
22. Отписка Устюжского воеводы Стрешнева Верхотурским воеводам Годунову и Плещееву, о взятии Дмитрова и победе на Сапегой. 1610, марта 2 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1841. Т. 2 (1598–1613), № 279. С. 338–339.
23. *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства: Боярский список 119-го году, сочинен до московского разорения при Литве с писма думного дьяка Михаила Данилова // ЧОИДР. 1909. № 3 (230). С. 73–103.
24. Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди ... и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1890. Т. 1 (1571–1634), № 108. С. 138–147.
25. Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. Т. 8 / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. 692, (1) с.
26. Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 39 т. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1894. Т. 15. С. 1–209.
27. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением Собственной ЕИВ канцелярии : в 2 т. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
28. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные 2-м Отделением Собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб. : в Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с.
29. *Горбатов Е. Н.* «Земляной» жилацкий список 1628/29 г. // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 6. М. : Старая Басманная, 2019. С. 105–162.
30. Боярский список 1632/33 г. // «Подлинный» боярский список 1626–1633 годов : сборник документов [сост. Е. Н. Горбатов]. М. : Древлехранилище, 2015. 735, [1] с.
31. «Подлинный» боярский список 1637/38 г. / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. Вып. 5. М. : Старая Басманная, 2019. С. 41–113.
32. Записная книга Московского стола 7147 года // РИБ. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 104–200.
33. Сибирский летописный свод (Книга записная): Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) : в 43 т. Т. 36. М. : Наука, 1987. С. 138–177.
34. *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. С. 382–483.
35. Царская грамота верхотурскому воеводе Стрешневу о запрещении Сибирским воеводам ведать торговых и промышленных людей в проездах и пошлинах, мимо таможенных голов и целовальников, и в печатании указною печатью мягкой рухляди, собираемой в казну с ясачных.

- 1646 // АИ. СПб. : В Типографии 2-го Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1842. Т. 4 (1645–1676), № 8. С. 32–35.
36. Грамота Туринскому таможенному голове Клементию Устинову, о заведовании отпусками торговых и промышленных людей и сбором пошлин с отвозных товаров таможенным головам и целовальникам, мимо сибирских воевод и приказных людей. 1646, февраля 4 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической Комиссией (далее – ДАИ) : в 12 т. СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1848. Т. 3, № 9. С. 43–47.
37. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов, В. Ю. Беликов, А. Берелович, В. Д. Назаров, Э. Тейро. М. : Древлехранилище, 2010. 1660 с.
38. Латкин В. Материалы для истории Земских соборов XVII столетия (1619–20, 1648–49 и 1651 годов): Выписка из книги за № 47, хранящейся в библиотеке Московской Синодальной Типографии. СПб. : Типография В. В. Комарова, 1884. С. 226–285.
39. Рабинович Я. Н. Первое издание Соборного уложения 1649 г. и его читатели // Славянский сборник : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 17. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. С. 82–97.
40. Рабинович Я. Н. Об обстоятельствах утверждения Соборного Уложения 1649 года // Исторический вестник / под ред. А. А. Горского. (800-летие Александра Невского). 2021. Т. 35 С. 190–221.
41. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции (далее – МАМЮ) : в 21 кн. М. : Типография Имп. Моск. ун-та, 1901. Кн. 12. [9], 551, 76 с.
42. Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ: в 21 кн. М. : Типография Имп. Моск. ун-та, 1903. Кн. 13. [7], 546, 83 с.
43. Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1946. 316 с.
44. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви: [С Алф. указ. монастырей, сост. М. Семевским] / сост. из достовер. источников Павел Строев, орд. акад. С.-Петербур. акад. наук... СПб. : Археограф. комис., 1877. X с., 1064, 68 стб., 1 л. факс.
45. Приезд в Москву Донского станичного атамана Павла Федорова и есаула Никифора Яковлева с войсковыми отписками...: Войсковая отписка о получении государева жалования: о готовности войска к походу на Крымцев совместно с воеводами...; о сношении с Калмыками для привлечения их к совместному походу против Крымцев. 1655, ноября 10 // РИБ. Т. 34 : Донские дела. Кн. 5. Пг. : Типография Министерства земледелия, 1917. № V-5. Стб. 40–50.
46. РГАДА. Ф. 110 (Сношения России с Грузией). Оп. 1. Л. 24–26.
47. Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин ; подг. текста В. А. Кадик. М. : Институт Российской истории РАН, 2004. 333, [2] с., [1] л. портр.
48. Записная книга Московского стола 7155 года // Русская историческая библиотека (РИБ). СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 301–400.
49. Записная книга Московского стола 7157 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 401–490.

Поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 30.08.2022; approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 101–105
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 101–105
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-101-105>, EDN: GGYDGM

Научная статья
УДК 311.313(470.44)(09)+929Личков

У истоков саратовской земской статистики: Л. С. Личков

С. В. Лёвин

Московский государственный областной университет, Россия, 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, культуры и социального развития Московской области, serglewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>. Author ID: 786851

Аннотация. Большое значение в хозяйственной деятельности земств имели статистические работы по определению социально-экономического состояния крестьянских хозяйств, являвшихся основой производительных сил страны. Земские статистики самостоятельно разрабатывали и совершенствовали методику их проведения. Свой вклад в это внес Л. С. Личков, одним из первых вступивший в ряды земских статистиков. В статье предпринята попытка анализа предложенных им способов получения первичных данных, приемов их обработки, методов группировки цифрового материала. Также рассматривается его практическая деятельность в должности руководителя земской статистической службы Саратовской губернии. Автор приходит к выводу о том, что методика сбора и обработки статистического материала, которую он предложил и использовал в работе, была относительно эффективной и в целом позволяла получать полные и достоверные сведения о крестьянской общине. Возглавляя саратовскую статистику, Л. С. Личков вывел ее в разряд передовых.

Ключевые слова: губерния, земство, крестьянская община, перепись, сельский сход, статистики, уезд

Для цитирования: Лёвин С. В. У истоков саратовской земской статистики: Л. С. Личков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 101–105. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-101-105>, EDN: GGYDGM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

At the origins of the Saratov zemstvo statistics: L. S. Lichkov

S. V. Lyovin

Moscow Region State University, 24 Vera Voloshina St., Mytishchi 141014, Russia

Sergei V. Lyovin, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, Author ID: 786851

Abstract. Of great importance in the economic activities of the zemstvos was statistical work on determining the socio-economic condition of peasant households, which were the basis of the country's productive forces. Zemstvo statisticians independently developed and improved the methodology for conducting them. L. S. Lichkov, who was one of the first to join the ranks of Zemstvo statisticians, made his contribution to it. The paper attempts to analyze methods for obtaining primary data, methods for processing them, methods for grouping digital material that were proposed by him. His practical activities as the head of the Zemstvo statistical service of the Saratov gubernia are also considered. The author concludes that the methodology for collecting and processing statistical material, which he proposed and used in his work, was relatively effective and, in general, made it possible to obtain complete and reliable information about the peasant community. Heading the Saratov statistics, L. S. Lichkov brought it into the category of advanced ones.

Keywords: gubernia, zemstvo, peasant community, census, peasant gathering, statisticians, uyezd

For citation: Lyovin S. V. At the origins of the Saratov zemstvo statistics: L. S. Lichkov. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 101–105 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-101-105>, EDN: GGYDGM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Новые количественные и качественные изменения, происходившие в аграрном секторе пореформенной экономики Российской империи, поставили перед правительством и земством задачу их регистрации, учета и анализа. С этой целью в конце 1870 – начале 1880-х гг. в земских губерниях развернулись масштабные статисти-

ческие работы. Одной из первых губерний, приступившей к ним, стала Саратовская. Становление земской статистической службы в ней неразрывно связано с Леонидом Семеновичем Личковым. Он родился в 1855 г. в г. Холмогоры Архангельской губернии. В 1873 г. после окончания гимназии поступил в Петровскую зем-

ледельческую и лесную академию в Москве, однако полного курса не окончил, примкнув к народническому движению. В 1876 г. был арестован, но за отсутствием улик отпущен, с прекращением дела и «с отменой мер пресечения способов уклониться от следствия» [1, ч. 2(3), л. 214].

Уже в Архангельске у Л. С. Личкова проявился интерес к статистике; он состоял действительным членом губернского статистического комитета и статистического отделения Московского юридического общества. Первый практический опыт занятий статистикой Л. С. Личков получил в Рязанской губернии, где под руководством экономиста и статистика, публициста В. Н. Григорьева развернулись статистические работы. Л. С. Личков с головой погрузился в них. С этого времени статистика стала для него определяющим профессиональным ориентиром на протяжении всей жизни. Во многом благодаря его энергии и трудолюбию, переписи крестьянских хозяйств в Рязанской губернии проходили «быстро и слаженно». В письме от 5 мая 1881 г. В. Н. Григорьев сообщал своей невесте С. А. Вернер: «Наша работа двигается вперёд и вперёд, галопируя; последнее особенно относится к Леониду Семёновичу (Личкову), который с 3-х часов ночи сход собирает и чуть ли не в полночь кончает работу. Ещё неделька с небольшим, и мы закончим весь уезд по сю сторону Оки...» [2, л. 3–3 об.]. О том, насколько напряженной была работа, свидетельствует тот факт, что четверо статистиков за месяц собрали данные о социально-экономическом состоянии 24500 домохозяйств 633 общин по 19 волостям Рязанского уезда [3, с. VI]. Проводя переписи крестьянских хозяйств в Рязанской губернии, В. Н. Григорьев, в качестве социально-экономической и культурно-бытовой единицы взял не отдельный крестьянский двор, а целую общину. Обширный цифровой материал статистики сводили в пообщинные таблицы. В них, в свою очередь, выделяли таблицы по каждой волости и по «разрядам экономической состоятельности» крестьян. И, наконец, на основе этой цифровой группировки была составлена своего рода итоговая, «поразрядная и порайонная для всего уезда» таблица. Л. С. Личков написал введение к ним, в котором объяснил выбор факторов (признаков) для группировки первичного материала и методике его сведения в таблицы. К каждой из них давался пояснительный текст.

Во время работы в Рязанской губернии Л. С. Личков зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Не случайно именно его В. Н. Григорьев рекомендовал на должность заведующего статистическим отделом председателю саратовской губернской земской управы, обратившемуся с просьбой помочь в поиске кандидата. Л. С. Личков приехал в Саратов в начале сентября 1882 г., но к полевым работам приступить не смог из-

за отсутствия разрешения на это губернатора А. А. Зубова, который отправил запрос о его «политической благонадёжности» в канцелярию рязанского губернатора. Лишь после получения положительной характеристики на Л. С. Личкова губернатор выдал ему разрешение на проведение статистических работ в Саратовском уезде.

Перед Л. С. Личковым стояли следующие первоочередные задачи: адаптировать составленную им программу статистических обследований применительно к местным условиям и культурно-бытовым особенностям жизни сельского населения; сформировать кадровый состав статистического отдела; согласовать с губернским собранием и управой финансовую смету работ. Вероятнее всего, по последнему вопросу ему удалось достичь взаимопонимания с земцами, поскольку ранее выделенная губернским земским собранием денежная сумма на проведение статистических работ в Саратовском уезде и обговоренное жалование руководителя сохранились [4, с. 939]. Труднее всего оказалось найти работников, знакомых с методикой проведения статистических переписей, подсчетом и обработкой собранных данных. На это в своем отчете в департамент полиции 30 сентября 1882 г. обратил внимание даже губернатор [1, ч. 1(3), л. 78 об.]. Лишь к концу октября удалось укомплектовать штат сотрудников в количестве 5 чел. Но их еще надо было обучить способам и приемам сбора первичной информации, и ее обработки. «Для многих моих товарищей по работе, как людей, впервые только занявшихся статистическими местными исследованиями, необходимо было, прежде всего, убить немало времени, чтобы ориентироваться в незнакомой им сфере деятельности, чтобы выработать известную сноровку...», – вспоминал Л. С. Личков [5, с. I].

Предметом обследования, как и в Рязанской губернии, стала крестьянская община. Такой выбор представлялся оправданным, поскольку общинная форма землевладения и землепользования в Саратовской губернии исторически преобладала. Как справедливо заметил экономист и публицист В. П. Воронцов, пообщинный метод, который положил в основу статистических работ Л. С. Личков, «основан на предположении, что община есть первичная единица экономической организации страны» [6, с. 360]. К тому же Л. С. Личков уже имел практический опыт проведения пообщинной переписи. Разработанный им бланк (анкета) по Саратовскому уезду, включал в себя 25 разделов (вопросов) [7, л. 7–9 об.]. «Пообщинный бланк, – пояснял Л. С. Личков, – даёт подробные сведения, характеризующие бытовые и экономические условия жизни каждой общины» [8, с. I]. Для проведения переписей был подготовлен и его развернутый вариант, который состоял из 33 разделов. Следует заметить, он оказался одним из самых кратких. К примеру,

составленный руководителем казанской земской статистики Н. Ф. Анненским пообщинный бланк по Царёвококшайскому уезду Казанской губернии насчитывал 104 вопроса [9, с. 213–214]. Четкой и понятной для крестьян формулировке вопросов земские статистики придавали большое значение, справедливо полагая, что от этого зависят и правильные ответы. Поэтому бланки и содержали такое большое количество разделов (вопросов).

Переписи крестьянских хозяйств преследовали, прежде всего, практические задачи, поставленные губернским земством перед статистиками. Из них важнейшими являлись две: определение размеров крестьянского землевладения и землепользования и характеристика общего экономического положения той или иной общины. Достоверные сведения о крестьянских обрабатываемых наделах помогали земству установить дифференцированную ставку их налогообложения, а знание социально-экономического состояния общин каждого уезда позволяло оперативно оказывать им продовольственную помощь в случае неурожая.

Сбор первичной информации проводился посредством устного опроса собиравшихся на общем сельском сходе крестьян. Здесь крайне важной являлась верификация полученной информации. Сознательно или нет опрашиваемый мог дать (и, случалось, давал) неточные ответы. «Крестьяне часто норовили показывать неправду. Надо было внимательно следить за тем, что говорят крестьяне, постоянно доказывать, почему не следует врать, а надо говорить правду», – вспоминал руководитель самарского губернского земского статистического отдела И. М. Краснопёров [10, с. 29]. Л. С. Личков и его сотрудники старались, насколько это представлялось возможным, перепроверять полученные во время переписи данные. Для этого они внимательно знакомились с документацией уездных и волостных правлений, сопоставляли информацию об одном и том же предмете, но полученную уже от крестьян соседней общины. При необходимости использовались материалы губернского статистического комитета и других губернских учреждений.

Наряду с изучением социально-экономического положения крестьянских хозяйств земские статистики во время проведения подворных переписей обращали внимание и на историю появления деревень и сел. Они собрали по данному вопросу обширный историко-географический материал. В большинстве случаев он служил дополнением к цифровым таблицам, что, однако, не делало его менее значимым. Как отмечал саратовский статистик С. А. Харизоменов, «описания селений» – это не только «прямое дополнение к пообщинным таблицам», но в некоторых случаях и «сведения, имеющие самостоятельное значение» [11, с. I].

История возникновения населенных пунктов позволяла проследить эволюцию землевладения и землепользования каждой отдельно взятой общины, арендных отношений, появление кустарных промыслов, если таковые наличествовали, и т. д. Зная это, земство, в свою очередь, могло помочь, конкретной общине в решении спорных земельных вопросов с соседями, развитии того или иного вида кустарного промысла, сбыта готовой продукции или обеспечения сельхозпроизводителей необходимыми орудиями производства.

По поручению Саратовской губернской земской управы Л. С. Личков составил обстоятельный доклад-исследование об общественных запашках в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах и подготовил материал о крестьянских семейных разделах в них [12, 13]. В ходе проведения статистических работ было установлено сокращение общественных запашек в этих уездах, а земству требовалось знать их количество и размеры для обложения поземельным налогом. Изучая данные о семейных разделах, исследователь констатировал обратный процесс – увеличение их количества, что свидетельствовало о происходившем процессе разрушения общины под влиянием развивавшихся в ней капиталистических отношений. На основе собранного статистического материала Л. С. Личков написал несколько статей о крестьянской общине [14–18]. В них он отмечал двойственность ее положения в Саратовской губернии. С одной стороны, капиталистические отношения, развивавшиеся в ней, подтачивали экономические основы, с другой – культурно-бытовые общинные устои еще оставались прочными, и подавляющее большинство крестьян выступали за сохранение общинного землепользования, поскольку оно не только позволяло выживать беднейшим семьям в неурожайные годы за счет оказания помощи со стороны других общинников, но и отвечало крестьянскому менталитету о коллективном владении землей как «даре божьем». В одной из своих статей Л. С. Личков отметил, что община служит преградой развитию среди крестьянства революционных идей [16, с. 725]. Представляется логичным считать данное мнение определенной эволюцией вправо его народнических взглядов.

За полтора года статистики под руководством Л. С. Личкова провели переписи крестьянских хозяйств Саратовского, Царицынского, Петровского и части Аткарского уездов. Они изучили буквально все стороны их экономической и культурно-бытовой жизни. Собранный цифровой материал был сведен в таблицы с пояснительными текстами и издан губернским земством отдельными томами по каждому уезду.

Результаты работ саратовских статистиков получили высокие оценки их коллег из других земских губерний, а также экономистов,

агрономов, публицистов, общественных деятелей. Признанный корифей земской статистики В. И. Орлов дал следующую оценку научно-практическим трудам саратовцев: «Как 1-й выпуск саратовских трудов, так и 2-й, представляют массу интересного материала по разным сторонам хозяйственной жизни и деятельности населения» [19, с. 649]. Особенно высоко он отозвался о разделе, написанном Л. С. Личковым, в котором рассматривались формы земельного владения и пользования в Царицынском уезде [19, с. 652]. Позитивно о работах саратовцев под руководством Л. С. Личкова высказался В. Н. Григорьев [20, с. 42]. В. П. Воронцов выделил первый выпуск сборника статистических сведений по Саратовской губернии под редакцией Л. С. Личкова за удачное, с его точки зрения, сочетание таблиц и пояснительного текста [6, с. 376]. Корреспондент журнала «Дело», обзвывая статистические издания за 1881–1882 гг., акцентировал свое внимание на саратовском сборнике, а в нем – на главе об общинном землевладении и землепользовании, крестьянской аренде в Саратовском уезде [21, с. 63]. Положительно оценили работы своих статистиков и многие члены саратовской губернской земской управы, которые пришли к выводу о том, что собранные сведения могут быть востребованы при распределении «ссуд продовольственного капитала» в случае неурожая, ибо их «сторона качественной оценки совершенно удовлетворительна и достаточна для практических целей» [22, с. 147]. Гласные земской управы в большинстве своем также позитивно отозвались об исследованиях статистиков. Спор между ними вызвали два момента: слишком обширный, по их мнению, охват сторон крестьянского хозяйства статистическими работами и излишне дробная группировка цифрового материала в таблицах, которыми далеко не все гласные умели пользоваться. К первому моменту добавлялись и упреки ряда гласных об излишнем расходовании земских денег на статистику.

Л. С. Личков заведовал статистическим отделом при Саратовской губернской земской управе до лета 1884 г. В конце июня из-за поступившего на него ложного доноса, основанного на обвинении в ведении революционной пропаганды среди крестьян во время проведения статистических переписей, он был уволен распоряжением исполнявшего обязанности губернатора Е. А. Куровского [23, с. 90]. Председатель губернской земской управы пытался выставить кандидатуру Л. С. Личкова, но безуспешно.

Дальнейший жизненный путь Л. С. Личкова также был связан со статистикой. Он проводил переписи крестьянских хозяйств в Иркутской и Киевской губерниях, а в советское время, руководил киевским городским отделом статистики. Следует отметить, что Л. С. Личков не замыкался на вопросах статистики; он принимал участие

в общественной жизни той губернии, где проводил статистические исследования, занимался научной, историко-краеведческой и публицистической деятельностью, откликаясь на многие актуальные для того времени социальные вопросы.

Леонид Семенович Личков принадлежал к группе земских статистиков, которые широко представляли цель и задачи статистики, уделяя внимание не только экономическим, но и историко-географическим, культурно-бытовым и этнографическим аспектам предмета исследования. Он внес весомый вклад в создание саратовской земской статистической службы. Предложенный им пообщинный метод сбора и обработки цифрового материала применительно к земледельческой губернии, каковой являлась Саратовская губерния, оказался результативным. Это было признано всем статистическим сообществом. Разработанные Л. С. Личковым разновидности статистических таблиц наиболее полно отражали социальную структуру и экономическое положение каждой, отдельно взятой крестьянской общины. Его труды о крестьянской общине, написанные на основе собранного материала в Саратовской губернии, использовали в своих социально-экономических исследованиях такие известные экономисты и политические деятели, как В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Г. П. Сазонов, М. И. Туган-Барановский. К ним обращались писатели: Н. Н. Златовратский, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др. Все это свидетельствует о высоком уровне, на котором выполнены работы Л. С. Личкова. Они и сегодня не утратили своей научной ценности и значения. С ними продуктивно работали и работают не только отечественные исследователи земства и крестьянской общины пореформенного периода (В. Ф. Абрамов, В. П. Данилов, П. С. Кабытов, А. В. Костюков, С. В. Левин, Е. Н. Морозова, С. Н. Полосин, Т. А. Ростова, В. Ю. Соловьев, В. А. Старостин, Е. В. Чернышьева и др.), но и зарубежные (А. Блум, П. Грегори, Я. Коцонис, К. Маццато, М. Меспуле, А. Станциани, Д. Филд, А. Ямагучи).

Историко-краеведческий материал, собранный статистиками во время проведения переписей, и по сей день остается ценным историческим источником.

Образованный при активном участии Л. С. Личкова саратовский земский статистический отдел стал одним из лучших в стране. Его последовательно возглавляли такие известные статистики, как С. А. Харизоменов, Н. Н. Черненко, В. И. Серебряков. Они использовали в своей работе эффективные способы сбора первичного материала и методику его обработки, причем некоторые методы и приемы статистических исследований разработаны ими.

Например, С. А. Харизоменов предложил комбинационные таблицы, которые базировались на сочетании (комбинации) различных признаков экономической состоятельности крестьянских дворов, что давало исключительно подробную и достоверную информацию о каждом крестьянском хозяйстве общины. Эти таблицы получили признание у всех земских статистиков. Н. Н. Черненковым первым среди своих коллег предложил группировку крестьянских домовладений не «по земле», а по количеству рабочего скота, т. е. тягловой силы для обработки земли. В плане проведения статистических работ Саратовская губерния оказалась в лидерах; к 1891 г. статистики завершили обследование крестьянских хозяйств всех ее уездов, а в некоторых из них переписи проводились еще раз в начале 1900-х гг. Практически в полном объеме были проведены в губернии и оценочно-статистические работы.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625.
2. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). Картон 557. Ед. хр. 3.
3. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии : в 12 т. Т. I: Рязанский уезд: в 2 вып. М. : Типография С. В. Гурьтовой, 1882. Вып. 1. 458 с.
4. Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания 1866–1882 гг. / под ред. М. С. Кропотова. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1884. 1130 с.
5. Личков Л. С. Новые данные по истории заселения Сибири. Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. 50 с.
6. В. В. [Воронцов В. П.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1885. Кн. 7. С. 353–389.
7. Государственный архив Саратовской области. Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 400.
8. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии : в 12 т. Т. I: Саратовский уезд / ред. Л. С. Личков. Саратов : Типография губернской земской управы, 1883. 232 с.
9. Земская статистика. Справочная книга по земской статистике : в 2 ч. Ч. 2 : Программы исследований / сост. С. Н. Велецкий. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1899. 878 с.
10. Красноёров И. М. Воспоминания земского статистика (1872–1902) / подгот. текста, предисл., прим. Ю. И. Соколова. М. : Золотое сечение, 2008. 120 с.
11. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии : в 12 т. Т. 12: Балашовский уезд : в 2 вып. / под общ. ред. С. А. Харизоменова, Н. Н. Черненкова. Саратов : Типография губернской земской управы, 1893. Вып. 2. 655 с.
12. Общественные запашки в Царицынском, Саратовском и Петровском уездах Саратовской губернии. (Составлено вследствие предложений г. министра внутренних дел от 31 августа 1884 г. за № 6847). Саратов : Типография губернской земской управы, 1884. 156 с.
13. Семейные разделы в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах Саратовской губернии / сост. Л. С. Личков. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1885. 36 с.
14. Личков Л. С. Заселение и история форм крестьянского землевладения южных степей Саратовской губернии. (По земско-статистическим исследованиям) // Земский обзор. 1885. № 8–9. С. 109–112.
15. Личков Л. С. Круговая порука и общинное землевладение // Русская мысль. 1886. Кн. 10. С. 21–39.
16. Личков Л. С. К вопросу о разложении поземельной общины // Юридический вестник. 1886. Т. 21, кн. 4. С. 714–729.
17. Л. И. Ч-к-овъ [Личков Л. С.]. Интенсивная культура и общинное землевладение // Русская мысль. 1887. Кн. 6. С. 33–47.
18. Личков Л. С. Ещё к вопросу об общине // Юридический вестник. 1887. Т. 26, кн. 2. № 10. С. 214–227.
19. Статистическое отделение в 1884–1885 гг. Протоколы заседаний. Заседание 7 ноября 1884 года // Юридический вестник. 1886. Т. 22, кн. 4. № 8. С. 622–683.
20. Григорьев В. Н. Земско-статистические исследования по Саратовской губернии // Русская мысль. 1886. Кн. 4. С. 40–56.
21. Новые книги. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 1: Саратовский уезд. Саратов, 1882 // Дело. 1883. № 3. С. 62–64.
22. Доклад Саратовской губернской земской управы о статистических работах // Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1887 года. Саратов : Типография губернской земской управы, 1887. Ч. 1. С. 141–169.
23. Киселёва Е. С. Становление и развитие земской статистики в Саратовской губернии (1882–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012. 242 с.

Поступила в редакцию 11.09.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 11.09.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 106–115

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 106–115

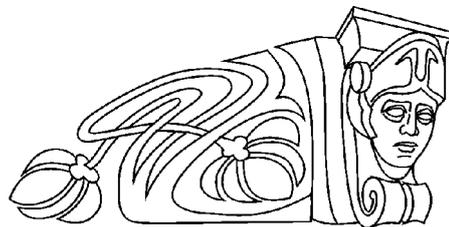
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-106-115>, EDN: HICSHI

Научная статья

УДК 271.2-725(470.43)|18/19|

Миссионерская деятельность единоверческого духовенства Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века

П. К. Соловьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Соловьев Павел Константинович, соискатель кафедры истории России и археологии, solovjev.pasha2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>, Author ID: 1145866

Аннотация. В статье представлен обзор деятельности единоверческого духовенства в контексте борьбы Русской Православной Церкви со старообрядческим расколом в Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в. Единоверие рассматривается как миссионерская платформа, на базе которой для старообрядцев стало возможным воссоединение с православием на условиях сохранения дониконовской богослужебной практики. Епархиальные власти в течение дореволюционного периода выработали в отношении единоверия определенную стратегию, способствовавшую его распространению в губернии, и активно привлекали единоверческое духовенство к противораскольнической деятельности. Анализируются формы и методы миссионерского служения единоверцев; приведены статистические сведения, отражающие успехи «православных старообрядцев» в деле противодействия расколу в Самарской губернии. Основной источниковой базой исследования послужили архивные документы и материалы официальных миссионерских отчетов.

Ключевые слова: единоверие, старообрядцы, борьба с расколом, миссионерская деятельность Русской Православной Церкви, Самарская губерния

Для цитирования: Соловьев П. К. Миссионерская деятельность единоверческого духовенства Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 106–115. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-106-115>, EDN: HICSHI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Missionary activity of the co-religionist clergy of the Samara province in the second half of the 19th – early 20th century

P. K. Solovyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Pavel K. Solovyev, solovjev.pasha2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>, Author ID: 1145866

Abstract. The article presents an overview of the activities of the co-religionist clergy in the context of the struggle of the Russian Orthodox Church with the Old Believer schism in the Samara province of the second half of the XIX – early XX century. The co-faith is considered as a missionary platform, on the basis of which it became possible for Old Believers to reunite with Orthodoxy on the conditions of preserving the pre-Canonical liturgical practice. During the pre-revolutionary period, the diocesan authorities developed a certain strategy in relation to the co-religionism, which contributed to its spread in the province, and actively involved the co-religionist clergy in anti-schismatic activities. The article analyzes the forms and methods of missionary service of co-religionists, provides statistical information reflecting the successes of the “Orthodox Old Believers” in countering the schism in the Samara province. The main source base of the study was archival documents and materials of official missionary reports.

Keywords: co-belief (edinjveriye), Old Believers, struggle against schism, missionary activity of the Russian Orthodox Church, Samara province

For citation: Solovyev P. K. Missionary activity of the co-religionist clergy of the Samara province in the second half of the 19th – early 20th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 106–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-106-115>, EDN: HICSHI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Миссионерская деятельность в контексте противодействия старообрядческому расколу – сюжет, который всегда привлекал внимание исследователей истории Русской Православной Церкви (далее – РПЦ). Не стал исключением и региональный аспект этой большой темы – в частности, противораскольническая миссия в Самарской губернии [1, с. 60–63; 2, с. 335–338; 3, с. 25–27; 4, с. 71–75; 5, с. 260–270]. В связи с этим вызывает некоторое недоумение отсутствие исследовательского интереса к такому внутриконфессиональному феномену РПЦ, как единоверие. По своему содержанию и задачам единоверие фактически являлось «миссионерским проектом» [6, с. 16], предоставлявшим старообрядчеству компромиссный вариант преодоления церковного разделения второй половины XVII в.

В работах по истории старообрядчества и православной миссии в этом регионе единоверие либо упоминается в общем контексте борьбы с расколом [5, с. 260; 7, с. 322], либо рассматривается отдельными локальными сюжетами [8, с. 268–269]. Признавая определенные успехи противораскольнической проповеди в губернии [5, с. 260], некоторые историки делают акцент на репрессивных и административных элементах единоверческого проекта РПЦ, без использования которых у нее «явно не хватало сил для давления» на староверие [9, с. 67]. При этом существует мнение, что при анализе миссионерской деятельности РПЦ «не совсем правильно» причислять к обращенным в православие тех раскольников, кто принял единоверие, поскольку единоверцы – «это какая-то часть старообрядцев, отказавшихся от «старой веры» под влиянием православных родственников» [1, с. 63; 3, с. 27]. Более того, подобное понимание сути единоверия приводит к тому, что в ряде исследований, посвященных истории старообрядческих согласий Самарской губернии, единоверцы не упоминаются вовсе [10, с. 47–54; 11]. Другими словами, в настоящее время существует потребность в систематическом исследовании той роли, которую в дореволюционный период сыграло единоверие в Самарской губернии как субъект противораскольнической миссии РПЦ. Данная работа является попыткой представить более или менее целостную картину участия единоверческого духовенства в борьбе с расколом, а именно методы, формы и результаты его миссионерского служения.

Единоверие в Самарской губернии имело сложную предысторию. В с. Сосновка Бугурусланского уезда и Самаре единоверческие приходы возникли в 1830–1840 гг. по инициативе самих местных старообрядцев [12, с. 911; 13, л. 42–42 об.]. Численность этих приходов росла, в том числе и благодаря миссионерской проповеди приходского духовенства среди раскольников.

Особенно была заметна деятельность самарского священника Павла Кустова: за период с 1851 по 1867 г. он присоединил к единоверию в общей сложности 380 чел. [14, л. 3]. В Николаевском уезде, где проживала бомльшая часть старообрядцев Самарской губернии, процесс становления единоверия в конце 1820 – начале 1840-х гг. был инспирирован местными гражданскими властями и носил административный характер. Раскольнические монастыри на Иргизе были закрыты и преобразованы в единоверческие. «Мирское» старообрядчество местные чиновники вносили в списки единоверцев целыми селами, порой даже не спрашивая согласия раскольников. Фиктивный переход в единоверие привел к тому, что к концу 1850-х гг. в Николаевском уезде произошло резкое увеличение численности единоверцев, вновь отпавших в раскол: из 5619 «записных» единоверцев (половина всего иргизского старообрядчества) только 110 чел. остались «верными чадами Церкви» [15, с. 142–144].

Уголовные преследования и судебные решения за «уклонения» и «сращения» в раскол заканчивались формальными «увещаниями» со стороны священства, которые на практике показали низкую эффективность. Задача единоверческого духовенства осложнялась тем, что миссионерская деятельность велась в условиях активной «контрмиссии» старообрядцев. Так, в Сосновке энергично действовали эmissары беглопоповского монашества, которые призывали прихожан «держаться в расколе, презирать церкви православные и единоверческие». В Теликовке, Балаково и Криволучье, помимо противодействия единоверческой миссии местных беглопоповских «наставников», большое влияние на местных староверов оказывали также поморцы и «австрийцы» (так называемая «белокриницкая церковь») [16, с. 237–238; 17, л. 2–2 об.]. В начале 1860-х гг. единоверческому священству удалось остановить в этих селах сокращение численности прихожан и фактически заново возродить общину в Балаково. Впоследствии случаи массовых отпадений единоверцев в раскол прекратились, и фиксируемые в конце XIX – начале XX в. «сращения» были немногочисленны [18, с. 818; 19, с. 1437; 20, с. 1573].

В условиях формирования епархиальной структуры миссионерская работа РПЦ в Самарской губернии в 1850–1860 гг. находилась в зачаточном состоянии. Вследствие этого единоверческое духовенство имело определенную миссионерскую «автономию», когда проповедь среди раскольников, как правило, приходской священник вел самостоятельно. Отчет о результатах миссии предоставлялся правящему архиерею через единоверческого благочинного. С начала 1870-х гг. ситуация изменилась. В 1871 г. по инициативе самарского епископа Герасима (Добросердова) с целью развития миссионерской деятельности в епархии были учреждены Комитет

православного миссионерского общества, миссионерские станы и штатные («комитетские») миссионеры [7, с. 319]. Часть миссионерской деятельности осуществляли приходские священники, в том числе и единоверческое духовенство, на которое также возлагались дополнительные заботы по приему миссионеров у себя на приходе, организации их выездов в окрестные населенные пункты и проведению «собеседований» с раскольниками [21, с. 319]. Приходские священники после воскресного вечернего богослужения регулярно в храмах проводили так называемые «чтения», в ходе которых разбирались Евангелие и святоотеческие творения. Раскольники зачастую присутствовали на подобных встречах, которые нередко становились поводом для «частных» бесед на дому либо у священника, либо у старообрядцев [22, л. без нумерации]. Священник Павел Кустов отмечал благотворное влияние таких встреч. После них большинство единоверцев охотно посещали православные храмы и приглашали для совершения христианских треб «новообрядное» духовенство, а раскольники «не так резко нападают на Церковь» [23, л. 8]. С начала XX в. практика собеседований, которые являлась одним из основных видов миссионерской проповеди, получила распространение практически во всех единоверческих приходах епархии.

В годы архиерейского служения на самарской кафедре епископа Гурия (Буртасовского) (1892–1904) миссионерская деятельность в губернии вышла на новый уровень. За время его деятельности в епархии было открыто 15 новых единоверческих приходов [4, с. 74], почти в 3 раза больше, чем за весь предшествующий период с момента образования губернии. В 1896 г. появилась должность епархиального противораскольнического миссионера, который под руководством правящего архиерея осуществлял планирование и координацию старообрядческого направления православной миссии. С начала 1870-х гг. единоверцы включались в проповедническую деятельность в качестве официальных миссионеров, и данная тенденция сохранялась до 1917 г. В 1882 г. в епархии официально числились 4 миссионера, в том числе один единоверец [7, с. 319]. В 1891 г., когда количество миссионеров достигло 18 чел., их было двое [24, с. 188; 25, с. 196–197]. В начале XX в. доля единоверцев (как мирян, так и духовенства) резко возросла, достигнув половины миссионерского штата епархии, работавшего на старообрядческом направлении. В 1906 г. из 19 миссионеров 9 чел. были единоверцы, а в 1914 г. из 67 представителей противораскольнической миссии – 32 [26, с. 428–433; 27, с. 67–68; 28, с. 58–61]. Важно также отметить, что с 1910 г. противораскольническое направление в Самарской епархии возглавлял единоверческий священник Сергей

Пряхин, назначенный на должность епархиального миссионера [29, с. 494].

Епископ Гурий стал первым самарским архипастырем, который принял практику регулярных архиерейских богослужений в единоверческих монастырях и приходах епархии [8, с. 269]. Такие службы совершались «по уставу единоверия» настолько тщательно, что раскольники, охотно посещавшие богослужения, принимали владыку Гурия за «своего» как выходящего из среды старообрядчества [30, с. 593–594]. Архиерей неизменно стремился подчеркнуть богослужебное единство православия и единоверия. Так, 5 сентября 1893 г. единоверческий храм в г. Бугуруслане был освящен владыкой в сослужении 6 священников – единоверческих и «новообрядных». Епископ Гурий неизменно использовал возможность обращения с пастырским словом не только к единоверческой пастве, но и к присутствовавшим старообрядцам [8, с. 269–269; 31, с. 781–782; 32, с. 421].

В случае необходимости Гурий поручал совершение миссионерских священнодействий «старым чином» архимандриту иргизского Верхне-Спасо-Преображенского единоверческого монастыря Тихону (Оболенскому). В июле 1897 г. он освящал место под единоверческий храм в Озерках Николаевского уезда. На это событие собралось более 4 тыс. чел. со всей округи. Местные старообрядцы высоко оценили строгое соблюдение на богослужении «древлего устава» и отмечали, что «если так будет истово молиться назначенный к нам в Озерки поп, как молился о. Архимандрит, то наши многие <...> перейдут в эту веру» [33, л. 16–17 об.].

Важным этапом в развитии единоверия стало учреждение по инициативе Гурия в 1901 г. Николаевского викариатства (с 1908 г. преобразовано в Уральское викариатство), которое и возглавил архимандрит Тихон. После этого архиерейские службы «по-старому» стали обязательным содержанием архипастырских визитов в единоверческие общины и необходимым элементом миссионерства. Несмотря на то, что полномочия викарного епископа ограничивались Николаевским и Новоузенским уездами, в его архипастырском управлении находились единоверцы всей Самарской губернии. Таким образом, единоверцы-миссионеры оказывались в сфере двойной компетенции викария Николаевского и епархиального миссионерского совета, который осуществлял координацию действий своих сотрудников через епархиального противораскольнического миссионера. Сам Тихон лично принимал участие в миссионерском служении. В 1910-х гг. он открывал приветственной речью единоверческие диспуты («ярмарочные встречи») с раскольниками в Старособорном Иоанно-Предтеченском храме г. Николаевска, призывая «и чад Церкви православной, и именуемых старообрядцами разных толков в мире и согласии

выяснять истину, избегая раздора и велеречия...» [34, с. 511–513]. В феврале 1913 г. викарий в торжественной обстановке лично совершил присоединение на правах единоверия 19 чел. в д. Верхне-Печерские Хутора. Событие произошло при большом стечении народа, преимущественно раскольников, и носило подчеркнуто демонстративный характер. По словам епархиального миссионера, оно стало «великим торжеством православия и поражением раскола»: за год к единоверию здесь присоединился еще 81 чел. [35, с. 73].

Гурий предпринимал неоднократные действия, направленные на официальную легитимацию старого обряда в рамках богослужебной практики РПЦ, подчеркивая сакраментальную и каноническую идентичность единоверия православия. На съезде миссионеров Самарской епархии в 1898 г. он высказал резко отрицательное отношение к мнению православных мирян и духовенства, позволявших себе порицать единоверие. В качестве единственной причины подобного порицания указывался сам факт «исполнения единоверия», т. е. совершения богослужения в старообрядческой традиции. Епископ характеризовал такую позицию как оскорбительную, поскольку «единоверие, по существу своему, тождественно с православием»: «Старые обряды, принятые в Единоверческих церквях, ни мало не нарушают догматизма тех истин веры, выражением которых они служат. <...> Порицающие единоверие с его старыми обрядами погрешают пред Богом и Св. Церковью, помимо того, что они своими порицаниями производят соблазн в меньшей нашей братии во Христе» [36, с. 11]. Для формализации статуса единоверия в 1901 г. архиерей вынес на обсуждение Самарской духовной консистории предложение именовать единоверцев «православными старообрядцами» в официальных документах и церковных печатных изданиях [37, л. 2–2 об.].

Воссоединившись с Церковью, единоверцы оставались старообрядцами, сохраняя бытовые, религиозно-культурные и родственные связи с бывшими собратьями по расколу. Поскольку вероятность повторного уклонения в раскол всегда оставалась высокой, вновь возникшие общины особенно остро нуждались в поддержке со стороны епархиальной власти. Зачастую обращение в единоверие само по себе не являлось окончательным итогом миссионерской деятельности, а лишь промежуточным звеном в процессе воцерковления бывших раскольников. В связи с этим нельзя не отметить, что комплексный подход самарских архиереев в борьбе с расколом на рубеже XIX–XX вв. включал себя и «внутреннюю миссию», направленную на удержание новообращенных единоверцев в лоне Церкви. Епархиальные власти стремились даже небольшим общинам единоверцев придать статус прихода, построить храм и назначить постоянного

священника, поскольку все это играло значительную роль и в миссионерской деятельности.

В с. Красный Яр Новоузенского уезда единоверцы с момента открытия прихода всячески стремились «устроить благолепие церкви Божией, и через сие обратить к оной заблудших в разных толках старообрядцев» [38, л. 1–2]. В Саврушской слободе, где не было своего храма, верующие жаловались епархиальному миссионеру: «Куда же, отец, мы голову приклоним? От своих отстанем, а у тебя нам и привиться негде... <...> Праздники будут, пост, люди будут молиться, а нам негде и не с кем...». В местный православный храм единоверцы ходить не желали, поскольку не «могли себя переломить» из-за приверженности к старому обряду. Новообращенные единоверцы в количестве 10 чел. в с. Яблонов Гай также сетовали на отсутствие постоянного священника в молельном доме: «Побудет батюшка у нас недолго, а далее и совсем его не будет, а до Николаевска 50 верст». Местные «австрийцы» злословили по этому поводу, что новообрядные миссионеры присоединили старообрядцев к единоверию и «бросили» [39, л. 6–8.]. Действовавший в 1884 г. в Бузулукском уезде миссионер Блинов отмечал, что в разных селениях «весьма многие из последователей австрийского лжесвященства присоединились бы к единоверию», если бы у них в местности был свой единоверческий храм [40, с. 137–138]. При острой нехватке епархиальных средств епископ Гурий жертвовал на строительство единоверческих храмов денежные суммы из личного фонда: в 1895 г. выделил на возведение церквей в Озинках и Николаевске 200 и 3 тыс. руб. соответственно [30, с. 588–589, 600–602]. После возникновения в с. Луговой Александровке небольшой единоверческой общины в 1897 г. епархиальная власть сразу же позаботилась о постройке храма и образовании самостоятельного прихода, полагая, что это «немало поспособствует движению, обнаружившемуся среди беглопоповцев в пользу православия» [18, с. 819].

Понимая проблему, в 1901 г. Гурий обратился в Синод с ходатайством об учреждении походного единоверческого причта с целью окормления малочисленных единоверческих общин в Бугурусланском, Бугульминском и Николаевском уездах Самарской губернии. Архиерей ссылаясь при этом на практику «австрийцев», которые организовывали выезд походной церкви в населенные пункты, где возникала новая община хотя бы численностью в 20–30 чел. Однако Синод отклонил прошение на том основании, что одного походного причта для поставленных целей будет недостаточно, учитывая большую территорию губернии и разбросанность единоверческих поселений. В синодальном указе рекомендовалось «для удержания обратившихся из раскола в лоно православной Церкви», созда-

ние постоянных приходов и церковных школ [41, л. 17–17 об.].

Успех миссии часто зависел от состояния раскола в той или иной местности, поэтому в отчетах миссионеров и благочинных фиксировалось отношение местных раскольников к единоверческому духовенству («недружелюбное», «враждебное», «неблагоприятное») [42, л. 9 об.–10]. Например, в конце XIX – начале XX в. отмечалось, что в Николаевском уезде раскольники сел Березовой Луки, Екатериновки и Острой Луки «народ грубый, невежественный» в отличие от старообрядцев Преображенки [43, с. 312–313]. Если в Теликовке поморцы были настолько открыты для миссионерской проповеди, что стали посещать единоверческий храм, то беглопоповцы Елатмонки и Саврушской слободы Бугурусланского уезда были «слишком грубы» и отказали местному священнику «даже в месте под постройку единоверческой церковной школы» [32, с. 417, 419].

Уместно упомянуть, что для раскольников был характерен довольно низкий уровень полемической культуры. Старообрядческие начетчики часто проявляли по отношению к своим оппонентам вербальную агрессию и неумение последовательно вести дискуссию. В 1903 г. было возбуждено уголовное дело против раскольников Елатмонки. Местный единоверческий священник Бочуров пожелал встретиться для беседы с беглым попом, но раскольники напали на миссионера, жестоко избили, угрожая бросить в реку его малолетнего сына. Пытавшихся заступиться за священника волостного старшину и старосту разгоряченная толпа также избила [44, л. 24 об.–25]. На диспуте, состоявшемся в 1910 г. в Николаевске, «австрийский» начетчик Иван Лукин, крестьянин с. Ахмат Новоузенского уезда, по ходу встречи прерывал священника Сергия Пряхина, называя православных миссионеров «разбойниками, на которых кресты понавешали»; безапелляционно отвергал авторитет историков своего оппонента со словами «книгу бы эту сжечь на спине миссионера» и т. д. [29, с. 495].

Большое внимание епархиальные власти уделяли подготовке квалифицированных кадров в деле миссии. В Криволучье, иргизском Нижне-Воскресенском монастыре, Самаре и других населенных пунктах губернии по инициативе епархиального миссионера Дмитрия Александра с конца XIX в. и до середины 1910-х гг. регулярно проводились миссионерские противораскольнические курсы, которые действовали от 2 до 4 недель. Теоретические занятия по обличению раскола чередовались с практикой. Между самими курсистами проводились диспуты по заранее определенной тематике и организовывались выездные миссионерские встречи с раскольниками. С целью ознакомления со старообрядческой литургической традицией курсисты из представителей «новообрядных» прихо-

дов принимали обязательное участие в «единоверческом богослужении», которое совершалось в Криволучье или Нижне-Воскресенском единоверческом монастыре. Главной целью курсов было формирование кадрового резерва лиц, обладающих достаточными знаниями и компетенцией, чтобы стать помощниками миссионеров в борьбе с расколом. В дальнейшем занятия проводились с целью повышения квалификации действовавших в епархии штатных миссионеров и их помощников [26, с. 421–436; 35, с. 46–76; 45, с. 554–561; 46, с. 447–448; 47, с. 401–408].

Единоверческие миссионеры-священники делились опытом своей работы не только с участниками противораскольнических курсов, но и с миссионерами других епархий, публикуя свои печатные работы на страницах синодального журнала «Миссионерское обозрение» [48–52]. В начале XX в. проповедь единоверческого духовенства среди раскольников стала подразумеваться априори, независимо от наличия официального статуса миссионера. В отчетах единоверческих благочинных отмечалось, сколько приходской священник проводил бесед со старообрядцами, указывалось число обращенных в единоверие за год (полугодие) и определялась степень его «правоспособности» к осуществлению миссионерской деятельности [53, л. 5 об., 6, 7–7 об., 9 об., 10 об., 16–17, 22, 23 об., 24].

Помимо духовенства, к борьбе с расколом в качестве помощников привлекались учителя церковно-приходских школ или миряне из бывших уставщиков и наставников раскольнических общин. В конце 1890-х гг. в Теликовке среди помощников священника числились учитель единоверческой церковно-приходской школы и крестьянка Марина Багдулина, бывшая раскольница, «хорошо грамотная и очень религиозная». В своем доме на «поморском конце» села она часто проводила собеседования с местными староверами [32, с. 419].

Другим источником миссионерских кадров были единоверческие церковно-приходские образовательные учреждения, среди которых главной являлась двухклассная школа при единоверческом Спасо-Преображенском монастыре. В школе действовали миссионерский и учительский «классы», где готовили будущих священников, церковнослужителей и учителей, способных после выпуска принимать деятельное участие в борьбе с расколом. В 1910-х гг. более трети учащихся единоверческих церковно-приходских школ были из семей старообрядцев. Поэтому сами школы являлись в некотором смысле миссионерской площадкой, где дети учились и принимали участие в богослужении по старопечатным книгам, что не могло не привлекать старообрядцев независимо от принадлежности к тому или иному согласию или толку. Обучение детей раскольников в единоверческих шко-

лах не предполагало прямолинейной проповеди и обязательного обращения учащих в православие. Оно рассматривалось как подготовительный этап к возможному воссоединению с Церковью в будущем. Главными задачами декларировались воспитание религиозности и гражданственности, а также формирование положительного образа «господствующей» Церкви и «нравственной симпатии» к православному духовенству [54, с. 40–41].

Тематическое содержание проповеди единоверческого духовенства в целом совпадало с программой подобных бесед «новообрядных» миссионеров с раскольниками. Прежде всего, она касалась вопросов об истинной Церкви, исторической непрерывности церковной иерархии и «необходимых для спасения седмих таинств». Большое значение имели богослужебные и обрядовые вопросы (о перстосложении, посолонном хождении, сугубой «алиллуйе», «поливательном крещении» и пр.). При этом в зависимости от состава аудитории тематика бесед могла иметь свою специфику. С поморцами велась полемика о беспоповском учении об Антихристе, с беглопоповцами – об обязательном наличии епископата, с «австрийцами» – о канонической несостоятельности белокрыницкой иерархии [45, с. 556–558]. Значительное место в беседах занимала апология единоверия, в котором использование старообрядцами дониконовских форм церковного богослужения получало каноническое обоснование. Наличие в «господствующей» Церкви «разности в обрядах» единоверческое духовенство объясняло историческими прецедентами. В 1887 г. балаковский священник Афанасий Давыдов в беседах со раскольниками указывал: «Некоторые обычаи в различных местах и церквях были и бываю изменяемы, но единство веры и единомыслие в догматах остаются неизменными». Единоверческие миссионеры обращали особое внимание на то, что «содержимые» единоверцами старые обряды не подвергают их «клятвам» Московского собора 1667 г., как это пытались доказать их оппоненты: «Понеже соборныя клятвы положены не на самые обряды, а на тех лиц, кои содержат сии обряды в отделении от Церкви» [23, л. без нумерации].

Важным инструментом в миссионерской деятельности единоверческого духовенства стали приходские библиотеки, которыми охотно пользовались как прихожане-единоверцы, так и «посторонние» раскольники [55, л. 9]. Пополнялись библиотечные фонды главным образом за счет изданий единоверческих типографий. Псковская единоверческая типография в период с 1868 по 1878 г. «безмездно» передала миссионерам и единоверческому духовенству Самарской губернии 1390 книг разного наименования [56, с. 192]. Большой популярностью в 1870–1890 гг.

среди старообрядцев пользовались миссионерские журналы «Истина» и «Братское слово», в которых разоблачались «Аввакумовское и прочих его единомысленников смутное учение и закоренелый фанатизм» [57, с. 3]. В Самаре единоверческий миссионер после собеседований со старообрядцами бесплатно раздавал слушателям брошюры противораскольнического содержания, поскольку считалось, что раскольник, получивший подобную брошюру, имел возможность позже сравнить приводимые в них цитаты «с подлинными старопечатными книгами» и убедиться в их правоте [25, с. 217; 26, с. 428–429].

С конца XIX в. епархиальные миссионеры регулярно проводили публичные богословские диспуты с видными старообрядческими начетчиками в крупных центрах губернского старообрядчества – Самаре, Николаевске, Новоузенске, Балаково. Инициатива часто исходила от местных раскольников, которые «выписывали» таких известных в старообрядческой среде полемистов, как Д. С. Варакин, К. Перетрухин, Т. А. Худошин и др. В 1906 г. в Новоузенске местный поморский «столп» Галкин для диспута с епархиальным миссионером вызвал из Пензенской губернии знаменитого начетчика Льва Пичугина. Галкин «Пичугина ждал как Апостола какого, полагая, что он разрешит им все их недоумения, защитит и оправдает поморское согласие, <...> но надежда не оправдалась <...>. Главным образом, Пичугин старался доказывать еретичество православной церкви, но ничтоже успе». После поражения начетчика в диспуте Галкин оставил раскол вместе с семьей и публично присоединился к Церкви на условиях единоверия. По оценке миссионера, это событие оказало «убийственный» эффект для местного раскола, поскольку за Галкиным изъявили желание стать единоверцами еще несколько семей из поморского согласия [26, с. 428–429].

Кстати, проповедь православных миссионеров была довольно успешной и среди лидеров староверия. Так, еще в 1870-х гг. был обращен в единоверие «лжепоп» Михай Муравьев, который впоследствии стал «комитетским» миссионером в Самарской епархии. В 1891 г. в Балаково единоверческий священник Кирилл Онуфриев убедил оставить раскол знаменитого «австрийского» проповедника М. П. Корнеева, который вместе со всей семьей присоединился к Церкви безусловно. В случае с Корнеевым миссионерская аргументация имела отложенное действие: этот видный начетчик полемизировал с православными миссионерами по крайней мере с середины 1880-х гг. Большой резонанс приобрело в это время присоединение «австрийского лжепопа» из Озинок Николаевского уезда Никанора Арюткина, который впоследствии стал настоятелем местного единоверческого прихода. Тогда же в Новоузенске единоверческий священник Дометий Холопов присоединил к единоверию лидера

местной поморской общины Никифора Альхова со всем его семейством. В ноябре 1906 г. в д. Гусихе Николаевского уезда один из видных начетчиков крестьянин Аверьян Михайлов, благодаря беседам с единоверческим миссионером Сергием Пряхиным, также стал единоверцем [25, с. 210, 217; 26, с. 428–429; 58, с. 111; 59, с. 166–173; 60, с. 555–557]. Безусловно, такого рода присоединения производили большое впечатление на массу рядовых старообрядцев. В то же время в деятельности единоверческой миссии случались и провалы, которые получали определенный общественный резонанс. В 1910 г. скандальную известность приобрело отступничество единоверческого священника-миссионера с. Теликовка Андрея Вшивцева, который после «справы» ушел к беглопоповцам г. Николаевска. Впрочем, в своем выборе Вшивцев руководствовался не религиозными мотивами, а личной обидой на епископа Уральского Тихона, который незадолго до этого за канонические проступки священника наложил на него церковное наказание [61, с. 1227–1229].

Среди обращенных в единоверие встречались представители инославных и даже иноверцев: в 1860–1870-х гг. в Самаре и Балаково были зафиксированы случаи обращений в единоверие лютеранина и мусульман [14, л. 3; 62, л. 48; 63, л. 52]. Но это были скорее исключения. Главной целевой аудиторией единоверческой миссии всегда оставалось старообрядчество всех согласий, проживавших в Самарской губернии. Анализ 156 «подписок» о присоединениях за 1891–1892 гг. четырех единоверческих приходов (Самара, Новоузенск, Теликовка, Сосновка) показывает, что основная масса вновь обращенных приходилась на беглопоповцев – 81 чел., на втором месте были поморцы 31 чел., затем беспоповцы различных толков 29 чел. Меньше всего среди неопитов было «австрийцев» – 15 чел. [64, л. 2–47; 65, л. 2–2].

В дореволюционной старообрядческой прессе существовало устойчивое мнение, согласно которому в «синодальной церкви» между «новообрядными» и единоверческими священниками будто бы существовала миссионерская конкуренция, когда «первые тянули в «православие», а вторые – в единоверие» [66, с. 980]. Данная точка зрения не подтверждается материалами по Самарской губернии. Во второй половине XIX в. было отмечено несколько случаев внутриконфессиональных переходов, но они стали следствием взаимного религиозно-бытового влияния, а не целенаправленной прозелитической деятельности миссионеров.

В июле 1851 г. единоверцы д. Солянки в количестве 20 чел. сочли своей «ошибкой» присоединение к Церкви на условиях единоверия. Они просили принять их «в недра православия» безусловно, «поелику прочие жители нашей деревни принадлежат к приходу Михайло-Архангельской

церкви Кинель-Черкасской слободы» [67, л. 1, 4–4 об]. Такое же внутриконфессиональное слияние единоверцев с православным большинством произошло в с. Кольван единоверческого прихода Самары. Выяснилось это случайно, когда в 1886 г. жители села решили продать единоверческую часовню, которая пришла в крайнюю ветхость. Оказалось, что в часовне не было необходимости, поскольку кольванские единоверцы давно перестали служить по старому обряду. Часовню они решили продать, чтобы на вырученные средства обустроить иконостас в местной «новообрядной» церкви [68, л. 1–11]. В конце 1870-х гг. в Балаково произошла скандальная история, когда после назначения в село первого единоверческого священника Афанасия Давыдова православные прихожане (по разным данным от 50 до 100 чел.) записались в приход единоверческой Никольской церкви. По всей видимости, священник внес православных в списки прихожан, не разобравшись в специфике межконфессиональных отношений Балаково, где «новообрядные» верующие находились под сильным влиянием старообрядческой религиозной традиции. Во всяком случае епархиальные власти не усмотрели в действиях Давыдова преднамеренного умысла [69, с. 183–185].

В практической деятельности миссионеры не ставили задачи присоединять раскольников к Церкви исключительно в рамках «своей» конфессиональной группы. В 1889 г. в Новоузенске «новообрядным» протоиереем Крючковым на условиях единоверия было присоединено к Церкви 15 старообрядцев, которые изъявили желание открыть в городе единоверческий приход. Просьба была оперативно удовлетворена. Крючков совершил присоединение по старопечатным книгам дониконовским уставом [24, с. 208]. В начале 1897 г. епархиальный миссионер Дмитрий Александров из «новообрядных» в с. Луговая Александровка присоединил к Церкви «на правах» единоверия 76 чел. Всего в селе за год в единоверие было обращено 218 беглопоповцев [32, с. 818; 70, с. 17].

Несмотря на то, что некоторые представители православного духовенства с предубеждением относились к единоверию, ряд «новообрядных» приходских священников придерживались мнения о том, что использование «старого обряда» в деле миссии не только уместно, но и необходимо. Отмечалось, что для определенной категории бывших раскольников безусловное присоединение к Церкви вызывало порой стрессовые психологические состояния, близкие к «религиозному умопомешательству». Бытовые неурядицы, семейные проблемы, смерть близких воспринимались такими единоверцами как наказание за измену вере предков и перемену «креста» на «троицу» (двуперстия на троеперстие). Поэтому «новообрядные» миссионеры порой настоятельно рекомендовали таких старообрядцев

присоединять не «напрямую», а на условиях единоверия [71, с. 466].

И наоборот, миссионеры-единоверцы сначала предлагали своим собеседникам присоединиться к Церкви безусловно. Многие раскольники соглашались с тезисом, что без Церкви и законного священства спасение невозможно, но предложения о безусловном воссоединении с православием часто отклоняли. Главным психологическим препятствием они видели в мнимом запрете на старый обряд и «новшествах» на богослужении «господствующей» Церкви. В 1883 г. «комитетский» миссионер М. Муравьев в беседах с последователями старообрядческих согласий из Николаевска и окрестных сел, получив отказ на безусловное присоединение, предложил принять православие «на правах» единоверия. Это нашло отклик у некоторых местных старообрядцев и положило начало местной единоверческой общине [58, с. 111–112].

«Новообрядные» и единоверческие миссионеры не делили потенциальную православную паству на «своих» и «чужих». В официальных епархиальных отчетах о результатах их совместной деятельности дифференциация проводилась в отношении самих старообрядцев на тех, кто обратился в православие безусловно, и тех, кто воссоединился «на правах» единоверия. В 1876 г. это были 137 и 5 чел. соответственно, 1883 г. – 187 и 30, в 1888 г. – 267 и 33, 1889–286 и 93, 1891–345 и 225, 1906–92 и 131, 1913–220 и 168 и в 1914 г. – 373 и 150 [24, с. 207–208; 25, с. 226; 26, 433; 28, с. 64; 35, с. 71; 72, с. 411; 73, с. 211]. Очевидно, что доля принявших единоверие была достаточно большой, постоянно росла и в некоторые годы даже превосходила долю безусловно присоединившихся к Церкви.

Количественные показатели роста единоверческих общин и изменение численности единоверцев по отношению к общей массе старообрядчества могут стать в ряд важных критериев эффективности противораскольнической деятельности в Самарской губернии. За период 1872–1915 гг. численность старообрядцев в губернии выросла менее чем в 2 раза – с 55442 чел. до 99250 чел. [10, с. 51; 74, с. 64]. За то же время численность единоверцев увеличилась почти в 4,5 раза, и долевое соотношение к общей массе старообрядчества изменилось с 6 до 14–15%. В начале 1870-х гг. численность единоверцев составляла около 3700 чел. [24, с. 190; 75, л. 7; 76, л. 4 об.; 77, л. 9 об.; 78, л. 4; 79, л. 5 об.]. 90-е гг. XIX столетия отмечены бурным ростом численности единоверцев более чем в 2 раза, и это явление стало прямым следствием миссионерской стратегии, которую применял епископ Гурий в отношении единоверия. Если в начале 1890-х гг. в епархии проживали 5280 единоверцев [25, с. 391–392; 80, с. 642], то в 1903 г. их было уже 11561 чел. [81, л. 6 об.–129 об.]. И, наконец, к середине 1910-х гг. по приблизительным

подсчетам общая численность «православных старообрядцев» Самарской губернии составляла около 16,3 тыс. чел. [82, л. 16–120; 83, л. 8; 84, л. 10–98; 85, л. 10–83; 86, л. 8–62]. При этом в населенных пунктах, где находились единоверческие общины, проживало в общей сложности 20820 раскольников [74, с. 64], так что единоверческое духовенство в некотором смысле было «обречено» на миссионерское служение среди старообрядчества.

Таким образом, единоверие стало довольно успешным миссионерским проектом РПЦ, сделавшим возможной реализацию административного, канонического и литургического единства части старообрядчества с православием. С другой стороны, единоверию удалось сохранить в «новообрядной» среде свою религиозно-культурную идентичность. Из маргинального старообрядческого согласия в составе РПЦ к началу XX столетия оно превратилось в устойчивую конфессиональную группу, по числу своих приверженцев сопоставимую с крупнейшими староверческими согласиями Самарской губернии. Это произошло во многом благодаря деятельности епархиального руководства, в борьбе с расколом осуществлявшего систематическую миссионерскую стратегию, и усилиям православных проповедников, значительная часть которых была представлена единоверческим духовенством и мирянами.

Список литературы

1. Каткова В. В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди старообрядцев в Самарской епархии последней трети XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 60–63.
2. Кошелева А. И. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Среднем Поволжье в последней трети XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2009. Вып. 11. С. 335–338.
3. Каткова В. В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX–начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010. 34 с.
4. Якунин В. Н. История Самарской епархии. Тольятти: Издательско-полиграфический центр Поволжского государственного университета сервиса, 2011. 625 с.
5. Кокарев М. С., протоиерей. Система управления Самарской епархии в предсоборный период (1894–1917). М. : Спасское дело, 2016. 456 с.
6. Наумлюк А. А. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратово-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 26 с.
7. Якунин В. Н. Миссионерская деятельность в Самарской епархии Русской Православной Церкви: история и современность // Макарьевские чтения : материалы XIV Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск : Горно-

- Алтайский государственный университет, 2019. С. 316–329.
8. Саралидзе Мераб, свящ. Сравнительный анализ форм и результатов миссионерской и просветительской деятельности епископа Гурия (Буртасовского) на Дальнем Востоке и в Поволжье // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 262–272.
9. Наумлюк А. А. Самарское старообрядчество в начале XX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 66–70.
10. Каткова В. В., Мышенцев Н. П. Старообрядческие общины Самарской губернии: численность, структура, динамика развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 47–54.
11. Будкина И. Г. История старообрядчества в Самарской губернии. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-854> (дата обращения: 16.08.2022).
12. От Сосновки до Бугуруслана // Самарские епархиальные ведомости (далее – СЕВ). 1902. № 19. Часть неофициальная. С. 911–917.
13. Центральный Государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 356 (Канцелярия епископа Самарского и Ставропольского). Оп. 1. Д. 8.
14. ЦГАСО. Ф. 32 (Самарская духовная консистория). Оп. 13. Д. 13.
15. Соловьев П. К. О «криптораскольничестве» единоверцев Николаевского уезда Самарской губернии в 40–70-х годах XIX столетия // Труды Саратовской православной духовной семинарии. Саратов : Издательство Саратовской православной духовной семинарии, 2021. Вып. XV. С. 139–151.
16. Соловьев П. К. «Раскольники криволицкие больше всех употребляют насилия...»: о становлении единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (1850–1860-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 234–242. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-234-242>
17. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 782.
18. Состояние раскола и сектантства Самарской епархии в 1897 году // СЕВ. 1898 № 18. Часть неофициальная. С. 816–825.
19. Сворачивания // СЕВ. 1910. № 20. Часть неофициальная. С. 1437.
20. Сворачивание в раскол через брак // СЕВ. 1910. № 22. Часть неофициальная. С. 1573.
21. Отчет Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1871 год // СЕВ. 1872. № 8. Часть официальная. С. 3–19.
22. Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачеве. Ф. 22 (Средне-Никольский женский монастырь Самарской духовной консистории). Оп. 1. Д. 208.
23. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 151.
24. Отчет Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества // СЕВ. 1890. № 6. С. 187–212.
25. Отчет Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1891 год // СЕВ. 1892. № 5. Часть неофициальная. С. 195–232.
26. Отчет о состоянии раскола в Самарской епархии за 1906 год // СЕВ. 1907. № 17. Часть официальная. С. 421–436.
27. Отчет Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1911-й год // СЕВ. 1912. № 13. Часть официальная. С. 65–68.
28. Пряхин Сергей, свящ. Отчет о состоянии и действиях противораскольнической миссии в 1914 году // СЕВ. 1915. № 15. Часть официальная. С. 49–64.
29. Аксенов Николай, свящ. Собеседования с старообрядцами в г. Николаевске // СЕВ. 1910. № 8. Часть неофициальная. С. 494–496.
30. Аксенов Николай, свящ. Посещение Преосвященным Гурием, Епископом Самарским и Ставропольским, г. Николаевска, окрестных подгородных монастырей и деревни Озинок, Хлебновской волости, 5-го по 13-е мая 1895 г. // СЕВ. 1895. № 13–14. Часть неофициальная. С. 587–609.
31. Обзорение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Гурием, Епископом Самарским и Ставропольским церковью 1-го благочиннического округа Бугульминского уезда 20, 21, 22 и 23 июня сего 1900 года // СЕВ. 1900. № 19. Часть неофициальная. С. 779–784.
32. Александров Дмитрий, свящ. Отчетные сведения по противораскольнической миссии в Самарской епархии, за 1898 год // СЕВ. 1898. № 9. Часть неофициальная. С. 415–423
33. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5582.
34. Собеседования с именуемыми старообрядцами разных толков в Иоанно-Предтеченском соборе г. Николаевска, Самарской губ. с 6-го и по 9-е марта 1911 года // СЕВ. 1911. № 9. Часть неофициальная. С. 511–513.
35. Пряхин Сергей, свящ. О состоянии и действиях противораскольнической миссии в 1913 году // СЕВ. 1914. № 24. Часть официальная. С. 46–76.
36. Журналы Съезда миссионеров Самарской епархии // СЕВ. 1899. № 1. Часть официальная. С. 4–11.
37. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6883.
38. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 43.
39. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4389.
40. Разбор беспоповщинских мнений об антихристе // СЕВ. 1884. № 7. Часть неофициальная. С. 137–138.
41. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4389.
42. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 94.
43. Раскол и сектантство во 2-м благочинническом округе Николаевского уезда // СЕВ. 1909. № 7. Часть неофициальная. С. 312–314.
44. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 29. Д. 394.
45. Из отчетных сведений епар. миссионера священника Дмитрия Александрова за 1900 год // СЕВ. 1901. № 10. Часть неофициальная. С. 554–561.
46. Извлечение из отчета Самарского Епархиального Миссионерского Совета // СЕВ. 1908. № 13. Часть официальная. С. 426–448.
47. Извлечение из отчета епархиального миссионера, священника Дмитрия Александрова о состоянии раскола в епархии и о деятельности миссионеров за 1907 год // СЕВ. 1908. № 13. Часть официальная. С. 401–408.

48. *Холопов Дометий, свящ.* Моя жизнь в расколе, обращение в православную церковь и деятельность на пользу православия // Миссионерское обозрение. 1904. № 13. С. 386–395.
49. *Холопов Дометий, свящ.* Моя жизнь в расколе, обращение в православную церковь и деятельность на пользу православия // Миссионерское обозрение. 1904. № 14. С. 551–539.
50. *Пряхин Сергей, свящ.* К нашей полемике с расколом старообрядчества // Миссионерское обозрение. 1911. № 1. С. 36–45.
51. *Вшивцев Андрей, свящ.* «Белокриницкая иерархия» перед судом старообрядцев беглопоповщинского согласия // Миссионерское обозрение. 1912. № 2. С. 306–323.
52. *Вшивцев Андрей, свящ.* «Белокриницкая иерархия» перед судом старообрядцев беглопоповщинского согласия // Миссионерское обозрение. 1912. № 4. С. 783–804.
53. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531.
54. *Соловьев П. К.* Единоверческие церковно-приходские школы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 34–43.
55. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 215.
56. *Сташенкова Л. В.* Издания Псковской миссионерской славянской типографии К. Е. Голубева в фондах Самарской областной универсальной научной библиотеки // Гротовские чтения – 2018: материалы Всероссийской научной конференции. Самара: ООО «Арт-Лайт», 2019. С. 184–194.
57. Балаково (Самарской губ.) / Миссионерские сведения о расколе // Истина. 1879. Кн. 63. С. 3–4.
58. Отчет Самарского Комитета Православного Миссионерского Общества за 1883-й год // СЕВ. 1884. № 6. Часть неофициальная. С. 101–117.
59. *Матюшенский Алексей, свящ.* Обращение в лоно Православной Церкви старообрядческого австрийского толка священника деревни Озинки Николаевского уезда Никанора Иванова Арюткина // СЕВ. 1895. № 4. Часть неофициальная. С. 166–173.
60. К характеристике старообрядческого логофета Климента Перетрухина // СЕВ. 1895. № 12. Часть неофициальная. С. 555–557.
61. Вероломство иерея // СЕВ. 1910. № 17. Часть неофициальная. С. 1227–1229.
62. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 356.
63. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 297.
64. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 269.
65. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 295.
66. Синодальный. После съезда // Церковь. 1908. № 31. С. 979–981.
67. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 191.
68. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 3153.
69. *Соловьев П. К.* История православных храмов г. Балаково (1762–1917 гг.). Саратов: ИП Кирсанова М. В., 2020. 330 с.
70. *Кокарев Максим, протоиерей.* Протоиерей Димитрий Александров: вехи судьбы // Двадцать первые Иоанновские чтения : материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского / сост. О. И. Радченко, М. В. Бровякова. Самара: Издательство ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 13–25.
71. *Александр С., свящ.* Из записок священника // СЕВ. 1902. № 10. Часть неофициальная. С. 462–466.
72. Отчет Самарского Комитета Православного Общества за 1876 год // СЕВ. 1877. № 21. Часть неофициальная. С. 408–416.
73. Отчет Самарского Комитета Православного Миссионерского Общества за 1888 год // СЕВ. 1889. № 7. Часть неофициальная. С. 191–214.
74. Отчет о состоянии и действиях противостарообрядческой миссии за 1915 год // СЕВ. 1917. № 3. Часть неофициальная. С. 63–64.
75. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 134.
76. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 13.
77. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 91.
78. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 56.
79. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 23. Д. 410.
80. Епархиальные известия // СЕВ. 1888. № 21. С. 639–642.
81. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 210.
82. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 315.
83. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 340.
84. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 342.
85. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 354.
86. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 253.

Поступила в редакцию 17.09.2022; одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 17.09.2022; approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 116–121
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 116–121
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-116-121>, EDN: EUYVRG

Научная статья
УДК 37(470.45-25)|1917/1929|

Народное образование в Царицыне–Сталинграде в 1917–1929 годах: становление, трудности, результаты

Н. В. Яковец

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр., д. 100

Яковец Никита Владиславович, аспирант кафедры истории и международных отношений, poim-191_894148@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1575-4262>, Author ID: 5298-3332

Аннотация. В статье анализируется процесс становления и развития народного образования в Царицыне–Сталинграде с 1917 г. (с момента создания государственной комиссии по просвещению в Советской России) и до конца 1920-х гг. (достигнутых результатов в ликвидации неграмотности среди городского населения, его профессиональном обучении). Освещается деятельность городского совета и секции народного образования; выявляются трудности по ликвидации неграмотности, созданию материально-технической базы образовательных учреждений, подготовке квалифицированных кадров.

Ключевые слова: народное образование, Царицын, советская школа, нарком просвещения, ликвидация неграмотности, обучение, педагогика

Для цитирования: Яковец Н. В. Народное образование в Царицыне–Сталинграде в 1917–1929 годах: становление, трудности, результаты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 116–121. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-116-121>, EDN: EUYVRG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Public education in Tsaritsyn–Stalingrad in 1917–1929: Formation, difficulties, results

N. V. Yakovets

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Nikita V. Yakovets, poim-191_894148@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1575-4262>, Author ID: 5298-3332

Abstract. The article analyzes the process of formation and development of public education in Tsaritsyn–Stalingrad from 1917 (from the creation of the state commission for education in Soviet Russia) to the end of the 1920s (the results achieved in the eradication of illiteracy among the urban population, its vocational training). The activities of the city council and the section of public education are highlighted, difficulties in eliminating illiteracy, creating the material and technical base of educational institutions, and training qualified personnel are identified.

Keywords: public education, Tsaritsyn, Soviet school, people's commissar of education, illiteracy eradication, education, pedagogy

For citation: Yakovets N. V. Public education in Tsaritsyn–Stalingrad in 1917–1929: Formation, difficulties, results. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 116–121 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-116-121>, EDN: EUYVRG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Образование являлось и является одним из ключевых факторов формирования общества. Оно способно изменить человека, воспитать в нем качества и обучить навыкам и умениям в соответствии с современными запросами и требованиями. Реформы современной системы российского образования, помимо учета реальной ситуации, должны принимать во внимание исторические тенденции и возможности использования накопленного управленческого и педагогического опыта обучения. В этой связи обращение к истории становления образования

и его развития в советский период времени представляется актуальным.

В начале XX в. Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков во главе с В. И. Ульяновым-Лениным определила основную задачу по преобразованию государства – построению социалистического общества. Для реализации такого грандиозного проекта требовалось поколение людей, отвечавшее запросам того времени. С этой целью в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике особое внимание стали уделять народному образованию. Преобразования в РСФСР нача-

лись сразу после прихода к власти большевиков. Приступили к реализации основных положений, сформулированных в программе Российской социал-демократической рабочей партии, во время II съезда РСДРП в 1903 г. [1, с. 418–424]. Постановлением Совета народных комиссаров и ВЦИК в 1917 г. была создана государственная комиссия по просвещению [2, с. 305]. Нарком просвещения стал руководить всеми аспектами образовательного процесса:

1. Методические разработки и педагогические технологии.

2. Экономические и правовые аспекты образования, статистика и образовательный менеджмент.

3. Контроль за качеством образования.

Конституция 1918 г. закрепляла за рабочими и крестьянами право на полное бесплатное образование. Вместо царских гимназий, лицеев и училищ создавались трудовые школы. Первые трудовые школы реорганизовывались из бывших гимназий и лицеев. Так, в Царицыне все учебные заведения были переименованы. Школы стали носить имена видных идеологов социализма К. Маркса, Ф. Энгельса, выдающихся ученых и деятелей культуры, например, среднетехническая школа имени И. Ньютона, музыкальная школа имени И. С. Баха [3, л. 26]. Однако новыми для этих учебных заведений стали только названия. Помещения и материально-техническое оборудование классов и школ оставалось прежним. Для начала проведения реформ образования нарком просвещения 1 мая 1918 г. разработал новый порядок восполнения педагогических кадров в учебных заведениях страны. Для учителей устанавливали новые требования при приеме на работу, учитывались политические взгляды кандидатов во время набора. Также изменились требования в области знаний и опыта, что обуславливалось катастрофической нехваткой педагогических кадров. На должность учителей стали принимать женщин. Будущий педагог должен был предоставить следующие сведения о себе: документ об образовании; педагогический стаж; рекомендацию от партии; изложение своих педагогических взглядов.

Стоит подчеркнуть, что отдел народного образования г. Царицына из-за нехватки кадров разрешил набор учителей, у которых не было документа об образовании, не имелось опыта работы или достаточного уровня знаний [4, л. 12].

Для создания базы педагогических кадров в городе в 1918 г. начали работать курсы по подготовке учителей в учительском семинаре им. К. Д. Ушинского, в котором изучались следующие дисциплины: русский язык, математика, литература, история, педагогика, география, естествознание, уроки школьной гигиены и т. д. Обучение шло 2 месяца. Первыми выпускниками стали 880 чел., среди которых женщин было в полтора раза больше, чем мужчин, 557

и 323 соответственно. Такое соотношение было обусловлено мобилизацией мужского населения Царицына.

Введение единого бесплатного образования увеличило количество обучающихся в городских учебных заведениях и в то же время выявило ряд проблем, например в сфере дошкольного образования. Как отмечалось в отчетах подотдела дошкольного образования, для полного обеспечения царицынских детей детскими садами необходимо было построить 122 садика и укомплектовать штат 488 сотрудниками, поскольку для 10540 детей от 3 до 7 лет, проживавших в Царицыне на 1 сентября 1918 г., не хватало помещений для занятий и воспитателей. Для такого большого количества детей требовалось открытие новых детских садов. С этой целью был разработан план по строительству 100 детских садов в течение десятилетия. Для его реализации предполагалось, что в первом полугодии 1919 г. будет построено 5 детских садиков и 8 игровых площадок. Расходы для строительства оценили в 915981 руб. 05 коп., в том числе для детских садов – 643198 руб., игровых площадок – 272783 руб. 05 коп. Несмотря на определенные сложности, для обеспечения досуга детей г. Царицына открыли детскую библиотеку и новые кружки, израсходовав на библиотеку 105408 руб., кружки – 131497 руб. из местного бюджета [3, л. 44].

Трудности наблюдались и в сфере школьного образования. Как уже отмечалось, значительно увеличилось число обучающихся, оно составило 16000 чел. (население города на 1917 г. – 130000 чел. [5]). Как и в случае с детскими учреждениями, для школ необходимы были помещения. Поэтому зачастую открытие школы происходило в помещениях, изначально к этому не приспособленных (подсобные помещения вблизи крупных предприятий Царицына), плохо оборудованных. Непригодность помещений, нехватка дров для отопления и большое количество обучающихся приводили к антисанитарным условиям, что в свою очередь благоприятствовало развитию и распространению различных заболеваний. В связи с этим, а также по причине нехватки зимней обуви у учеников количество обучающихся резко сократилось к зиме 1919 г. и наполненность школ стала составлять до 30% от общего количества учащихся. В зимне-весенний период 1919 г. из-за начавшейся эпидемии в Царицыне рассматривалась возможность закрытия школ.

Ситуация еще сильнее усугубилась с началом боевых действий вблизи Царицына. К тому же, поскольку Царицын являлся «ближайшим тылом», в нем началась расквартировка солдат Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА). Царицынский губернский отдел народного образования передал ряд школ в пользование

армии. В них оборудовали госпитали для размещения раненых и больных солдат и казармы для расположения личного состава. Это привело к различным инцидентам, происходили случаи похищения солдатами дров, предназначенных для учебных заведений. Летом 1919 г. город оказался во власти Белогвардейской армии, что отразилось на образовании. Новая городская власть начала сворачивать все реформы в сфере образования. Ученики также страдали от тягот войны, боевые действия не позволяли им получать знания. К тому же элементарные жизненные потребности населения не могли быть реализованы. И только к началу 1920 г. Царицын был освобожден войсками РККА.

Советское правительство активно вело атеистическую пропаганду среди всех слоев населения и в различных сферах жизни общества, в том числе и в образовании. Если в дореволюционных учебных заведениях проводились занятия по разным предметам духовной направленности, например изучение закона Божьего, то Совнарком постановил отменить все занятия, непосредственно связанные с религией. Это было закреплено в 1917 г. постановлением СНК «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению».

После подписания данного постановления стало наблюдаться сокращение библиотечного фонда. «Неудобными или вредными» становились книги религиозного характера, которые использовались в образовании. В 1920 г. Совет народных комиссаров РСФСР декретом национализировал все книги [6, с. 15]. В Царицыне школьный библиотечный фонд испытывал острую нужду. Это было связано с тем, что учебные материалы завозились из Москвы. Однако в отличие от учебников потребности в тетрадях городские типографии обеспечивали полностью.

Становление народного образования и открытие единых школ, как уже отмечалось, стало одной из задач отдела народного образования Царицына. Однако реализация этих задач осложнялась некоторыми факторами. Во-первых, наличие большого количества обучающихся (12,3% от всего населения города) требовало увеличения числа школ для проведения занятий. Наблюдалась нехватка педагогического персонала. В связи с этим учителей набирали и готовили по ускоренным курсам. Во-вторых, материально-техническая база оставляла желать лучшего: школы города испытывали огромную нехватку мебели, учебных пособий и методических рекомендаций, оборудования для специализированных классов (кабинетов физики, химии). Среднетехнические учебные заведения нуждались в местах проведения практики для студентов. Однако стоит отметить активность и усилия городских властей, направленные на создание

единых трудовых школ. К тому же многие работавшие в сфере образования, несмотря на то, что часто их труд не оплачивался из-за недостатка финансов в городском бюджете, также энергично включились в решение намеченных задач.

Итак, планы, разрабатываемые отделом народного образования Царицына, не могли полностью воплотиться в жизнь. Начавшийся после Гражданской войны голод в Поволжье усугубил и без того тяжелое положение в городе. И поэтому до середины 1920-х гг. положение дел в образовании оставалось катастрофическим.

С середины 1920-х гг. городской совет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (горсовет) активизировал работу по восстановлению разрушенной социальной инфраструктуры, включая образовательные учреждения. Горсовет на протяжении 1924–1927 гг. ежегодно выделял значительные финансовые средства на народное образование.

В 1924 г. бюджет города составлял 2 037 000 руб., из которого расходы на народное образование составляли 691 779 руб., или 34% от всего бюджета. В 1925 г. бюджет города вырос до 2 554 000 руб., расходы на образование также увеличились до 940 924 руб., или 36,8% от всего бюджета. В 1926 г. бюджет города уже составлял 3 050 000 руб., расходы на образование – 1 154 289 руб., или 37,8% [7, л. 8]. Для примера сравним эти показатели с современными. Бюджет Волгоградской области на 2019 г. составлял 110,4 млрд руб., расходы на образование – 23,803 млрд руб., или 21,5% [8].

Несмотря на увеличение средств на нужды образования, городские учебные заведения по-прежнему имели серьезные проблемы. Одна из них – «пригодность помещений и их количество для школ». В 1925 г. в городе действовало 48 школ [9, л. 14]. Из них 30% нуждалось в ремонте школьной площади, 50% – в полном капитальном ремонте и только 20% зданий были пригодны для работы. При этом школьные помещения оставались слишком тесными и не могли вместить большое количество учеников. Это приводило к большим количествам смен и их число доходило до 3, что вызывало сложности с санитарией.

Еще одной проблемой являлась зарплата учителей. С увеличением количества обучающихся росло и число учителей и преподавателей. Это привело к тому, что в 1925 г. из всех расходов на народное образование 70% составляли зарплаты учителей. Но и этого было недостаточно. Зарплата учителя в школах I ступени, школах семилеток и десятилеток в среднем была на уровне 33–40 руб. Учителя в школах II ступени зарабатывали до 80 руб., технический персонал школ – 20 руб. Для увеличения заработной платы учителей и финансирования школ в Сталинграде было введена плата за обучение, что позволило в школах I ступени, школах семилеток и десятилеток

увеличить ее до 43 руб., или на 17%, в школах II ступени – до 110 руб. или, на 20% [10, с. 212].

Однако, несмотря на предпринимаемые меры, Гражданская война и послевоенная разруха не позволяли быстро и качественно реализовать все установленные правительством РСФСР задачи актуального для своего времени образования. К тому же сталинградские сотрудники комитета по народному образованию, как отмечалось в отчетах за 1927/28 г., плохо контактировали с коллегами комитетов здравоохранения, финансовым и другими комитетами (секциями). Отмечалась слабая информированность о работе секции народного образования, в частности, недостаточная освещенность ее деятельности в печатном и письменном виде.

Расходы, связанные с образованием, не позволяли быстро восстановить и обеспечить школы оборудованием. Это объяснялось увеличением издержек на учеников в школах. Так, на ученика школы I ступени расходы в год составляли 26,21 руб., ученика II ступени – 57,56 руб., учеников школ 7 и 9 лет обучения – 37,27 руб., воспитанников детских домов – 168,33 руб. К тому же в Сталинграде наблюдался постоянный рост числа обучающихся. В 1925/26 г. их было 15 988 чел., а уже к 1926/27 г. стало 17 433. Поэтому часть денежных затрат на народное образование выделялась из специальных средств. Эти финансы предоставляли общественные организации и профсоюзы рабочих. Их размер доходил до 10% от общего числа расходов.

Введение всеобщего начального образования затруднялось состоянием школьной площади. В 1928 г. многие школы нуждались в ремонте.

Большая часть финансирования на ремонт поступала путем кредитования учебных заведений и выделения специальных средств. 35 учебных заведений из 47 нуждались в ремонте (таблица).

Комиссия здравоохранения города после инспекции учебных заведений установила ряд нарушений. Так, в учебных заведениях учебная площадь была в 2 раза меньше установленной нормы (1,25 м² при норме 3,15 м²). Специализирован-

ных зданий школ было 12, приспособленных – 25 и прочих 5. В неспециализированных школах отсутствовали зоны рекреации. В них отмечалась недостаточная естественная освещенность. Проветривание учебных классов практически не проводилось. Наблюдалась перегруженность помещений обучающимися. Некоторые классные комнаты были проходными, что также сказывалось на санитарных условиях учебного заведения. Отмечался малый размер школьного двора. Комиссия запрещала работу учебных заведений до полного устранения недостатков [11, л. 47]. Для ликвидации данных нарушений в школы выделялись дополнительные средства. Секция народного образования запланировала ускорить разработку плана открытия новых учебных заведений в 1930-е гг.

Поскольку предоставление образования государством было обязательно для всего населения, то одной из центральных его задач оставалась ликвидация неграмотности. В 1926 г. в Сталинграде насчитывалось 6750 неграмотных и для них было открыто 40 пунктов ликвидации неграмотности (ликпунктов) и 32 школы для малограмотных. В ликпунктах обучались 1174 чел., в школах для малограмотных – 440 чел. К следующему году планировалось обучить еще 1150 чел. В городе открывались специальные ликпункты для представителей национальных меньшинств. Среди них – один армянский, один татарский пункты ликвидации неграмотности и 3 школы для малограмотных – еврейская, татарская и немецкая [10, с. 214].

В целях эффективного функционирования ликпунктов и школ для малограмотных Президиум секции народного образования обозначил следующие задачи:

1. Пересчет неграмотных.
2. Усиление работы по индивидуально-групповому обучению безграмотных.
3. Привлечение профсоюзных органов и материально-финансовой помощи от них.
4. Инструктирование и проверка ликпунктов.

Стоимость ремонтных работ школьной площади Сталинграда

Типы учебных заведений	Количество учебных заведений, нуждающихся в ремонте	Общая стоимость ремонта, руб.	Источники финансирования		
			Кредитование, руб.	Предоставление хозяйственных расходов, руб.	Специальные средства, руб.
Школы I ступени	17	10332	5400	2804	2128
Школы 9-летнего обучения	2	4539	2000	–	2539
Школы 7-летнего обучения	12	10936	4766	1326	4871
Школы II ступени	4	7110	2200	–	4910

Сост. по: ГАВО Ф. Р-71. Оп 1. Д. 379. Л. 27–56.

Эти меры были разработаны для лучшей работы проекта по ликвидации неграмотности среди сталинградского населения. В 1928 г. меры были дополнены и расширены. Предполагалось:

1. Увеличить число учебных часов в месяц с 118 ч до 136 для ликпунктов, в школах для малограмотных – с 180 до 195 ч.

2. Перестать отчислять обучающихся из ликпунктов.

3. 500 выпускников ликпунктов распределить в школы для малограмотных для дальнейшего обучения, 267 чел. – в библиотеки города.

4. Уменьшить стоимость обучения в ликпунктах с 14 руб. до 9,05 руб.

5. Увеличить количество обучающихся. Если в 1926/27 учебном году обучались 1230 чел., к следующему году их количество планировалось увеличить до 1539 чел.

Несмотря на определенные положительные результаты, в работе ликвидационных пунктов, имелись и некоторые сложности: нерациональное размещение их сети по отдельным районам Сталинграда и отсутствие помещений, недостаточная поддержка профсоюзами. Поэтому ликвидация неграмотности оставалась одной из центральных проблем секции народного образования. В 1929 г. планировалось полностью ликвидировать неграмотность в Сталинграде к 1 мая 1930 г. Для этого Президиум секции народного образования предусмотрел ряд следующих мер:

1. Использование учеников последних годов обучения и студентов техникумов в качестве организаторов.

2. Открытие рабочего университета для выпускников школ для малограмотных.

3. Проведение в рабочих клубах еженедельно дня «Грамоты», открытие в них библиотечных комнат.

4. Открытие детских комнат при ликпунктах для обучения женщин с малолетними детьми.

5. Усиление работы по политическому просвещению, пропаганде обучения в школах.

6. Формирование групп обучения в ликпунктах по 10–15 чел. [12, л. 147].

Помимо этого, в городе работало 5 школ для взрослых повышенного типа. В них обучались 736 чел. Обучение в таких школах было трехгодичное. Преимущественное право предоставлялось рабочему населению. В 1926 г. такие школы окончили 119 чел., из них мужчин – 68, женщин – 51. В связи с всплеском желающих среди сталинградских рабочих пойти учиться в эти школы, планировалось открыть еще 4, в которых обучение длилось бы 1 год.

Все эти мероприятия были направлены на становление и развитие образования в Сталинграде. Очень остро стоял вопрос по обучению работников предприятий. Поэтому в городе профессиональные учебные заведения получали огромные дотации из местного бюджета. Доля затрат на профессиональное обучение составляла

19,5%, а на все народное образование – 39,5%. Для обеспечения более качественного профессионального образования планировалось открытие нового техникума. Тракторно-строительный техникум, базировавшийся сначала в Москве, решили переместить в новый промышленный центр, и выбор пал на Ростов, но власти Сталинграда смогли доказать необходимость перемещения техникума в город на Волге, где уже имелись техникумы перемещали ближе к предприятиям с целью проведения там практики для студентов 3 курса.

Профессиональное обучение в Сталинграде являлось важной составляющей для развития образования в городе. В 1928 г. в школах II ступени был введен профессиональный уклон для возможности подготовить учеников к будущему поступлению в профессиональные училища. Так, в городских школах действовали педагогический, кооперативный уклоны. Однако профессиональный уклон в этих заведениях был не до конца проработан. Поэтому возникли затруднения. Секция народного образования отметила недостаточную дифференциацию педагогического уклона, направленного только на школьное образование, исключая дошкольное. Кооперативный уклон имелся только в одной школе. Отсутствовал индустриальный уклон. Учителя, работавшие в школах с профессиональным уклоном, получили большую рабочую нагрузку.

Для развития профессионального обучения необходимо было оказывать поддержку обучающимся, так как многие поступающие в профессиональные учреждения в ней нуждались. Обучающимся начали выплачивать стипендии, что улучшало их финансовое положение. Но многие из них приезжали в город из ближайших деревень, городов, губерний, поэтому в Сталинграде возникла необходимость в размещении обучающихся. Президиум городского совета секции народного образования, понимая всю значимость этой проблемы, в 1929 г. обозначил необходимость строительства общежитий. С этой целью каждому техникуму были выделены финансы: индустриальному техникуму – на 50 мест, педагогическому – 80, фармацевтическому – 20, физкультурному – 30, промышленно-экономическому – 30, музыкальному – 15. Общежития были необходимы и тем ученикам, которые обучались в профессиональных школах и курсах: в школе им. К. Цеткин – 80, КТУ – 20, ФЗУ «21 января» – 15, коммерческих курсах – 35, рабфаке – 35. Всего для обучающихся в учебных заведениях Сталинграда постановили открыть общежития на 410 чел. В президиуме городского совета понимали, что это неполное решение проблемы, поэтому планировалось открытие нового общежития на 1500 чел. [11, л. 15].

Подводя итоги, следует отметить, что образование в Царицыне–Сталинграде с 1917 г. и до

конца 1920-х гг. переживало ряд важных преобразований. Оно, как и другие сферы жизни общества, восстанавливалось после Гражданской войны и ее разрушительных последствий, оставаясь краеугольным камнем в построении образованного советского общества. Городской совет и секция народного образования вели работу по решению главных проблем в сфере образования. Эта работа шла с переменным успехом, неграмотность была не полностью ликвидирована, школы находились в трудном финансовом положении, школьный фонд испытывал дефицит учебных помещений. Однако начинали работать новые профессиональные учебные заведения. Открывались различные профессиональные уклоны в школах для подготовки к поступлению школьников в образовательные учреждения. При этом многие студенты продолжали испытывать финансовые трудности. Решение данных задач оставалось приоритетной задачей уже в последующее десятилетие – в 1930-е гг.

Список литературы

1. Документы и материалы II съезда РСДРП. 17 июля – 10 августа (30 июля – 23 августа) 1903 г. Программа Российской социал-демократической рабочей партии // Второй съезд РСДРП. Протоколы / ред. Ц. Л. Бейлина. М. : Госполитиздат, 1959. 430 с.
2. Яковец Н. В. Государственная политика в сфере образования в 1917–1941 гг. // EUROPEAN SCIENCE FORUM : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, состоявшейся 20 декабря 2021 г. в г. Петрозаводске / под общ. ред. И. И. Ивановской, М. В. Поснова. Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2021. С. 305–310.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-71 (Волгоградский городской совет народных депутатов). Оп. 1. Д. 106.
4. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 99.
5. Шкода Р. Как менялась численность населения Царицына-Волгограда. Царицын. РФ : информационный портал. URL: <http://царицын.рф/article/articlestsaritsyn/558-kak-menyalas-chislennost-naseleniya-caricyna-volgograda.html> (дата обращения: 01.02.2022).
6. Борисов С. Д. Народное образование Пензенского края в 1918–1929 годах : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2000. 194 с.
7. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 362.
8. Бюджет для граждан. К проекту закона Волгоградской области «Об исполнении областного бюджета за 2019 год» // Комитет финансов Волгоградской области. URL: <https://volgafin.volgograd.ru/upload/iblock/cf1/itogi-1.pdf> (дата обращения: 20.07.2022).
9. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 308.
10. Сталинградцы на переломе эпох (середина 1920-х – конец 1930-х гг.): социально-экономическое положение и культурная жизнь: Документы и материалы / сост. : Т. В. Юдина (отв. сост.), А. В. Луночкин, Е. Л. Фурман ; под общ. ред. Т. В. Юдиной. Волгоград : Издательство ВолГУ, 2021. 328 с.
11. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 373.
12. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 417.

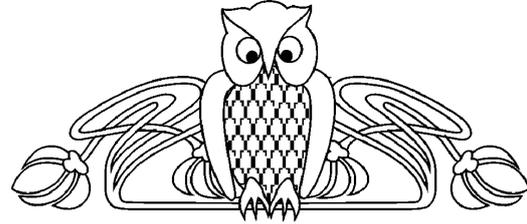
Поступила в редакцию 26.08.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 26.08.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 10.11.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 122–130
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 122–130
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-122-130>, EDN: CKLACY

Научная статья
УДК 94(470.44)|1941/1945|

Строительство оборонительных укреплений на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 413012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, daniilovik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Author ID: 308190

Аннотация. В статье автор обращается к одному из малоизученных в региональной историографии вопросов истории Великой Отечественной войны. Строительство оборонительных рубежей на территории Саратовской области, находившейся долгое время в ближнем тылу советско-германского фронта, осуществлялось в течение полутора лет, приняло большой пространственный размах и потребовало масштабных затрат людских и материальных ресурсов. С осени 1941 г. и до марта 1943 г. в области было сооружено шесть линий обороны полевого типа общей протяженностью свыше 600 км. Констатируется, что саратовские оборонительные рубежи являлись частью общей глубокоэшелонированной системы укреплений, предназначенной для прикрытия главных стратегических районов, экономических и административных центров страны. Рассмотрены организация и ход строительства оборонительных укреплений на подступах к Саратову, характер и масштабы участия в нем специальных частей Красной Армии и местного населения. Ставится вопрос о целесообразности возведения защитных линий на территории региона, обоснованность сроков строительства.

Ключевые слова: оборонительные рубежи, строительство, Великая Отечественная война, Саратовская область, саперные войска, местное население

Для цитирования: Данилов В. Н. Строительство оборонительных укреплений на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 122–130. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-122-130>, EDN: CKLACY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Construction of defensive fortifications on the territory of the Saratov region during the Great Patriotic War

V. N. Danilov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 413012, Russia

Victor N. Danilov, daniilovik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Author ID: 308190

Abstract. In the article the author addresses one of the little-studied issues of the history of the Great Patriotic War in regional historiography. The construction of defensive lines on the territory of the Saratov region, which was located for a long time in the near rear of the Soviet-German front, was carried out for a year and a half, took on a large spatial scale and required large-scale expenditures of human and material resources. From the autumn of 1941 until March 1943, six field-type defense lines with a total length of over 600 kilometers were built in the region. It is shown that the Saratov defensive lines were part of a general deep-echeloned system of fortifications designed to cover the main strategic areas, economic and administrative centers of the country. The organization and progress of the construction of defensive fortifications on the outskirts of Saratov, the nature and extent of the participation of special units of the Red Army and the local population in it are considered. The question is raised about the expediency of erecting protective lines on the territory of the region, the validity of the construction period.

Keywords: defensive lines, construction, the Great Patriotic War, Saratov region, sapper troops, local population

For citation: Danilov V. N. Construction of defensive fortifications on the territory of the Saratov region during the Great Patriotic War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 122–130 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-122-130>, EDN: CKLACY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Создание укрепленных линий обороны (фортификационные сооружения капитального или полевого типа, засечные полосы) явилось важным элементом в мероприятиях советского командования в годы Великой Отечественной войны по противодействию разрастанию германской агрессии. По данным военной статистики, за первые 2 года войны, т. е. тогда, когда Красная Армия в основном сдерживала наступательные действия противника, было возведено более 50 тыс. км укрепленных рубежей обороны [1]. Объем работ, трудовых и материальных затрат на них намного превысил аналогичный показатель всей совокупности гидротехнического строительства предшествующих двух десятилетий Советской власти. Оборонительные рубежи при активном участии гражданского населения строились не только в районах, ставших театрами военных действий, но и в ближайшем стратегическом тылу советских войск. К числу таких регионов относится и Саратовская область, где оборонительные укрепления сооружались с небольшим перерывом в течение почти полутора лет, с конца 1941 г. до начала 1943 г. Это потребовало привлечения значительных людских и материальных ресурсов и, безусловно, стало одним из наиболее ярких проявлений патриотического подвига саратовцев в годы Великой Отечественной войны.

Процесс строительства оборонительных рубежей на подступах к Ленинграду, Москве, Сталинграду, на Дону и Северном Кавказе, т. е. там, где велись бои, был достаточно подробно описан в специальных военно-исторических трудах [2], воспоминаниях военачальников [3] и научно-популярных изданиях [4] еще в советское время. Что же касается тыловых оборонительных рубежей, то их сооружение освещалось в самом общем виде, главным образом в аспекте трудового участия местного населения. Одной из причин наличия подобного «белого пятна» являлись существовавшие тогда на этот счет цензурные ограничения, с чем автор настоящей статьи столкнулся при подготовке к печати в начале 1980-х гг. коллективной монографии «Трудящиеся Поволжья – фронту», в которой имелся раздел о строительстве оборонительных укреплений в масштабах этого большого региона [5, с. 88–96].

В последние десятилетия ситуация во многом изменилась. В специальных обобщающих исследованиях тыловые рубежи включаются ныне в общую картину создания системы укреплений, предназначенных для прикрытия главных стратегических районов, экономических и административных центров СССР в 1941–1943 гг. на территории страны [6]. Опубликованы работы о сооружении оборонительных линий в Горьковской, Куйбышевской и Пензенских областях, в Чувашской, Татарской, Марийской и Мордовской республиках. В этих регионах данная стра-

ница их истории активно используется в коммеморативной практике: установка памятных знаков и обелисков в местах строительства рубежей, учреждение специальных медалей, организация туристических маршрутов. Публичная информация о саратовских оборонительных рубежах на фоне соседних регионов представляется весьма скромной, хотя масштабы их строительства были несоизмеримо большими. В сжатом виде об этом говорится в монографиях Д. Ф. Фролова [7, с. 43–44] и Д. П. Ванчинова [8, с. 186–187], определенный материал содержится и в одной из научных статей, посвященных оборонительному строительству в Поволжье в целом [9].

Как и под Сталинградом, саратовские оборонительные рубежи возводились дважды: первый раз с октября 1941 г. по январь 1942 г. и вторично – с июля 1942 г. по март 1943 г., что совпадало с периодами обострения обстановки на советско-германском фронте. Впервые вопрос о необходимости создания стратегического рубежа обороны в глубоком тылу, в том числе по Волге, был поставлен военными перед политическим руководством страны 8 октября 1941 г., когда над Москвой нависла серьезная угроза. На совещании у И. В. Сталина Управлению строительства укрепленных районов Генерального штаба было поручено разработать план возведения полевых оборонительных рубежей стратегического назначения. 13 октября 1941 г. постановлением Государственного Комитета Оборона (ГКО) № 782 сс «Об оборонительном строительстве» этот план был утвержден. Он предполагал создание комплекса линий обороны, протянувшихся от Онежского озера до предгорий Большого Кавказа, частью которого должен был стать и Саратовский укрепрайон [10, л. 113]. Другое постановление ГКО № 787 сс, принятое в тот же день, «в целях обеспечения строительства глубоких тыловых рубежей», предусматривало формирование 6 саперных армий общей численностью 300 тыс. чел., местом дислокации одной из которых был определен Саратов [10, л. 118].

Однако к моменту принятия указанных решений ГКО советское командование располагало лишь самой общей схемой оборонительных линий. Вспоминая ход совещания в Кремле 14 октября 1941 г., на которое были вызваны руководители ряда прифронтовых областей, прежде всего, по вопросу о неотложном развертывании оборонно-укрепительных работ, Н. С. Патоличев, бывший в то время первым секретарем Ярославского обкома ВКП (б), свидетельствует о том, что «каких-либо расчетов строительства оборонительных рубежей по времени, по количеству людей и т. д. ни у кого даже предположительно не было. Да и сам военно-инженерный характер сооружения не освещался, Сталин сказал, что оборонительные рубежи надо возводить очень быстро» [11, с. 127]. С большой задержкой только 27 октября Наркомат обороны выдал проекты

и определил объем работ, а в середине ноября 1941 г. в основном завершил формирование саперных армий. Поэтому местные органы власти, имея смутные представления о поставленных задачах, вынуждены были самостоятельно принимать меры по началу сооружения оборонительных линий.

В Саратове первым откликом на постановления ГКО по строительству оборонительных рубежей в тыловых районах было секретное решение бюро обкома ВКП (б) от 16 октября 1941 г., которое в общей форме обязывало «облисполком обеспечить по заявкам военных советов мобилизацию рабочей силы, конного транспорта и всех материально-производственных ресурсов для строящихся оборонительных рубежей» [12, л. 399]. А уже решение бюро Саратовского обкома ВКП (б) от 21 октября 1941 г. конкретизировало его: организация строительства саратовского оборонительного обвода возлагалась на местные строительные организации (стройтресты № 6, 13 Моспромстроя и саратовские управления аэродромного и ирригационного строительства), распределенные по трем секторам рубежа. Военкоматам предписывалось провести мобилизацию лиц старших возрастов и ранее не призванных контингентов, а также лиц, отчисленных из действующей армии призывного возраста (до 50 лет) из числа эвакуированных, организовав из них строительные батальоны по 1000 чел. в каждом. Городские и районные власти обязывались направить на строительство рубежа со своим инструментом трудоспособное гражданское население, разместив его по трассе в Воскресенском, Куриловском, Новобурасском, Вязовском, Татищевском, Аткарском, Дурасовском, Широко-Карамышском и Бальцерском (Красноармейском) районах [13, л. 1–5]. После получения проектной документации 28 октября 1941 г. бюро обкома ВКП (б) приняло еще одно решение – «О строительстве оборонительного рубежа по реке Медведице». Организацией его строительства должно было заниматься саратовское военно-строительное управление № 260 [14, с. 43–44].

Однако в самой схеме прохождения линий укреплений еще оставались неясности, о чем свидетельствует план строительства оборонительного рубежа вокруг города, принятый 31 октября 1941 г. Саратовским городским комитетом обороны по докладу представителя военного гарнизона майора Кузьмина. Этот план предполагал возведение трех оборонительных рубежей (удаленного, рубежа в сфере досягаемости дальнего артиллерийского огня и рубежа непосредственной обороны) с примкнутыми флангами к Волге [15, л. 7–14]. Тем не менее в конечном итоге согласно схеме Генштаба Красной Армии в первый период строительства в Саратовской области соорудилось два оборонительных рубежа: рубеж

«М», проходивший по р. Медведице от Петровска до Гуссенбаха (Линево) и «СО» (Саратовский обвод), тянувшийся от Волги севернее Воскресенского через Сокур, Лысье горы до Волги по р. Широкий Карамыш. Кроме того, были размечены также участки оборонительного рубежа «ЛБ», проходившего в границах области с севера на юг по левому берегу Волги, но его никогда не строили.

По своему характеру оборудование оборонительных линий в Саратовской области ничем не отличалось от возводимых в то время рубежей полевого типа в других районах европейской части страны. Главными видами фортификационных сооружений являлись противотанковые рвы, эскарпы, котрэскарпы, создаваемые, как правило, сплошной цепочкой, бетонные долговременные (ДОТ) и деревоземляные огневые точки (ДЗОТ), командные и наблюдательные пункты, стрелковые окопы и ходы сообщения. Ввиду крайнего недостатка минновзрывных средств в качестве противотанковых и противопехотных заграждений использовались металлические ежи, деревянные надолбы и завалы. Основным элементом и расчетной единицей при строительстве служили батальонные районы обороны, протяженностью на основных направлениях по фронту обороны 3–3,5 км, глубиной 1,5–2 км; на второстепенных направлениях – соответственно 5 и 1,5 км.

Организационно-техническое руководство строительства отдельных участков рубежей осуществляли созданные на базе указанных выше местных строительных организаций управления военно-полевого строительства (всего 13), вошедшие в состав 7-го Управления оборонительных работ (УОБР) Наркомата обороны СССР, начальником которого был назначен опытный военный инженер полковник В. В. Косарев. Он же стал командовать и 7-й саперной армией, формирование которой полностью завершилось лишь в декабре 1941 г. Три саперные бригады (12-я, 20-я и 21-я) этой армии общей численностью личного состава более 24 тыс. чел. были созданы за счет призывного контингента лиц старших возрастов и ограниченно годных к военной службе лиц младших возрастов, эвакуированных из прифронтовых Харьковской, Орловской, Курской и Воронежской областей. Они возводили долговременные сооружения и частично производили земляные работы [16, л. 131; 17, л. 112]. Трудоемкие земляные работы и строительство простейших полевых сооружений осуществляло мобилизованное население из городов и сел области: колхозники и рабочие, служащие и студенты, домохозяйки и школьники старших классов.

Всего на строительство саратовских оборонительных рубежей из области было привлечено около 100 тыс. чел. [9, с. 117]. Кроме того, почти 1600 жителей Хвалынского района

участвовали в сооружении куйбышевских оборонительных рубежей в составе 4-го УОБР [18, л. 10]. Деревня после этой трудовой мобилизации практически лишилась, хотя и временно, наиболее активной и трудоспособной части населения. Вот что, например, пишет по этому поводу в своих воспоминаниях бывший председатель колхоза из с. Дмитриевка Новоузенского района М. И. Китаев: «В первые дни и месяцы вражеского нашествия у нас более половины трудоспособных мужчин ушли на фронт... Осенью правление колхоза получило указание об отправке женщин на сооружение оборонительных рубежей. Уехали почти все женщины старше 18 лет. В селе остались лишь те, у кого были малые дети» [19, с. 119–120]. Для питания такой массы людей правительство вынуждено было разрешить даже забить 5 тыс. голов крупного рогатого скота из числа эвакуированного сюда из западных районов страны [16, л. 88].

Вместе с людским контингентом на сооружение рубежей на местах было мобилизовано несколько сотен лошадей, около 100 автомашин и 234 трактора [13, л. 63; 20, л. 63; 21, л. 5; 22, л. 2; 23, л. 3; 24, л. 1; 25, л. 48]. Разумеется, по масштабам строительства данного количества тягловой силы и техники было недостаточно, тем более, что большинство автомашин и тракторов прибыли после завершения уборочных работ изношенными и 60–70% из них быстро ломались и требовали капитального ремонта. Из-за нехватки кормов среди конепоголовья имел место немалый падеж. Так, только по 55-му Управлению военно-полевого строительства было выведено из строя 4 трактора и пало от истощения 28 лошадей [22, л. 3]. Примерно такая же картина наблюдалась и в других управлениях. Если учесть, что трассы рубежей проходили преимущественно вдали от железных дорог, то все это крайне затрудняло подвозку к местам строительства материалов, инструментов и продуктов питания.

С самого начала строительства особые трудности возникли в рекогносцировке (разметке) трассы рубежей и проектировании оборонительных сооружений, которые начались еще до прибытия военных специалистов 7-й саперной армии. Проводились они главным образом офицерами местных военных училищ, зачастую не имевших достаточной инженерной подготовки. Некачественная рекогносцировка нередко приводила к тому, что трассы рубежей соседних участков не совпадали, часто менялись, отсюда – наличие бросовых работ и в первую очередь трудоемких земляных. В отчете штаба 55-го УВПС отмечалось: «Материал рекогносцировки по 13 батрайонам был получен только 1 декабря, по остальным 5 – между 1 и 4 декабря. Тем самым возникала необходимость корректировки и уточнения разбивки начатых работ, что в отдельных случаях имело следствие бросовые

работы. Так, например, фас рва у Белого озера, разбитый по болоту с объемом бросовой работы в 2127 м³» [22, л. 4]. Нужно ли говорить, как это сказывалось на моральном состоянии строителей, когда они видели бесполезность своего труда. Вопросами организации правильной рекогносцировки на поволжских оборонительных рубежах в ноябре 1941 г. специально занималась комиссия Генштаба во главе с зам. начальника оперативного управления генерал-майором Д. Н. Никишевым. Комиссия потребовала от штабов саперных армий создать особые рекогносцировочные партии, которые бы проверяли размеченные участки рубежей и исправляли допущенные ошибки [26, л. 2]. Позже в связи с изменениями ситуации на фронте схема оборонительных укреплений на рубежах дважды подвергалась уточнениям. Первый раз это было сделано после нового «Указания по строительству укрепрайонов в зимних условиях» Генштаба от 8 декабря 1941 г., а второй раз крупные изменения были внесены постановлением ГКО от 27 декабря 1941 г. № 1068 сс о строительстве оборонительных рубежей только на главных направлениях, в результате чего объем сократился почти наполовину [16, л. 160; 27, л. 178].

Определенный ГКО срок завершения строительства оборонительных рубежей в Поволжье – к 10 декабря 1941 г. – оказался более чем нереальным. Как видим, сильно затянулся организационный период, и непосредственно строительные работы начались лишь в конце октября – начале ноября 1941 г. Когда прибыли саперные бригады, было отобрано местное население и подобраны инженерно-технические кадры управлений. Кроме того, масштабы и трудности, с которыми пришлось столкнуться в ходе строительства, оказались куда более сложными, чем это предполагалось. Поэтому сооружение велось в течение трех с лишним месяцев и завершилось выполнением запланированного объема работ, прежде всего, по важнейшим участкам рубежей только в конце января 1942 г.

Работы проводились в напряженной военной обстановке и при неблагоприятных метеорологических условиях: были дожди, метели и сильные морозы, доходившие до 30° ниже нуля. В таких условиях земляные работы тяжелы и для физически крепких мужчин. Для женщин же, которые составляли основную массу строителей из мобилизованного населения, они были исключительно трудны. Отсутствовал к тому же в достаточном количестве необходимый инструмент, особенно ломы, кувалды, клинья. У многих работающих в связи с тем, что при отправке их ориентировали на месячный срок, не было теплой одежды и обуви. Это серьезно отражалось на выходе на работу. В некоторые дни на трассу рубежей не выходило до 30% списочного состава рабочих. Первостепенной задачей была

борьба с обморожением людей. Во многом сохранение здоровья мобилизованного гражданского населения зависело от предусмотрительности руководителей организаций, которые посылали людей на оборонительные работы. В этой связи В. А. Артисевич, исполнявшая в 1941–1942 гг. обязанности ректора Саратовского университета, вспоминала, что, когда вуз получил разнарядку на отправку студентов и преподавателей на строительство оборонительных сооружений в районе Ртищева, то «мы послали туда сначала наших представителей – профессора Н. И. Усова, зав. столовой А. Г. Могилевича, – выдали студентам обувь со склада кафедры физкультуры, живущих в районах послали за теплой одеждой и только тогда отправили отряды, возглавляемые преподавателями. Студентов пединститута послали без предварительной подготовки со стороны ректората, и они вскоре стали возвращаться, так как не были подготовлены к такой работе, многие простудились, не был налажен быт» [28, с. 89].

Мобилизованное население расселяли по всем близлежащим селам и деревням, уплотняя их сверх предела, заселяя и чердаки домов, и сараи. Приспосабливали под жильё полевые станы, овечьи кошары и даже стога соломы в поле. Часть людей селилась сначала в палатках, а потом в землянках. Усилиями городских предприятий и учреждений здесь наскоро создавались полевые кухни, походные пекарни, примитивные медпункты, передвижные бани и парикмахерские. Все это требовало внимания и немалых материальных затрат.

Далеко не все из гражданских строителей могли выполнить установленную норму выемки грунта – около 1,5 м³. Немногие, как например, бригады землекопов Абдул-Имена Касанова из совхоза № 53 Александровогайского района и Сергея Денисовича Журовока с Саратовского шпалопропиточного завода, колхозницы сельхозартели «Трудовик» Новоузенского района Акулины Ивановны Шатохиной регулярно ее перевыполняли. Командование 7-й саперной армии и обком ВКП (б) представили их к поощрению. Вот что, в частности, говорилось в наградном листе А. И. Шатохиной о представлении ее к ордену Трудового Красного Знамени: «Тов. Шатохина работала бригадиром женской бригады землекопов, соревнуясь с передовыми мужскими бригадами. Исключительно благодаря самоотверженной работе, лично показывая образцы работы, тов. Шатохина добилась, что бригада в целом ежедневно выполняла 140–150% и обеспечила выработку 2,2 м³ на человека в день» [29, л. 102]. Всего к награждению орденами и медалями были представлены 5 гражданских строителей [29, л. 8–12]. Ряд районов, колхозов и предприятий, сотни людей получили грамоты от командования 7-й саперной армии.

В числе награжденных были доценты исторического факультета Саратовского университета И. В. Синицын, Л. А. Дербов и Э. К. Путный.

Сооружение оборонительных рубежей находилось под постоянным контролем областных и районных партийных органов, поэтому спрос с руководителей групп за результаты работы был, как и везде в то время, весьма жестким. Надо сказать, что вопрос о подключении к организации оборонительного строительства структур ВКП (б) был поставлен еще в начале октября 1941 г. начальником ГУОБР К. Павловым. В докладной записке для членов ГКО он писал: «Строительство оборонительных сооружений переросло возможности ГУОБРа как ведомственной организации. Необходимо возложить ответственность за своевременное окончание оборонительных работ и снабжение работающего населения на первых секретарей областных и районных комитетов партии, на территории которых проходит оборонительное строительство, обязав их выделить одного секретаря обкома и райкома, с группой членов партии, для проведения мобилизационной, политической и снабженческой работы» [цит. по: 6, с. 142]. Это предложение было поддержано ГКО и нашло отражение в уже упоминавшемся постановлении от 13 октября 1941 г. № 787 сс.

Все вопросы, касавшиеся участия местного населения в оборонных работах и взаимодействия военных структур с местными предприятиями и организациями, решались через соответствующие партийно-советские органы. На оборонительное строительство распространялась и существовавшая тогда система политико-идеологического воздействия. Были назначены комиссары секторов и политруки участков, действовали бригады лекторов и агитаторов, выходили многотиражки УВПС и армейская газета «Доблесть». За состояние работ на оборонительных рубежах отвечал секретарь обкома ВКП (б) Е. П. Колущинский, освобожденный на время от всех других поручений. Все это давало эффект в плане поддержания необходимого ритма работы.

Однако ощутимые результаты достигались, прежде всего, за счет улучшения организации труда и оснащённости строительства инструментами и материалами. Со временем приходили к наиболее рациональной расстановке людей по рабочим местам. Мужчины, например, вскрывали мерзлый грунт, а женщины отбрасывали землю. Примечательно, что самые высокие темпы строительства наблюдались в конце декабря 1941 г. – январе 1942 г., хотя в это время число работающих значительно сократилось. Темпы выросли благодаря как улучшению обеспеченности инструментами, так и широкому внедрению соревновательной системы, где основным стимулом для отдельного коллектива являлось выполнение определенного объема, после чего разрешалось возвращение домой.

Возведение фортификационных сооружений на оборонительных рубежах потребовало большого количества металлических и железобетонных конструкций для долговременных огневых точек, камня, леса и других строительных материалов. Все это изыскивалось исключительно на месте. Только до 12 декабря 1941 г. предприятия Саратова, Балашова и Вольска изготовили по заказу 7-й саперной армии 316 железобетонных колпаков, 350 стрелковых огневых точек, 1000 металлических ежей, 41 разборный ДОТ [16, л. 108]. Для производства инженерного оборудования было специально выделено 62-е УВПС, созданное на базе конторы ОСМУ Моспромстроя № 2. О том, что коллектив управления успешно справился с поставленными перед ним задачами, завоевав тем самым авторитет в глазах военных строителей, свидетельствует тот факт, что в августе 1942 г. командование 7-й саперной армии, находясь в это время на сооружении рубежей под Сталинградом, ходатайствовало перед Саратовским обкомом ВКП (б) и Приволжским военным округом о передаче ей данной строительной организации, поскольку она имела опыт и квалифицированные кадры «по заготовке и производству конструкций оборонительных сооружений» [30, л. 84].

10 января 1942 г. 7-я саперная армия получила от зам. начальника Генштаба генерал-лейтенанта А. М. Василевского распоряжение о прекращении строительства и сдаче рубежей под охрану местным органам власти. Однако работы на саратовских оборонительных рубежах продолжались до 1 февраля, поскольку требовалось выполнить установленный объем строительства. Прием оборонительных рубежей производили комиссия Приволжского военного округа во главе с начальником инженерной службы 2-го танкового училища капитаном Афанасьевым, куда был включен заместитель председателя Саратовского облисполкома А. И. Трушко, и районные комиссии во главе с райвоенкомми. В начале двадцатых чисел февраля 1942 г. приемка рубежей повсеместно завершилась. Исполком Саратовского облсовета своим решением от 26 января 1942 г. возложил персональную ответственность за сохранность построек и материальных ценностей, имевшихся на оборонительных рубежах, на председателей местных сельсоветов и колхозов. Гражданское население возвращалось на прежние места жительства, а 7-й саперная армия передислоцировалась в район Воронежа. Общая протяженность построенных в тот период оборонительных рубежей составляла около 500 км, на которых имелось 288 км противотанковых рвов, эскарпов и контрэскарпов, установлено свыше 2,5 тыс. огневых точек различного назначения. Объем земляных работ составил около 3,5 млн м³ грунта [16, л. 230].

Так как ни один участок рубежей в Саратовской области войсками не занимался и не использовался по назначению, то под воздействием сезонных явлений весной 1942 г. сооружения пришли в непригодное состояние. Поэтому вскоре последовало указание Наркомата обороны о проведении силами местного населения их ремонта и восстановления. Снова на оборонительные работы были мобилизованы сотни людей, техника, подводы, что, естественно, осложнило проведение весенней посевной кампании. Осуществлялась откачка воды, ремонтировались деревянные конструкции, делалась обваловка земель огневых точек и маскировка их под местность, производилось исправление профиля противотанковых препятствий.

С лета 1942 г. ввиду начавшегося нового наступления гитлеровских войск, по решению Ставки Верховного Главнокомандования в Саратовской области, ставшей вскоре ближайшим тылом фронта, совершенствовались сооруженные ранее и строились новые оборонительные рубежи и отдельные опорные пункты. В связи с тем, что опасность наиболее вероятного удара противника по Саратову исходила из района Сталинграда, основное внимание уделялось прикрытию подступов к городу с юга. С этой целью строились отсечные рубежи «Ш» и «Д», укреплялся южный участок оборонительного рубежа «СО» протяженностью 150 км от Киево-Полтавки до Обольяниновки, которому была присвоена литера «С», а для непосредственной обороны города сооружались рубежи «Н» и «Г». Строительство новых оборонительных линий осуществлялось согласно постановлению Военного совета Приволжского военного округа от 17 сентября 1942 г.

Оборонительный рубеж «Ш» протяженностью 62 км проходил от с. Чадаевки по р. Карамыш до с. Рыбушки и далее до Сосновки на Волге. Он одновременно являлся отсечным для рубежей «М» и «СО» и включал в себя 25 батальонных узлов обороны, 1 ротный опорный пункт и 1 взводный опорный пункт [31, л. 30].

Оборонительный рубеж «Д» сооружался по линии Балашов – Воронин – Тетервятка – Даниловка – Нижняя Добринка. Большая его часть проходила по территории Сталинградской области, а в пределах Саратовской области он имел протяженность 30 км [32, л. 38]. В соответствии с указанием Военного совета Воронежского фронта в западной части области также в качестве опорных пунктов обороны оборудовались населенные пункты Турки, Романовка, Усть-Щербедино и др. [20, л. 74].

Полукольцевой оборонительный обвод «Н» должен был упираться своими флангами в Волгу и пролегать по населенным пунктам Усть-Курдом – Татищево – Красный Текстильщик. Полностью на нем оборудовался только участок

у Татищева протяженностью 25 км, который состоял из 5 батальонных узлов обороны [33, л. 25]. Работы на этом рубеже 35-й УОС вел всего 12 дней, а местное население не привлекалось.

Городской оборонительный обвод «Г» проходил передним краем по юго-западным и западным окраинам Саратова и господствовал в высотном отношении над прилегающей к нему местностью. Его протяженность составляла около 50 км, весь комплекс сооружений включал 44 батальонных узла обороны и 4 городских сектора непосредственной обороны [34, л. 111; 35, л. 22; 36, л. 5]. Поскольку рубеж находился практически в черте города, то это не потребовало размещения гражданского населения в местах проведения работ; строители добирались сюда из города пешком, что сократило время работы на рубеже до 5–6 ч вместо 10 ч, как на других участках оборонительного строительства.

По сравнению с предыдущим периодом строительства работы в 1942–1943 гг. в Саратовской области носили менее масштабный характер. Об этом говорит уже тот факт, что занято в них было почти в 5 раз меньше людей, техники и тягловой силы. В работах участвовали максимально 6,2 тыс. бойцов стройколонн 27-го (начальник полковник Прусс), 35-го (начальник полковник Ковин) и 23-го (начальник полковник Загородний) управлений оборонительного строительства (УОС), созданных на основе расформированных саперных армий, 12 тыс. чел. гражданского населения и около 2 тыс. солдат Саратовского гарнизона. В сентябре – октябре 1942 г. практиковался также массовый выход жителей Саратова на воскресники для проведения работ по городскому оборонительному обводу [37, л. 58]. Кроме того, к строительству привлекалось 460 автомашин, 57 тракторов и 746 подвод [33, л. 111; 38, л. 9, 10; 39, л. 15; 40, л. 50; 36, л. 6; 37, л. 21–23]. Значительно сократилась протяженность строившихся оборонительных рубежей и трудоемкость работ. Так, объем выполненных земляных работ уменьшился более чем наполовину и составил около 1,5 тыс. м³, противотанковых рвов и прочих ПТП на новых рубежах было сооружено 147 км, что почти в 2 раза меньше, чем осенью 1941 – зимой 1941/42 гг. [31, л. 30; 33, л. 132]. Несмотря на то, что увеличилась насыщенность батальонных узлов обороны огневыми сооружениями, доля трудоемких железобетонных и деревоземляных долговременных огневых точек уменьшилась. Вместо них ведущее место заняли огневые позиции открытого типа. Если на обводе «СО» в первый период строительства было возведено 1095 ДОТов и ДЗОТов, а открытых площадок для пулеметов и орудий 523 единицы, то на рубеже «Г», например, ДОТов и ДЗОТов имелось 275 штук, тогда как прочих огневых сооружений – 2160 единиц [16, л. 230; 17, л. 108; 33, л. 132; 31, л. 30; 41, л. 65].

Так как осенью 1942 г. произошел переход на новую принципиальную схему батальонных узлов обороны, изменилась и сама организация строительства. Устанавливалась четкая очередность возведения батузлов обороны по всему периметру оборонительного рубежа, а не по отдельным направлениям, как ранее. Работы по строительству огневого сооружения производились, как правило, комплексно, без расчленения на отдельные процессы. С этой целью создавались комплексные бригады из местного населения и бойцов стройколонн УОС численностью 20–25 чел. Данная мера почти вдвое повышала скорость строительства, что было особенно важно в условиях ограниченности рабочей силы. Вместе с тем нельзя не отметить и определенный негативный момент изменения тактической схемы оборонительных рубежей. Там, где трассы новых рубежей проходили по ранее строившимся участкам, старые огневые сооружения практически не использовались вследствие несоответствия их расположения новой принципиальной схеме [38, л. 21]. А это означало, что даже в случае применения саратовских рубежей в боевых условиях, прежние затраты оказывались в значительной мере безрезультативными и лишними.

Приобретенный в предшествующий период опыт строительства оборонительных рубежей позволил лучше организовать бытовые условия привлеченного к сооружению укреплений гражданского населения. Так, инструктор военного отдела Саратовского обкома ВКП (б) Филатов, обследуя в конце ноября 1942 г. положение в 27-м УОС, отмечал: «Мобилизованное население в основном размещено в домах населенных пунктов по 5–10 чел. и общежитиях по 100–250 чел.. Разбиты они по отрядам и бригадам. Жилищно-бытовые условия нормальные. Питание в большинстве отрядов организовано 2 раза в день – утром и вечером, днем выдается кипяток... Ежедневно в обеденный перерыв проводятся политинформации о событиях на фронте и в стране. Кроме того, проведен целый ряд докладов и бесед. Часто демонстрируются кинокартины, с 5 по 28 ноября прошел смотр художественной самодеятельности. Командование 27 УОС проявило достаточно заботы в организации бытовых условий для мобнаселения, в результате этого многие рабочие, развернув соцсоревнование в бригадах, показывают стахановские методы работы, значительно перевыполняя нормы выработки» [42, л. 171].

Такова в целом картина почти полуторагодичных усилий воинов Красной Армии и населения края по созданию оборонительных укреплений в годы Великой Отечественной войны в Саратовской области. Общая протяженность 6 возводимых оборонительных рубежей составила более 600 км [8, с. 187]. Поскольку территория области, как известно, не стала театром военных

действий сухопутных сил противоборствующих сторон, возникает закономерный вопрос о необходимости их строительства здесь, в противовес которому всегда будет выдвигаться трудно оспоримый аргумент: ну а если бы противник прорвался и сюда? Этот вопрос необходимо рассматривать, по всей видимости, в совокупности с проблемами готовности страны к отражению фашистской агрессии, соотношения сил сторон, уровнем руководства армией и состоянием боевого духа войск. Поэтому данную акцию, на наш взгляд, следует признать в условиях, когда она осуществлялась целесообразной и, пожалуй, своевременной. В то же время с военно-технической точки зрения качество проектирования и строительства оборонительных рубежей было не на высоте.

Отмечая патриотизм и жертвенность людей при сооружении оборонительных рубежей, нужно видеть и то, что эта мера поглотила большие ресурсы, трудно восполнимые в период войны. Можно утверждать, что оборонительное строительство было одним из факторов, подорвавших производительные силы деревни в годы войны. На рубежах изнашивалась остродефицитная техника, расходовалось столь нужное в период весенних и осенних полевых кампаний 1942 и 1943 гг. горючее. Из-за нехватки кормов приходили в истощенное состояние лошади – основное в ту пору тягло в деревне, участились случаи их падежа. Наконец, необходимо сказать и о немалом уроне, нанесенном оборонительными работами, здоровью женщин и подростков.

Не совсем убедительными выглядят сроки сооружения оборонительных рубежей. Под Саратовом оно продолжалось до середины марта 1943 г., когда уже оперативно-стратегическая обстановка на фронте претерпела значительные изменения после разгрома немецкой группировки под Сталинградом. Только в конце января 1943 г. Саратовский обком ВКП (б) окончательно отказал руководству 35-го УОС увеличить выход местного населения и предупредил, что в течение февраля оно должно быть демобилизовано [34, л. 28]. Но и весной–летом 1943 г. вновь на оборонительных рубежах организовывались восстановительные работы. Даже 5 марта 1944 г. саратовские власти получили от командующего ПриВО письмо следующего содержания: «Решением Генерального штаба Красной Армии дальнейшая охрана и поддержание в порядке оборонительных сооружений тыловых оборонительных рубежей, возведенных на территории Саратовской области, признана нецелесообразной, за исключением участка рубежа: Белое озеро – Каменка – Рыбушка – Обольяниновка, где все сооружения поддерживать в порядке, организовав их надлежащее охранение» [43, л. 1]. Спору нет, общее тактико-техническое состояние оборонительных рубежей от этого не пострадало,

а, напротив, улучшилось, но это уже были ничем не оправданные затраты человеческого труда и материальных средств.

Список литературы

1. *Ставицкий Ю.* Путь к победе проторили инженерные войска // Красная звезда. 2020. 8 мая.
2. Инженерные войска Советской Армии 1918–1945 гг. / под общ. руд. С. Х. Аганова. М. : Воениздат, 1985. 488 с.
3. *Комаровский А. Н.* Записки строителя. М. : Воениздат, 1973. 262 с.
4. *Мальцев М. М., Вихирев К. А., А. Э Гондельсман, Губенко А. А., Корнев А. С., Краснобаев А. И., Макаров А. П., Минеев Н. Ф., Шварцман С. Б.* Рубежи мужества М. : Издательство ДОСААФ, 1978. 158 с.
5. *Ванчинов Д. П., Данилов В. Н., Ченакал Д. Д.* Трудящиеся Поволжья – фронту: Оборонно-массовая работа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. 173 с.
6. *Маляров В. Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны: Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб. : ВИТУ, 2000. 348 с.
7. *Фролов Д. Ф.* Подвиг саратовцев в Великую Отечественную войну. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1972. 160 с.
8. *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1976. 305 с.
9. *Данилов В. Н.* Оборонительное строительство в Поволжье в 1941–1943 гг.: масштабы, цена и результаты // Военно-исторические исследования в Поволжье : сборник научных трудов. Вып. 2. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1997. С. 168–185.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644 (Государственный Комитет Обороны). Оп. 1. Д. 12.
11. *Патолычев Н. С.* Испытание на зрелость. М. : Политиздат, 1977. 287 с.
12. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) Ф. 594 (Саратовский обком КПСС). Оп. 2. Д. 8.
13. ГАНИСО, Ф. 594. Оп. 1. Д. 2298.
14. Саратовская область в годы Великой Отечественной войны. Архивные документы / под ред. В. Н. Данилова. Саратов : Издательство Саратовской губернской торговой-промышленной палаты, 2005. 196 с.
15. РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 88. Д. 504.
16. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 343 (7-я саперная армия). Оп. 5438. Д. 4.
17. ЦАМО. Ф. 343. Оп. 5438. Д. 65.
18. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2748.
19. *Китаев М. И.* Трудный хлеб // Война, народ, победа: в 4 кн. Кн. 3 / сост. И. М. Данишевский, В. И. Радин. М. : Политиздат, 1980. С. 119–127.
20. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2592.

21. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-1656 (Управления военно-полевого строительства 7-й саперной армии). Оп. 1. Д. 2.
22. ГАСО. Ф. Р-1656. Оп. 2. Д. 4.
23. ГАСО. Ф. Р-1656. Оп. 3. Д. 2.
24. ГАСО. Ф. Р-1656. Оп. 4. Д. 4.
25. ГАСО. Ф. Р-1656. Оп. 6. Д. 2.
26. ЦАМО. Ф. 322 (4-я саперная армия). Оп. 4796. Д. 3.
27. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17.
28. *Артисевич В. А.* Одинаковых судеб не бывает: воспоминания. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2009. 240 с.
29. ЦАМО. Ф. 343. Оп. 5438. Д. 51.
30. ЦАМО. Ф. 343. Оп. 5438. Д. 13.
31. ЦАМО. Ф. 30020 (27-е Управление оборонительного строительства НКО). Оп. 1, Д. 8–12.
32. ЦАМО. Ф. 157 (Штаб Приволжского военного округа). Оп. 12787. Д. 6.
33. ЦАМО. Ф. 30023 (35-е Управление оборонительного строительства НКО). Оп. 1. Д. 37.
34. ЦАМО. Ф. 30023. Оп. 1. Д. 67.
35. ЦАМО. Ф. 157. Оп. 12787. Д. 21.
36. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3529.
37. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2783.
38. ЦАМО. Ф. 30020. Оп. 1. Д. 5–7.
39. ЦАМО. Ф. 30023. Оп. 1. Д. 33.
40. ЦАМО. Ф. 30023. Оп. 1. Д. 1.
41. ГАНИСО. Ф. 30 (Саратовский горком КПСС). Оп. 15. Д. 57.
42. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2183.
43. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4066.

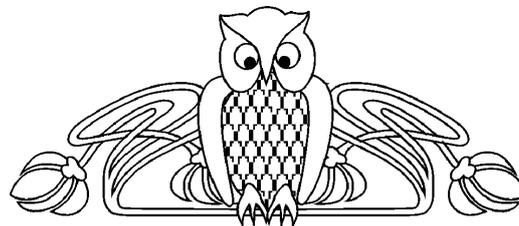
Поступила в редакцию 02.01.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 02.01.2023; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 131–135
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 131–135
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-131-135>, EDN: CBOLQZ

Научная статья
УДК [94+378.4.096](470.44-25):94(448.7)|653|+929Беляева

М. Е. Беляева: основные вехи жизни и научно-педагогической деятельности

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 41012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, Author ID: 1131371

Аннотация. В статье рассматривается жизненный путь и основные итоги научно-педагогической деятельности кандидата исторических наук, доцента кафедры истории средних веков Саратовского государственного университета М. Е. Беляевой (1942–2017). Привлекаются материалы личного дела историка, хранящегося в архиве университета.

Ключевые слова: М. Е. Беляева, Саратовский университет, средневековые города Лангедока, Каркассон

Для цитирования: Галямичев А. Н. М. Е. Беляева: основные вехи жизни и научно-педагогической деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 131–135. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-131-135>, EDN: CBOLQZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

M. E. Belyaeva: The main milestones of life and scientific and pedagogical activity

A. N. Galyamichev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander N. Galyamichev, Galyamichev57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, Author ID: 1131371

Abstract. The article examines the life path and the main results of the scientific and pedagogical activity of the Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of History of the Middle Ages of Saratov State University M. E. Belyaeva (1942–2017). The materials of the historian's personal file stored in the university archive are involved.

Keywords: M. E. Belyaeva, Saratov University, medieval cities of Languedoc, Carcassonne

For citation: Galyamichev A. N. M. E. Belyaeva: The main milestones of life and scientific and pedagogical activity. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 131–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-131-135>, EDN: CBOLQZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

80-летие со дня рождения историка-медиевиста М. Е. Беляевой дает основания для подведения итогов ее научно-педагогической деятельности.

Настоящая статья – не первый опыт подготовки работы такого рода. Еще в 2012 г. мне была предоставлена возможность кратко охарактеризовать вклад М. Е. Беляевой в изучение истории средневекового Лангедока на научной конференции, посвященной 70-летию историка [1, с. 118–121]. После ее ухода из жизни по поручению кафедры мною была подготовлена краткая мемориальная заметка о научно-педагогической деятельности ученого [2, с. 235–238]. В рамках

настоящей статьи, которая была подготовлена на основе доклада, прочитанного на научной конференции «Наследие средневековья и опыт его осмысления», посвященной 80-летию со дня рождения М. Е. Беляевой, ставится задача дать более подробную характеристику жизненного и научного пути исследовательницы, дополнив известные факты материалами ее личного дела, хранящегося в архиве СГУ.

Маргарита Елисеевна Беляева родилась 12 мая 1942 г. в с. Екатериновка Октябрьского района Амурской области в семье инженера-механика и учительницы русского языка и литературы [3, л. 1].

По-видимому, к сентябрю 1949 г. семья переехала в областной центр (Благовещенск), где будущая исследовательница поступила в 1-й класс средней школы № 4 [3, л. 7]. В 1960 г. она закончила 11-й класс, после чего поступила на годичные библиотечные курсы в Джамбуле (ныне – Тараз) Казахской Советской Социалистической Республики [3, л. 1 об.].

В составленной 22 ноября 1970 г. автобиографии М. Е. Беляева отмечала: «В 1961 г. окончила годичные курсы библиотекарей. В 1962 г. поступила в педагогический институт г. Благовещенска» [3, л. 7], однако сохранившийся в архиве кафедры всеобщей истории профсоюзный билет позволил установить, что осенью 1961 г. (дата выдачи билета – 29 октября) она приступила к работе в Амурской областной библиотеке, а затем, летом 1962 г., поступила в педагогический институт.

В 1963 г. М. Е. Беляева была переведена на исторический факультет Саратовского государственного университета, вероятно, в связи с переездом семьи в Саратовскую область. По окончании обучения (в 1967 г.) она поступила в аспирантуру по кафедре истории средних веков, где приступила к работе над кандидатской диссертацией под руководством видного советского медиевиста С. М. Стама.

Тема кандидатской диссертации М. Е. Беляевой (с 1965 до 1991 г. она носила фамилию Карпачёва и под ней публиковала свои научные труды) – «Возникновение и ранний этап развития средневекового Каркассона и мелких городских центров каркассонского района» – была тесно связана с научными интересами С. М. Стама и других работников кафедры истории средних веков Саратовского университета, проблематика исследований которых определялась задачами осмысления феномена средневекового урбанизма в странах Западной Европы.

Завершить работу над диссертацией в рамках обучения в аспирантуре М. Е. Беляевой не удалось, ее защита состоялась 28 июня 1973 г. в Саратовском университете [3, л. 12].

К моменту защиты диссертации М. Е. Беляева работала ассистентом кафедры истории средних веков СГУ, каковым стала согласно приказу ректора СГУ № 196-к от 8 сентября 1970 г.: «Карпачёву Маргариту Елисеевну, 1942 г. р., с 1/IX г. назначить ассистентом кафедры истории средних веков, без конкурса, как окончившую аспирантуру, с окладом 105 рублей месяц» [3, л. 47].

29 сентября 1975 г. М. Е. Беляева была переведена на должность доцента, будучи избранной по конкурсу [3, л. 49], и занимала ее до окончания своей активной научно-педагогической деятельности (20 июля 1977 г. решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР ей было присвоено ученое звание доцента [3, л. 13], черта под которой была

подведена увольнением из Саратовского университета 3 июля 2007 г.) [3, л. 75].

Диссертация и опубликованные в русле ее проблематики статьи представляют собой ядро и наиболее оригинальную часть научного наследия историка. Посвященные этой тематике работы М. Е. Беляевой, отталкиваясь от концептуальных положений монографии С. М. Стама «Экономическое и социальное развитие раннего города» [4], проливали свет на средневековое прошлое одного из самых загадочных, овеянных множеством легенд городов Провансальского Юга Франции – Каркассона, но при этом вносили весомый вклад в изучение коренных проблем средневековой урбанистики.

Первая из такого рода проблем – вопрос о роли античного наследия в судьбах городов Каркассонского района, а в более широком плане – о континуитете или дисконтинуитете на рубеже древности и средних веков в развитии западноевропейского города. Эта проблематика являлась предметом оживленной дискуссии в отечественной медиевистике 1960-х гг. История Каркассона, города античного корня, важного военно-административного центра королевства вестготов и государства франков, оставившего яркий след в бурном водовороте событий эпохи арабских завоеваний, представляла собой благодатное поле для исследователя проблемы континуитета городского развития на пороге эпохи средневековья [5]. Вывод, к которому пришла М. Е. Беляева на основе изучения комплекса источников о судьбах Каркассона во времена раннего средневековья, был важен для участников тогдашней дискуссии. Он укреплял позиции сторонников точки зрения, которая констатировала гибель западноевропейского города в ходе кризиса Западной Римской империи и завоеваний варварами ее территории в эпоху Великого переселения народов и возрождения городов в странах Западной Европы на рубеже раннего и классического средневековья как принципиально нового для всемирной истории социально-экономического явления.

В одной из статей М. Е. Беляевой был специально рассмотрен исключительно важный и новый для тогдашней отечественной медиевистики вопрос о догородских очагах и их месте в градообразовательном процессе [6]. Определяя догородский очаг как поселение, обладавшее благоприятными условиями для зарождения городской жизни, исследовательница обосновывала мысль о том, что в догородских очагах, природа которых была различна, присутствовали лишь возможности их последующего перерождения в города, которые реализовывались далеко не всегда, а лишь в тех случаях, когда здесь начинали действовать те социально-экономические и демографические силы, которые были в состоянии создать прочные основы экономической самостоятельности основы городской

жизни – товарного производства и обращения. Следует отметить, что статья М. Е. Карпачёвой до сих пор остается единственной специальной работой по этому вопросу в отечественной урбанистике, так как предоставляет читателю возможность познакомиться с историей его изучения и различными методологическими подходами к осмыслению проблематики догородского (предгородского) развития.

Особое место в работах М. Е. Карпачёвой занимает осмысление динамики процесса градообразования. Здесь на материале одного из наиболее урбанизированных регионов средневековой Франции ей удалось выявить ряд новых, важных для ее понимания явлений. В рецензии на первые выпуски сборника «Средневековый город» А. А. Сванидзе отмечала: «В статьях М. Е. Карпачёвой речь идёт как бы о двух волнах средневекового градообразования. Результатом первой было складывание относительно немногочисленных городов, в большинстве случаев центров своего района, каким был и г. Каркассон; вторая, связанная в Европе уже со зрелым феодализмом, выразилась в расцвете многих городов, возникших ранее, и в складывании множества мелких городков и торгово-ремесленных местечек, составивших наиболее густую сеть товарного хозяйства. В успешном конкретном исследовании этого последнего процесса заключается большая заслуга автора» [7, с. 318].

Материалы диссертации М. Е. Беляевой находили продолжение и развитие в опубликованных статьях [8–13], что создавало предпосылки для обобщения результатов многолетней работы в форме монографического исследования. В сохранившихся архивных документах, относящихся к 1990 г., содержатся сведения о планируемой исследовательницей к изданию монографии «Коммунальное движение в городах юго-западного Лангедока в XI–XIII вв.», а также сборника документов по этой проблематике (здесь же сообщается о том, что подготовленный М. Е. Беляевой перевод каркассонского кутюма 1204–1209 гг. используется в учебном процессе) [3, л. 22–23].

К сожалению, и тот и другой проекты остались нереализованными. При этом материалы личного дела свидетельствуют о том, что научно-педагогическая деятельность М. Е. Беляевой развивалась ритмично на всем ее протяжении. Она регулярно публиковала статьи по основной тематике своих научных исследований как в 1990-е, так и в 2000-е гг. С течением времени тематика ее исследований расширилась за счет различных аспектов антисеньориальной и антиинквизиционной борьбы горожан Лангедока [14–18] (в 2001 г. кафедра истории средних веков СГУ отмечала, что М. Е. Беляева «продолжает работать над плановой темой “Освободительное движение в юго-восточном регионе Лангедока (XII–XIII вв.)”» [3, л. 40]), средневековой истории

города Безье [19–22], с которым связаны трагические страницы истории альбигойских войн. Эти статьи вводили в научный оборот новые для нашей медиевистики источники, открывали яркие страницы истории Лангедока, прежде всего – альбигойского движения.

В 1990-е гг. М. Е. Беляева впервые познакомилась научную общественность со своими опытами поэтических переводов лирики провансальских трубадуров, различные аспекты поэтики, содержания и социальных функций которой были рассмотрены ею в докладе, прочитанном на научной конференции «Город в искусстве и искусство в городе» (Москва, 1995) [3, л. 27], а также в нескольких научных публикациях [23, 24] (в материалах личного дела содержится информация о том, что в сборнике материалов научной конференции Саратовского государственного технического университета «Декада науки» в 1995 г. предполагалось издание статьи «Поэзия трубадуров в контексте истории городов Окситании (новое в этико-любвиной концепции куртуазности)» [3, л. 29]).

Думается, что устойчивый, проходящий через всю научную биографию М. Е. Беляевой интерес к истории средневековых городов Франции, культуры провансальского Юга и антиинквизиционной борьбы горожан не был следствием стечения обстоятельств (можно, например, предположить, что он определялся тем, что разработанная научным руководителем М. Е. Беляевой С. М. Стамом концепция развития средневекового города создавалась на материале истории Тулузы).

Не говоря о том, что история городов Лангедока вообще и таинственного Каркассона в частности необычайно интересна сама по себе, осмелюсь предположить, что устойчивый интерес к истории Юга средневековой Франции определился уже в студенческие годы Маргариты Елисеевны. Одним из главных событий культурной жизни нашей страны середины 1960-х гг. было опубликование в 1965 г. в журнале «Москва» романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Редкое в начале 1940-х гг. имя Маргарита, которое дали своей дочери Елисей Иванович и Анфиса Андреевна Тагуновы, приобрело 20 лет спустя ореол таинственности, а сам роман стал предметом пристального осмысления как в среде специалистов-литературоведов, так и в широких кругах читателей. В ходе этого изучения было установлено, что в многослойном историческом подтексте романа М. А. Булгакова видное место занимали мотивы, связанные с историей альбигойской ереси и борьбы с ней, а сама религиозно-философская концепция альбигойцев повлияла на мировоззренческие искания писателя [25].

Подводя итоги профессиональной деятельности М. Е. Беляевой, нельзя не сказать и о

ее преподавательской работе. В сухих формулировках служебной характеристики 1990 г. отмечалось: «Учебные занятия М. Е. Карпачёвой проводятся на хорошем идейно-теоретическом уровне. Она постоянно работает над теоретическим и научным обогащением и методическим совершенствованием своих учебных занятий» [3, л. 17].

Преподавательская деятельность М. Е. Беляевой была тесно связана с ее научными интересами: помимо общего курса истории средних веков она читала спецкурсы по истории и историографии средневекового города, руководила подготовкой дипломных работ по урбанистической проблематике. Кроме того, в течение многих лет М. Е. Беляева читала общий курс истории южных и западных славян и спецкурс «Культура южных и западных славян в средние века», постоянно выступала с библиографическими обзорами на заседаниях кафедры истории средних веков, а, кроме того, преподавала спецкурс «Историческая библиография» (применительно к задачам медиэвистики). Этому, видимо, поспособствовали ее первое библиотечное образование и опыт работы.

Наиболее интересными методическими публикациями М. Е. Беляевой были разделы, подготовленные ею для «Практикума по истории средних веков» (темы «Процесс феодализации во франкском обществе VII–IX веков» [26], «Школа и университет в средние века» [27]).

К сожалению, не все творческие планы историка удалось осуществить в полной мере. Реализации этих и других замыслов помешала тяжелая болезнь, с которой Маргарита Елисеевна боролась в последние годы жизни. Однако то, что было сделано, оставило заметный след в российской средневековой урбанистике.

Список литературы

1. *Галямичев А. Н.* Над разгадками тайн городов провансальского Юга Франции (О научно-педагогической деятельности М. Е. Беляевой) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения.* 2012. Т. 12, вып. 4. С. 118–121.
2. *Памяти М. Е. Беляевой* // *Средние века.* М. : Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 235–238.
3. *Архив Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (СГУ).* Личное дело М. Е. Беляевой. 75 л.
4. *Стам С. М.* Экономическое и социальное развитие раннего города. Тулуза XI–XIII вв. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1969. 429 с.
5. *Карпачёва М. Е.* Каркассон от античности к средневековью // *Античный мир и археология* / отв. ред. В. Г. Борухович. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1972. Вып. 1. С. 108–122.
6. *Карпачёва М. Е.* Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в каркассонском районе в средние века // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1974. Вып. 2. С. 53–80.
7. *Сванидзе А. А.* Проблемы истории средневекового города в тематическом межвузовском сборнике // *Средние века.* М. : Наука, 1982. Вып. 45. С. 317–326.
8. *Карпачёва М. Е.* Возникновение Каркассона как средневекового города // *Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории* / под ред. В. М. Гохлернер. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1971. С. 171–186.
9. *Карпачёва М. Е.* Проблема возникновения средневекового города во французской историографии (преимущественно по материалам городов Южной Франции) // *Историографический сборник* / отв. ред. Л. А. Дербов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1973. Вып. 1 (4). С. 155–170.
10. *Карпачёва М. Е.* Становление ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах Каркассонского района в средние века // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1975. Вып. 3. С. 34–53.
11. *Карпачёва М. Е.* Ранний этап коммунального движения в средневековом Каркассоне // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. Вып. 4. С. 3–19.
12. *Карпачёва М. Е.* Антифеодалная борьба горожан Каркассона в XII–XIII вв. // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. Вып. 5. С. 29–39.
13. *Карпачёва М. Е.* Коммунальное движение в мелких городских центрах средневекового Каркассэ // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1981. Вып. 6. С. 118–120.
14. *Карпачёва М. Е.* Освободительная борьба в Каркассоне XIII века // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. Вып. 7. С. 21–36.
15. *Карпачёва М. Е.* Борьба горожан Каркассона против инквизиции в конце XIII века // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. Вып. 8. С. 37–46.
16. *Карпачёва М. Е.* Завершающий этап антиинквизиционной борьбы в Каркассоне // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1989. Вып. 9. С. 160–172.
17. *Беляева М. Е.* Особенности освободительного движения в мелких городских центрах средневекового Каркассэ (начальный период) // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. Вып. 10. С. 20–30.
18. *Беляева М. Е.* Освободительное движение в городах Каркассонского региона (XIII–XIV вв.) // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1998. Вып. 12. С. 154–168.
19. *Беляева М. Е.* Безье от античности к средневековью // *Научные чтения по всеобщей истории, посвящённые памяти академика С. Д. Сказкина (тезисы докладов)* / под ред. И. М. Узародова. Ростов н/Д : Ростовский гос. ун-т, 1992. С. 12–15.

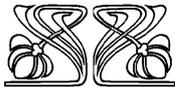
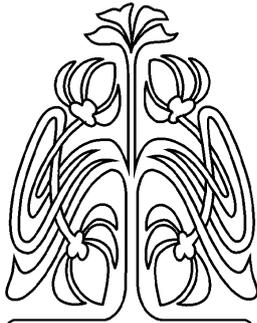

20. Беляева М. Е. Возникновение средневекового города Безье // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Научная книга, 1998. Вып. 13. С. 163–176.
21. Беляева М. Е. Освободительное движение в средневековом городе Безье [начальный этап] // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Научная книга, 2000. Вып. 14. С. 62–74.
22. Беляева М. Е. Освободительная борьба горожан Безье на рубеже XII–XIII веков // *Средневековый город* / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. Вып. 16. С. 42–53.
23. Беляева М. Е. Поэзия трубадуров, её исторические корни и содержание // *Декада науки. Материалы 57-й научной конференции Саратовского государственного технического университета. Гуманитарный учебно-научный центр (Саратов, 12–19 апреля 1994 г.)* : в 2 вып. Саратов : Саратовский государственный технический университет, 1994. Вып. 2. С. 58–62.
24. Беляева М. Е. Развитие политико-сатирического направления в провансальской поэзии трубадуров // *Город и культура на Западе и в России* : сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения С. М. Стама / под ред. А. Н. Галямичева. Саратов : Наука, 2014. С. 43–64.
25. Галинская И. Л. Загадки известных книг. Глава 2. Криптография романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. М. : Наука, 1986. 128 с. URL: <https://yasko.livejournal.com/547982.html> (дата обращения: 12. 07. 2022).
26. Беляева М. Е. Процесс феодализации во франкском обществе VII–IX веков // *Практикум по истории средних веков* / под ред. Н. И. Девятайкиной, Н. П. Мананчиковой : в 3 ч. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1999. Ч. 1. С. 70–82.
27. Беляева М. Е. Школа и университет в средние века // *Практикум по истории средних веков* / под ред. Н. И. Девятайкиной, Н. П. Мананчиковой. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 2000. Ч. 2. С. 331–368.

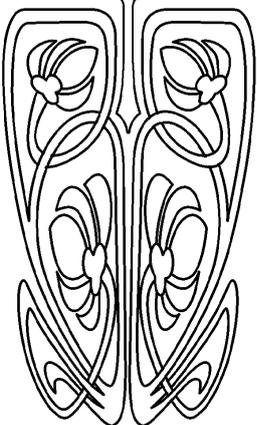
Поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 10.11.2022

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 136–139

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 136–139

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-136-139>, EDN: AAXHWW

Рецензия

УДК 355.426(470+571)|1918|(=162.3)(049.32)

К вопросу о роли Чехословацкого корпуса в расширении гражданской войны в России

Рецензия на: *Васильченко М. А. Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май – ноябрь 1918 года)*. Саратов : Техно-Декор, 2021. 172 с.

В. И. Бакланов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49

Бакланов Вячеслав Иванович, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук, slava.home2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4982-1523>, Author ID: 267494

Аннотация. Книга М. А. Васильченко раскрывает степень участия солдат и офицеров Чехословацкого корпуса на начальном этапе Гражданской войны в Поволжье. В монографии прослеживается процесс превращения чешских частей из составной части русской армии в национальное воинское формирование, преследующее узконациональные интересы в условиях Гражданской войны. Автор вводит в научный оборот понятие «автономизация», достаточно удачное, чтобы описать данный процесс, а также широкий круг источников, не введенных в научный оборот, исследует взаимодействие командования корпуса с антибольшевистскими силами. Работа существенно дополняет не только историю Чехословацкого корпуса, но и раскрывает малоизвестные аспекты Гражданской войны в Поволжье. В рецензии высказаны замечания о необходимости более четко очертить отношение автора к объекту и предмету исследования, а также расширить обобщения, включая и пожелания дальнейшей разработки научного направления.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус, Комуч, интервенция, Масарик, Чечек, Золотой запас, эсеры, большевики

Для цитирования: *Бакланов В. И.* К вопросу о роли Чехословацкого корпуса в расширении гражданской войны в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 136–139. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-136-139>, EDN: AAXHWW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

On the role of the Czechoslovak Corps in the Expansion of the Civil War in Russia

Review of: Vasilchenko M. A. *Czechoslovak Corps in the struggle for the Volga region (May – November 1918)*. Saratov, Techno-Dekor Publ., 2021. 172 p. (in Russian).

V. I. Baklanov

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow GSP-3 125993, Russia

Vyacheslav I. Baklanov, slava.home2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4982-1523>, Author ID: 267494

Abstract. The book by M. A. Vasilchenko reveals the degree of participation of soldiers and officers of the Czechoslovak Corps at the initial stage of the Civil War in the Volga region. The monograph

traces the process of transformation of Czech units from an integral part of the Russian army into a national military formation pursuing narrow national interests in the conditions of Civil War. The author introduces the concept of "autonomization" into scientific circulation, which is successful enough to describe this process. Vasilchenko attracts a wide range of sources that have not been introduced into scientific circulation, explores the interaction of the corps command with anti-Bolshevik forces. The monograph significantly complements not only the history of the Czechoslovak Corps, but also reveals little-known aspects of the Civil War in the Volga region. The review comments on the need to more clearly outline the author's attitude to the object and subject of research, as well as the need for a more extended generalization, as well as wishes for further development of the scientific direction.

Keywords: Czechoslovak Corps, Komuch, intervention, Masaryk, Checek, Gold reserve, SRS, Bolsheviks

For citation: Baklanov V. I. On the role of the Czechoslovak Corps in the Expansion of the Civil War in Russia. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 136–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-136-139>, EDN: AAXHWW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Как известно, Октябрьская революция и последующая за ней Гражданская война представляют собой ключевые события первой половины XX в. для нашей страны. Выход России из Первой мировой войны, идеологический раздел между сторонниками нового и старого в жизни российского общества привели к расширению Гражданской войны, в которую были втянуты не только граждане бывшей Российской империи, но и многие внешние силы. Одной из таких сил является Чехословацкий корпус, чье вооруженное выступление привело к широкомасштабной гражданской войне.

Данное событие роковым образом совпало с началом иностранной интервенции и привело к эскалации насилия. История чехов в России не раз привлекала внимание исследователей. В период 2014–2018 гг. выходили сборники документов, проливающие свет на многие аспекты Гражданской войны, а также многочисленные статьи, приуроченные к юбилею событий. Чехословацкий корпус оказал влияние на развитие Гражданской войны в отдельных регионах: Урале, Сибири, Поволжье, однако региональный аспект взаимодействия чехов и местных антибольшевистских сил изучен недостаточно. В 2021 г. в Саратове была издана монография М. А. Васильченко «Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (март – ноябрь 1918 года)» [1], в основу которой была положена диссертация, защищенная автором в 2014 г. в Саратовском государственном университете [2]. Историк на протяжении многих лет активно работал в рамках данной темы. Им были изданы научные труды в ряде рецензируемых журналов [3–5].

Название книги отражает ключевую проблему научного исследования: изучение роли солдат Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в Поволжском регионе.

Автор на обширном материале региональных и федеральных архивов анализирует процесс становления и развития чехословацких частей в России, их участие в Первой мировой войне и событиях весны 1918 г. М. А. Васильченко приходит к выводу о том, что Чехословацкий корпус по мере разложения русской армии, как выражается автор «автономизировался», т. е. можно говорить о росте националистических

настроений в его составе и преобладании про-буржуазных интересов [1, с. 146].

В трех главах монографии последовательно рассматриваются процесс становления Чехословацкого корпуса, социально-политическое положение в Поволжском регионе накануне мятежа Чехословацкого корпуса, а также непосредственные события весны – осени 1918 г.

Документальное построение работы основано на материалах ГАРФ, РГВИА, РГВА, а также региональных архивов Самарской, Пензенской областей, Республики Татарстан, многочисленной мемуарной и периодической литературе. Изученные материалы зачастую предоставляли весьма противоречивую информацию, а в ряде случаев иллюстрировали информационные лакуны, которые еще предстоит исследовать.

Вводя в широкий научный оборот богатый фактический материал, автор сознательно избегает политизированных и идейно-мировоззренческих рассуждений. Он пытается быть над схваткой, что значительно затрудняет анализ его политико-идеологического мировоззрения и идейно-ценностного отношения к объекту исследования. В определенном смысле такой авторский, категорический, нейтральный подход академически оправдан и приветствуется в науке. Однако, на наш взгляд, никто еще не опроверг принципа социально-классового подхода, или пресловутой партийности (если вспомнить В. И. Ленина), идеологического компонента, который неизбежно всплывает (вольно или невольно) в любом социально-историческом исследовании. Думается, что четкая авторская позиция, подкрепленная соответствующей аргументацией, могла бы только усилить текст.

Актуальность работы обусловлена следующими причинами. Во-первых, выдающейся ролью Чехословацкого корпуса в развязывании широкомасштабной Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. До этого данная война велась локально и с малым уровнем насилия. Во-вторых, особенностью любой гражданской войны, когда в ходе распада прежнего государства и его дезинтеграции, смуты, всякий раз страну ожидает иностранное вмешательство, причем даже в форме невольных пособников других западных стран, к которым,

безусловно, можно отнести войска Чехословацкого корпуса.

Научная новизна работы выражается в отходе от традиционных исследовательских парадигм, где чехословаки представлялись изначальными врагами советской власти. Авторский подход заключается в попытке представить их в качестве романтизированных сторонников национальной идеи, которой с выгодой для себя манипулировали западные страны Антанты, по факту превратив чехословаков в орудие своих далеко идущих геополитических планов в отношении России. Логика исследования такова: национальное самоопределение во время войны – вещь обманчивая для ее искренних и романтических адептов. И с этим можно согласиться.

Несомненные положительные стороны работы – это разнообразный круг источников: от многочисленных архивных документов до мемуарной литературы, монографий и т. д.; широкий историографический обзор, отсутствие политико-идеологической ангажированности, взвешенность при оценке событий и фактов, т. е. все то, что делает исследовательскую работу по-настоящему научной.

Вместе с тем хочется высказать и ряд недостатков.

В работе имеются места, которые требуют четких разъяснений, уточнений и дополнений. Например, на с. 51 указывается, что, по решению Совнаркома и лично В. Ленина, чехам было предложено выехать из страны как можно быстрее с необходимым для их безопасности вооружением, причем без всяких препятствий со стороны советской власти. Однако следующее предложение прямо противоречит вышесказанному. В нем зачитан приказ Л. Троцкого военному комиссару Московского округа Н. И. Муралову: «Остановить эшелоны, чехам не продавать продовольствие и фураж, не допускать телеграфную связь». И не приводится никаких объяснений таким действиям. На с. 54 автор уже прямо обвиняет центральные власти в том, что «с самого начала обозначилась линия на срыв достигнутых с чехословацкой стороной договоренностей о порядке сдачи оружия войсками корпуса». И опять нет объяснений таким резко изменившимся мотивам действий советских властей. И дальше на с. 55 читаем: «Едва начавшееся продвижение было 3 апреля остановлено, хотя в Постановлении Совнаркома говорилось о немедленном продвижении». Хотелось бы больше разъяснений по такой политике советских властей.

Заслуживает внимания попытка автора реконструировать биографию командующего Поволжской группы С. Чечека. Стоит отметить, что роль этого видного деятеля Гражданской войны до сих пор не исследована в российской историографии, как, например, Р. Гайды

или С. Н. Войцеховского, а, в монографии она раскрыта не полностью. Представляется, что причина этому кроется в недостаточности источниковой базы.

Несомненной удачей М. А. Васильченко является попытка ввести в научный оборот термин «автономизация» как индикатор роста национальных настроений среди солдат и офицеров. Убедительными кажутся такие факторы мятежа, как повседневность, бытовые проблемы в пути и сложности с перспективой переброски в Европу. Вместе с тем трудно не согласиться, с мнением, согласно которому Чехословацкий корпус стал объектом влияния представителей буржуазных политических сил, что убедительно было доказано в советской историографии. Однако автор оставляет эту важную политико-идеологическую точку зрения за скобками повествования. В связи с этим работа кажется несколько асимметричной, так как в 1918 г. многие солдаты корпуса, самым известным из которых является Я. Гашек, перешли к большевикам именно в Поволжье. В монографии об их судьбе упоминается вскользь. Возможно, автор сможет раскрыть эту проблематику в последующих своих работах.

К сожалению, насыщенность сюжета, динамичность боевых действий не позволила М. А. Васильченко уделить большее внимание теоретическим аспектам работы. Хотелось бы видеть больше обобщений, через которые можно проследить авторское отношение к исследуемым событиям. Его принципиальная беспристрастность в данном случае, на наш взгляд, сыграла несколько отрицательную роль.

Наконец, на наш взгляд, в монографии нет четкого авторского объяснения причин восстания Чехословацкого корпуса и его интервенционистской политики в отношении Советской России.

Вместе с тем указанные недостатки не умаляют научные достоинства монографии Васильченко Максима Анатольевича. В заключение хочется пожелать автору дальнейшей разработки тематики участия иностранных контингентов в годы Гражданской войны на территории Советской России из числа малых народов бывшей Австро-Венгрии.

Список литературы

1. Васильченко М. А. Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май – ноябрь 1918 года). Саратов : Техно-Декор, 2021. 172 с.
2. Васильченко М. А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 26 с.
3. Васильченко М. А., Панин Е. В. Чехословацкий корпус и антибольшевистские силы Поволжья: ключевые

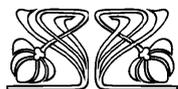
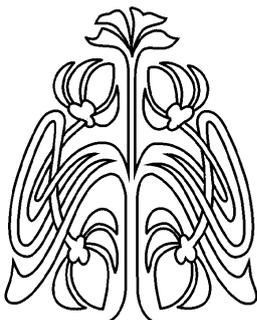
аспекты взаимодействия // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 7. С. 26–29. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.4>

4. *Васильченко М. А., Панин Е. В.* Интендантское обеспечение Чехословацкого корпуса в годы гражданской войны в России // Вопросы национальных и федератив-

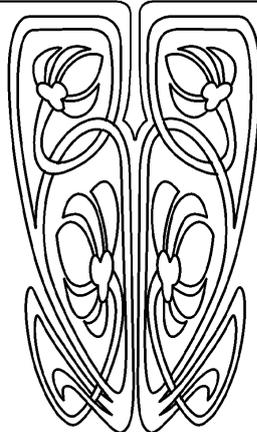
ных отношений. 2020. Т. 10, № 6 (63). С. 1483–1489. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.6.007>

5. *Васильченко М. А., Вацулик Я.* Богдан Павлу и его деятельность в России (1915–1919 гг.) // Научный диалог. 2021. № 6. С. 347–360. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-347-360>

Поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 10.11.2022

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Журнал выходит 4 раза в год
Подписной индекс издания 36018
Цена свободная

Оформить подписку на печатную версию можно
в Интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2023.
Том 23, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

